

Годъ 12-й.

Кн. XLV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1900, № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скор. А. А. Леваковъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. 23.

1900.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологін и Этнографіи, при Московскомъ университетѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Николай Николаевичъ Харузинъ. († 25 марта 1900 г.) Съ приложеніемъ портрета и библиографическаго перечня печатныхъ трудовъ его. <i>Всес. Миллера</i>	1
II. Чердынскіе вогулы. Этнографическій очеркъ. <i>И. Н. Глушкова</i>	15
III. Свадьба у великоруссовъ (Вологодской губ.) IV. а) Свадебные обычаи и пѣсни у крестьянъ Стрѣлицкой волости Тотемскаго уѣзда.—б) Свадебные обычаи въ Шонгско-Николаевской волости, Николаевскаго уѣзда. <i>Мих. Кукулина</i>	79
IV. Иранскіе богатыри въ средѣ Армянскаго народа и содержаніе армянскихъ сказаній объ иранскихъ герояхъ. I. Сказитель Григоръ Хачатрянъ (1. Рстамъ. 2. Фахрамазъ. 3. Теймуръ. 4. Бурай. 5. Гагль Гахраманъ). II. Сказитель Мурадъ Мхитарянъ (Рстами Заль).—III. Сказитель Варданъ Галустьянъ (Ростамъ).—IV. Сказитель Василій Арутюнянъ (1. Бурза. 2. Тѣбуръ-Шеравъ).—V. Рустамъ (курдскій вариантъ). <i>Б. Халатянца</i>	115
V. Смѣсь: Этнологическія замѣтки. I. Бѣжецкій условный языкъ.— II. Причитанія матери «уноши князя Ростислава». <i>Вл. Калаша</i>	161
Русскій Семикъ. (Задушныя поминки. Завиваніе вѣнковъ. Проводы русалокъ). <i>А. И.</i>	163
Сказка о Касьянѣ, записанная Б. В. Бѣляевымъ. Сообщ. <i>Н. Мендельсонъ</i>	166

	<i>Стр.</i>
Нѣкоторыя данныя по вѣрованіямъ армянъ Елизаветпольской губ. I. Небо, свѣтила, явленія природы. II. Духи. <i>Θ. И. Джейранова</i>	169
«Ханцегуаше» — общественное моленіе объ урожаѣ у кабардинцевъ. <i>Талиба Кашежсва</i>	174
VI. Леонидъ Николаевичъ Майковъ (+ 7 апрѣля 1900 г.).	
<i>Ва. Б.</i>	177
VII. Критика и библиографія.	
1. Отчеты о новыхъ книгахъ	180—183
Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXVI <i>А. Хазанова</i> (180).—В. Маргаритовъ. Камчатка и ея обитатели. (Записки Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О., т. V, в. 1). <i>А. Максимова</i> . (181).—Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. Кн. XXVI. <i>Ело-жсе</i> . (182).	
2. Кавказская библиографія. (Продолженіе: журналъ „Цискари“ за 1853—1875 гг.) Сост. <i>А. Хазановъ</i>	184
VIII. Вопросы. <i>В. Каллаша</i>	186
IX. Отъ Этнографическаго Отдѣла (Объявленіе о новыхъ изданіяхъ)	187

A. Koppelman
1871

И. Капустин

Николай Николаевич Харузинъ.

† 25 марта 1900 г.

Мнѣ вторично выпадаетъ на долю печальная обязанность занести въ синодикъ Этнографическаго Отдѣла имя Харузина, тѣсно связанное съ русской этнографіей и всею дѣятельностью московскаго этнографическаго кружка. Въ 1888 году скончался Михаилъ Николаевичъ Харузинъ, бывшій секретарь Отдѣла. 25-го марта текущаго года за нимъ послѣдовалъ младшій братъ Николай Николаевичъ, товарищъ предсѣдателя Отдѣла, похищенный смертью на 34 году жизни, въ полномъ разцвѣтѣ духовныхъ силъ и способностей. Всѣ, кому дороги судьбы русской науки, всѣ, кто слѣдили за неутомимой научной дѣятельностью покойнаго по его печатнымъ трудамъ, искренно пожалѣютъ объ этой неожиданной утратѣ. Тѣмъ тяжелѣе она для насъ, близко знавшихъ Николая Николаевича, видѣвшихъ въ постоянномъ дѣйствіи эту необыкновенную энергію, эту кипучую натуру ученаго, живущую исключительно интересами науки, для насъ, испытывавшихъ на себѣ бодрящее, побуждающее къ дѣятельности вліяніе его личности. Особенно тяжела эта утрата для молодыхъ членовъ нашего кружка: многіе изъ нихъ были въ полномъ смыслѣ его учениками, были введены имъ въ наше Общество, работали подъ его наблюденіемъ и руководствомъ...

Упорная работа — вотъ все содержаніе этой короткой жизни. Долгая всесторонняя подготовка къ научной дѣятельности—и, какъ результатъ подготовки, короткій, къ сожалѣнію, слишкомъ короткій, но въ высшей степени плодотворный періодъ самостоятельнаго писательскаго труда и учительства, завоевавшій Харузину почетное имя въ исторіи русской этнографіи.

Напомнимъ нѣкоторые факты его несложной біографіи. Николай Николаевичъ Харузинъ родился въ 1865 году, учился въ IV-ой московской гимназіи (гдѣ шелъ первымъ ученикомъ до VI класса), окончилъ курсъ въ 1885 году. Владѣя новыми языками и живо интересуясь, насколько позволяла

суровая классическая школа перваго періода нашего классицизма, культурно-историческимъ чтеніемъ, Н. Н. мечталъ въ гимназіи о поступленіи на историко-филологическій факультетъ. Но съ введеніемъ университетскаго устава 1884 года были настолько усилены занятія классическими языками на этомъ факультетѣ, что это нововведеніе удержало его, какъ и многихъ другихъ, отъ поступленія въ число филологовъ. Онъ рѣшилъ по совѣту старшаго брата, который вообще оказалъ первое сильное вліяніе на его научное развитіе, поступить на юридическій факультетъ. Въ университетѣ Н. Н. особенно усиленно занимался исторіей русскаго права и государственнымъ правомъ. Любимымъ профессоромъ, котораго лекціи и книги поддерживали въ немъ интересъ къ этимъ наукамъ, былъ М. М. Ковалевскій. Кромѣ обязательныхъ предметовъ юридическаго факультета, личныя симпатіи влекли Н. Н. къ изученію обычнаго права и этнографіи, которыми онъ началъ интересоваться еще въ гимназіи. По зачетѣ 8 семестровъ Н. Н. въ 1890 г. приступилъ къ государственнымъ экзаменамъ, первую половину которыхъ онъ и выдержалъ весной этого года. Но, вынужденный перетомленіемъ прекратить экзамены, онъ, по выздоровленіи, рѣшилъ отказаться отъ юридическихъ наукъ, отдаться своимъ историко-культурнымъ симпатіямъ и готовится къ диплому кандидата историко-филологическаго факультета, избравъ окончательнo своей научной специальностью обширную область этнографіи. Изучая лекціи профессоровъ историческаго отдѣленія и обширную научную литературу въ 1891 году, онъ въ слѣдующемъ предпринимаетъ поѣздку за границу, въ Германію и Францію. Въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ онъ основательно изучаетъ коллекціи этнографическихкихъ и археологическихкихъ музеевъ. Въ Парижѣ, кромѣ занятій въ музеяхъ, онъ слушаетъ лекціи по этнографіи и первобытной исторіи у профессора Флакка (Collège de France), Летурно, Габріеля и Адриена де Мортилье (въ Ecole d'Anthropologie). Кромѣ того онъ принималъ участіе въ занятіяхъ Société Nationale des Antiquaires de France, которое, по прочтеніи имъ доклада о новѣйшихъ взглядахъ на культуру курганнаго періода центральной Россіи, удостоило его серебрянаго жетона. Послѣ трехлѣтней подготовки Н. Н. въ 1893 году сдалъ экзаменъ на степень кандидата по этнографическо-географическому отдѣленію филологическаго факультета Юрьевского университета.

Уже съ перваго года пребыванія въ университетѣ Н. Н. начинаетъ въ вакаціонное время совершать научныя экскурсіи въ разныя области Россіи съ цѣлью изученія ея многочисленныхъ народностей. Весною 1886 года, только что

перейдя на 2-ой курсъ, услыхавъ о снаряжаемой Московскимъ Археологическимъ обществомъ экспедиціи на Кавказъ, онъ явился ко мнѣ съ просьбой взять его съ собою въ качествѣ добровольца-помощника. Видя увлеченіе юнаго студента-юриста, съ которымъ я тутъ впервые познакомился, я не могъ отказать ему въ его просьбѣ. Въ теченіе трехмѣсячной поѣздки я близко сошелся съ нимъ и могъ на дѣлѣ убѣдиться въ его глубокомъ интересѣ къ наукѣ и замѣчательной работоспособности. Студентъ-юристъ оказался увлеченнымъ любителемъ археологій и этнографіи и былъ мнѣ самымъ полезнымъ помощникомъ при раскопкахъ въ Чечнѣ, Осетіи и въ Крыму (въ Алуштѣ). Я живо помню, какъ тщательно онъ велъ записи раскопкамъ, регистрировалъ находимые предметы, отмѣчалъ все интересное въ археологическомъ отношеніи, что намъ встрѣчалось по пути, съ какимъ рвеніемъ выбиралъ все содержимое подземныхъ склеповъ и т. д. Одновременно съ археологическими занятіями онъ въ чеченскихъ и осетинскихъ аулахъ собиралъ свѣдѣнія по обычному праву и записывалъ преданія и сказки. Этого пріема въ каждомъ путешествіи изучать страну и людей по возможности въ разныхъ отношеніяхъ онъ держался во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ поѣздкахъ, почему всѣ онъ даютъ ему столь обильный матеріалъ для научныхъ сообщеній. Такъ, слѣды первой экспедиціи молодого студента мы находимъ въ цѣломъ рядѣ работъ. Онъ описываетъ раскопки въ Алуштѣ въ „Симферопольскихъ Вѣдомостяхъ“, археологическія экскурсіи въ Чечнѣ и Осетіи—въ газ. „Кавказъ“, печатаетъ замѣтки о юридическомъ бытѣ чеченцевъ и ингушей въ „Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, издаваемомъ при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ“ и тамъ же ингушскія сказки, записанныя во время поѣздки по Чечнѣ, наконецъ, немного позже, въ 1888 г., помѣщаетъ въ „Вѣстникѣ Европы“ описаніе нашего совместнаго путешествія подъ заглавіемъ „По горамъ сѣвернаго Кавказа“ (кн. X. и XI).

Въ лѣто слѣдующаго 1887 года онъ переносится на сѣверную окраину Россіи, въ командировкѣ Этнографическаго Отдѣла для изученія быта русскаго населенія Олонецкой губерніи и лопарей. Эта — уже вполне самостоятельная научная поѣздка была еще плодотворнѣе по своимъ результатамъ и была по заслугамъ награждена серебряной медалью нашего Общества. Она внесла въ нашу этнографическую литературу рядъ интересныхъ статей и матеріаловъ, каковы статьи Н. Н-ча: „О лопарской бывальщинѣ и пѣснѣ“, „О нойдахъ у древнихъ и современныхъ лопарей“, „Къ вопросу о двухъ типахъ лопарей“, „Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго у. Олонецкой губерніи“. Но

самымъ важнымъ результатомъ изученія лопарей и всей предшествующей научной литературы объ этой народности является капитальная монографія Н. Н. Харузина „Русскіе Лопари“ (472 стр. in 4°), исчерпывающая всѣ стороны прошлаго и современнаго быта лопарей. Начинаясь очеркомъ страны русскихъ лопарей и историческими свѣдѣніями о нихъ, изслѣдованіе Н. Н. Харузина содержитъ далѣе самый полный очеркъ внѣшняго и матеріальнаго быта, переходитъ къ изученію древней религіи лопарей и слѣдовъ древнихъ вѣрованій, сохранившихся донинѣ, даетъ затѣмъ обстоятельное изложеніе семейнаго и общественнаго быта и кончается интереснѣйшей главой о лопарскомъ народномъ творествѣ. Монографія снабжена цѣнными приложеніями нѣкоторыхъ архивныхъ документовъ и иллюстрирована политикажами. „Попытки собрать во-едино разбросанныя въ этнографической литературѣ свѣдѣнія о лопаряхъ, провѣрить ихъ критически, пополнить собственными наблюденіями и представить этотъ сводъ данныхъ въ видѣ систематической монографіи—не было сдѣлано въ новѣйшее время еще никѣмъ, и трудъ Н. Н. Харузина является первымъ опытомъ въ этомъ родѣ и притомъ настолько полнымъ и основательнымъ, что къ нему трудно прибавить что-нибудь существенное, и что онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ служить точкой отправленія для всѣхъ послѣдующихъ работъ по изученію того же племени“¹⁾. Въ этихъ словахъ высказываетъ свое мнѣніе о достоинствѣ книги Н. Н. Харузина такой компетентный ученый, каковъ проф. Д. Н. Анучинъ. Общество же Любителей Естествознанія, по представленію Этнографическаго Отдѣла, присудило автору за его упорную трехлѣтнюю работу надъ этимъ обширнымъ трудомъ золотую медаль.

За второю этнографическою поѣздкою Харузина слѣдуетъ рядъ другихъ: посѣщать каждое лѣто ту или другую область Россіи—становится у него какъ бы привычкою.

И вотъ въ 1888 г. онъ снова посѣщаетъ Крымъ и Кавказъ, въ 1889 Крымъ и Черниговскую губернію, въ 1890 предпринимаетъ экскурсіи въ Вятскую и Пермскую губерніи, въ 1891—въ губернію Эстляндскую, затѣмъ въ Астраханскую и въ Закавказье, въ 1892 снова въ Эстляндскую губернію, въ 1894 снова въ Крымъ, въ 1895 въ Западную Сибирь, въ 1896 въ Алтайскій округъ и Кулундинскую степь. Во время своихъ лѣтнихъ поѣздокъ Н. Н. постоянно старался сближаться съ мѣстными дѣятелями по этнографіи и путемъ личныхъ сношеній и затѣмъ переписки привлекать ихъ къ

¹⁾ Этнограф. Обзоріе, кн. IV, стр. 209.

своему любимому дѣлу—всестороннему изученію быта населенія. Экскурсіи даютъ ему постоянно новый и интересный матеріалъ для статей и докладовъ въ Этнографическомъ Отдѣлѣ, въ трудахъ котораго онъ принимаетъ самое горячее участіе уже вскорѣ послѣ своей первой, еще студенческой, повѣдки. Всѣ мы знаемъ, что въ лѣтописи нашего Отдѣла съ 1886-го года имя Николая Харузина встрѣчается постоянно вплоть до дня его кончины. Напомнимъ лишь нѣкоторыя, главные черты его дѣятельности. Съ 1889 по 1893 г. Н. Н. состоялъ сначала помощникомъ, а затѣмъ 2-мъ секретаремъ Отдѣла, причѣмъ завѣдывалъ редактированіемъ нѣсколькихъ выпусковъ издавнаго по его инициативѣ Сборника свѣдѣній по изученію быта крестьянскаго населенія Россіи, въ которомъ помѣщались и собранные имъ лично матеріалы. Благодаря своему юридическому образованію и всестороннему изученію обычнаго права, онъ обратилъ особое вниманіе на этотъ отдѣлъ этнографическихъ свѣдѣній, входящихъ также въ программу дѣятельности нашего Отдѣла, старался привлечь студентовъ-юристовъ къ изученію обычнаго права русскаго и ивородческаго, руководилъ ихъ занятіями и вводилъ новыхъ членовъ въ нашъ этнографическій кружокъ. Припомнимъ, что Н. Н. помогаль еще въ 1887 своему старшему брату Михаилу Николаевичу, бывшему секретаремъ Отдѣла, въ составленіи изданной имъ обширной „Программы для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ“. Но если обычное право всего раньше привлекало къ себѣ интересъ Н. Н., какъ юриста, онъ по свойству своей природы ученаго не могъ замкнуться исключительно въ этой области: онъ былъ этнографъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, и всѣ стороны матеріальнаго и духовнаго быта народовъ равно привлекали къ себѣ его вниманіе. Въ этомъ отношеніи среди членовъ нашего Отдѣла онъ представляетъ исключительное явленіе: онъ посвятилъ этнографіи всю свою дѣятельность, всѣ свои крупныя научныя способности и неутомимую энергію. Онъ долго и упорно изучалъ эту науку и ея исторію, въ Россіи и за границей, неоднократно предпринималъ съ этнографической цѣлью путешествія по Россіи, составлялъ для Комиссіи домашняго чтенія программы по изученію этнографіи, слѣдилъ за всѣми явленіями въ этнографической литературѣ въ Россіи и за границей и давалъ о нихъ отчеты въ многочисленныхъ статьяхъ и рецензіяхъ, руководилъ составленіемъ популярныхъ книжекъ по этнографіи Россіи, издаваемыхъ Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, и, наконецъ безвозмездно читаль научные курсы по этнографіи въ Московскомъ университетѣ и въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Спе-

ціальная подготовка и многочисленные научные труды несомнѣнно давали Н. Н. нравственное право быть профессоромъ этнографіи, и если онъ не достигъ профессуры, то не по своей винѣ, а потому, что этнографія, какъ наука, до сихъ поръ въ Россіи, къ сожалѣнію, не представлена университетской кафедрой, не введена въ число обязательныхъ факультетскихъ предметовъ, какимъ еще недавно сдѣлалась у насъ географія. Но историко-филологическій факультетъ московскаго университета въ виду научныхъ трудовъ Харузина единогласно допустилъ его въ 1896 г. къ чтенію лекцій по этнографіи въ званіи приватъ-доцента безъ требуемаго отъ кандидатовъ магистерскаго экзамена. Читая съ 96-го года систематическіе курсы этнографіи на историко-филологическомъ факультетѣ, Н. Н. всегда находилъ небольшую, но внимательную аудиторію, и его ученики уже скоро стали выступать въ засѣданіяхъ нашего Отдѣла съ собранными ими матеріалами или рефератами, составленными подъ его руководствомъ. Умѣнье привлекать слушателей къ своему предмету проявилось и въ томъ, что и въ Лазаревскомъ институтѣ, гдѣ Н. Н. началъ читать этнографію съ 1898 года, среди студентовъ-ориенталистовъ уже на второй годъ его преподаванія оказались лица, заинтересовавшіяся лекціями Харузина и выступавшія въ засѣданіяхъ нашего Отдѣла съ этнографическими рефератами. Итакъ, вислолько не преувеличивая научныхъ заслугъ Н. Н., мы можемъ сказать, что онъ въ теченіе десятилѣтія велъ самую энергичную пропаганду научнаго значенія этнографіи и въ Отдѣлѣ, и на университетской кафедрѣ, и въ своихъ изслѣдованіяхъ, и въ многочисленныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ и, наконецъ, въ своихъ сношеніяхъ со многими любителями этнографіи въ Москвѣ и провинціи.

Первымъ и главнымъ поприщемъ его писательской дѣятельности былъ органъ Отдѣла „Этнографическое Обзорніе“. Съ перваго года нашего журнала (1889) вплоть до текущаго нѣтъ ни одной книжки, въ которой мы не встрѣтили бы имени Н. Харузина, то подъ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, то подъ критической статьей, то подъ библиографической замѣткой. Ограничусь указаніемъ такихъ изслѣдованій, каковы: „Къ вопросу объ ассимиляціонной способности русскаго народа“. (Э. О. 1894 № 4), „Къ вопросу о борьбѣ московскаго правительства съ народными суевѣріями“ (1897 № 1), „Юридическіе обычаи Якутовъ“ (1898 № 2), „Медвѣжья присяга и тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ“ (1899, №№ 3 и 4), и двухъ обширныхъ статей: „Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ“ и „Очеркъ развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и

монгольскихъ народностей Россіи“, очерковъ, составившихъ двѣ книги въ отдѣльномъ изданіи. Знакомя наше общество съ движеніемъ этнографической литературы на западѣ, Н. Н. давалъ въ журналѣ обстоятельныя отчеты о наиболѣ крупныхъ изслѣдованіяхъ европейскихъ ученыхъ подъ общимъ заглавіемъ: „Изъ западно-европейской этнографической литературы“. Такъ, имъ были изложены и критически разобраны труды Гроссе и Летурно о зачаткахъ и развитіи искусства у малокультурныхъ народовъ (Э. О. 1895 № 1), Генриха Кунова—о зачаткахъ развитія семьи у австралійскихъ негровъ (1895 № 3), Мукке—объ ордѣ и семьѣ (Э. О. 1895 № 4), Гроссе и Гильдебранда по вопросу о соотношеніи хозяйственныхъ формъ быта съ характеромъ семейно-родовыхъ отношеній (Э. О. 1896 № 4), Кунова—о государственномъ строѣ древняго Перу (Э. О. 1899 № 1-2). Помимо критическихъ статей подъ названной рубрикой, мы находимъ въ отдѣлѣ „Критики и библиографіи“ нашего журнала длинный рядъ (до 140) рецензій иностранныхъ и русскихъ книгъ по этнографіи, подписанныхъ инициалами Н. Х., самаго неутомимаго изъ сотрудниковъ „Этнографическаго Обзорнія“.

Но если наиболѣ крупные труды Харузина появлялись на страницахъ нашего журнала, онъ, при своей неутомимости, находилъ возможность помѣщать свои статьи и во многихъ другихъ московскихъ, петербургскихъ, провинціальныхъ и иностранныхъ изданіяхъ, журналахъ и газетахъ. Теперь, когда его неожиданная кончина возлагаетъ на насъ обязанность подвести итоги его печатнымъ трудамъ, мы были поражены его производительностью, составивъ, быть можетъ, неполный списокъ всего явившагося за его подписью. Прилагая этотъ списокъ въ концѣ, отмѣтимъ только названія изданій, въ которыя онъ сдѣлалъ свой вкладъ; таковы: „Вѣстникъ Европы“, „Русская Мысль“, „Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ“, „Дневникъ Антропологическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э.“, „Археологическія извѣстія и замѣтки“, „Труды И. М. Археолог. Общества“, „Труды Археологической комиссіи И. М. Арх. Общества“, „Юбилейный сборникъ въ честь В. Э. Миллера“. Изъ провинціальныхъ изданій статьи Н. Н. можно найти въ газетахъ „Кавказъ“, „Симферопольскія Вѣдомости“, „Курскія Губернскія Вѣдомости“, „Воронежскія, Губернскія и Епархіальныя вѣдомости“, въ „Сборникѣ Историко-филологическаго Общества при институтѣ кн. Безбородко“, „Временникѣ Эстляндской губерніи“, въ „Трудахъ Орловской и Рязанской архивныхъ комиссій. Изъ заграничныхъ изданій Н. Н. помѣстилъ интересную статью „Etude sur les anciennes églises russes aux toits en forme de tente“ въ

Mémoires de la Soc. nation. des antiquaires de France (1893, t. LIII) и нѣсколько библиографическихъ отзывовъ и замѣтокъ въ журналѣ „Anthropologie“ (за 1890 г.). Сверхъ всего этого съ 1898 г. Н. Н. состоялъ постояннымъ сотрудникомъ двухъ газетъ—„Курьера“ и „С. Петербургскихъ Вѣдомостей“, гдѣ помѣщались статьи, касающіяся Востока. Въ „Курьерѣ“ шли его фельетоны подъ заглавіемъ „Письма о Востокѣ“ и рядъ передовыхъ и мелкихъ статей. Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ ему принадлежатъ нѣсколько передовыхъ и болѣе обширныхъ статей.

Нашъ очеркъ дѣятельности Н. Н. въ области этнографіи былъ бы далеко не полнымъ, еслибъ мы не коснулись, хоть вскользь, его работъ въ другой смежной области—археологіи и исторіи. Слѣды примитивнаго быта у современныхъ малокультурныхъ народовъ находятъ себѣ параллели и разъясненія какъ въ историческихъ свидѣтельствахъ о древнемъ бытѣ историческихъ народовъ, такъ и въ изслѣдованіяхъ могилъ остатковъ древнѣйшихъ поселеній и другихъ археологическихъ памятниковъ. Понимая тѣсную связь этихъ трехъ отраслей знанія, ведущихъ къ одной историко-культурной цѣли, Н. Н. оставилъ немало трудовъ въ области вещественной археологіи и исторіи, которые свидѣлствуютъ о широтѣ его научныхъ взглядовъ. Эти труды находятся въ связи съ его путешествіями, съ его службой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Архивѣ Министерства юстиціи, гдѣ онъ занимался разборомъ документовъ и пріобрѣлъ навыкъ въ чтеніи рукописей, и съ его безвозмездными занятіями въ Московскомъ Историческомъ музеѣ, котораго богатая коллекція онъ изучилъ основательно. Послѣ его участія въ раскопкахъ на Кавказѣ и въ Алуштѣ въ 1886 г., мы видимъ его производящимъ самостоятельно раскопки въ 1889 г. въ Гурзуфѣ и Гугушѣ, затѣмъ участвующимъ въ раскопкахъ подмосковныхъ городищъ и могильниковъ въ с. Коломенскомъ (Дьяково городище) и Спасскомъ. Но всего болѣе потрудился онъ для археологіи Балтійскихъ губерній, куда, какъ мы видѣли, нѣсколько разъ ѣздилъ въ лѣтнее вакаціонное время. Какъ необходимую, подготовительную работу къ X-му Археологическому съѣзду въ Ригѣ, онъ составилъ обстоятельный „Обзоръ доисторической археологіи Балтійскихъ губерній по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей“ (напечат. въ Ревелѣ въ 1894 г., 151 стр.). Изучивъ подробно труды мѣстныхъ ученыхъ и обильный раньше собранный раскопками археологическій матеріалъ въ мѣстныхъ музеяхъ, онъ убѣдился, что мѣстные изслѣдователи мало обращали вниманія на научное археологическое движеніе, совершавшееся въ остальныхъ частяхъ Россіи, мало слѣдили за нимъ, и не-

знакомство ихъ съ общерусской археологіей должно было привести къ нѣкоторымъ отрицательнымъ чертамъ, которыми часто грѣшатъ мѣстные ученые изслѣдованія. Стремленіе какъ можно быстрѣе рѣшить вопросы, являющіеся при изученіи древностей края, приводило неоднократно къ поспѣшнымъ и мало обоснованнымъ выводамъ и положеніямъ. Съ обычной основательностью Н. Н. въ своей книгѣ описываетъ въ 4-хъ обширныхъ главахъ археологическій матеріалъ Балтійскихъ губерній: монеты, предметы каменнаго и бронзоваго вѣка, городища, свайныя постройки, пещеры, жертвенныя мѣста, устройство могилъ, могильный инвентарь, и затѣмъ въ пятой главѣ, разсматривая вопросъ о классификаціи могилъ по народностямъ, критически разбираетъ теоріи Крузе, Бера, Гревинга, гр. Сиверса, Монтелиуса, Ундсета, Ворзаа и Аспелина и подготавливаетъ своими разысканіями для обсужденія съѣзда и дальнѣйшихъ изслѣдованій рядъ интересныхъ вопросовъ, связанныхъ съ доисторическимъ прошлымъ края, напр., вопросы о торговлѣ балтійскихъ славянъ съ мѣстнымъ краемъ и о ихъ поселеніяхъ въ немъ, о древней торговлѣ края съ русскими областями и друг. Книга Н. Н. читается съ живымъ интересомъ и, вѣроятно, долго будетъ служить необходимымъ введеніемъ для всѣхъ желающихъ ознакомиться съ археологіей Балтійскаго края для дальнѣйшихъ специальныхъ занятій. Такую же полезную работу для исторіи края представляетъ составленный Н. Н. „Обзоръ документовъ, относящихся къ исторіи Балтійскаго края и хранящихся въ московскихъ архивахъ Министерства Иностр. Дѣлъ и Юстиціи“ (напеч. въ „Временникѣ Эстл. губ.“ кн. 2 1894 г.), и изданные имъ въ 1896 г. въ сотрудничествѣ съ братомъ А. Н. Харузиннымъ „Матеріалы для изученія древностей Эстляндской губерніи“ (напеч. въ „Трудахъ И. М. Археолог. Общ.“). Интересъ къ мѣстной исторіи сказывается и въ другихъ работахъ Н. Н., каковы: „Къ исторіи гор. Герцке въ Ливоніи“ (Археол. Извѣст. и Запѣтки 1896), „О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Коккенхузена на основаніи документовъ, хранящихся въ Москов. Арх. Мин. Юстиціи“ (тамъ же, 1896 г., № 5 и 6), „Псковъ и его пригороды передъ 2-ю польской войной при царѣ Михаилѣ“ (Труды Археогр. комисс. И. М. Арх. Общества, 1898.). Оставляя въ сторонѣ другія статьи Н. Н., свидѣтельствующія о его постоянномъ интересѣ къ археологіи и исторіи и обширномъ знакомствѣ съ литературой печатной и архивной, а также археологическими коллекціями посѣщенныхъ имъ областей Россіи, упомяну въ заключеніе, что, состоя членомъ И. Моск. Археологическаго общества, онъ является однимъ изъ иниціаторовъ Археографической комиссіи общества и однимъ изъ усерднѣйшихъ сотрудни-

ковъ издававшихся Обществомъ „Археологическихъ Извѣстій и замѣтокъ“.

Краткій обзоръ научной дѣятельности и печатныхъ трудовъ Н. Н. Харузина уже достаточно показываетъ, какую утрату для русской науки представляетъ его преждевременная кончина. Мы лишились въ немъ крупной научной силы, одаренной притомъ, что нечасто встрѣчается на Руси, замѣчательной энергіей и производительностью. Природа не обидѣла русскаго человѣка ни умомъ, ни даровитостью; но гораздо рѣже, чѣмъ то и другое, встрѣчаются въ нашемъ обществѣ тѣ оба драгоценныя свойства, которыми былъ надѣленъ Н. Н. Не напрасно чертою славянскаго характера въ Европѣ нѣкоторые считаютъ непроизводительность (*l'improductivité slave*)! Коренному русскому человѣку, какимъ былъ Н. Н., эта славянская черта была совершенно чужда: русскій характерный глаголь, непереводаемый на другіе языки: „собираюсь“ (сдѣлать то-то и то-то), не входилъ въ его словарь. Онъ никогда не *собирался* приступить къ какому-нибудь дѣлу, но приступалъ немедленно, не откладывая въ долгій ящикъ. Этимъ и объясняется, что въ сравнительно короткое время онъ такъ много наработалъ. Но эта упорная работа, быть можетъ, и подорвала прежде времени его далеко не крѣпкій отъ природы организмъ. Много разъ говорили ему врачи о переутомленіи, о необходимости полнаго отдыха; но, насколько знаю, Н. Н., вполне сознавая эту необходимость, никогда не могъ выдержать долго характера только въ этомъ отношеніи: его дѣятельный умъ и кипучая натура были главными врагами его физическаго организма.

Однако, при всей своей работоспособности, Н. Н. былъ не изъ тѣхъ работниковъ, которымъ все дается легко. Зная его близко, я могу утверждать, что работа стоила ему большой затраты силъ. Если въ короткое время онъ сдѣлалъ много, то не потому, чтобы работалъ скоро, а потому, что не терялъ времени даромъ. Вполнѣ русскій человѣкъ, онъ только работалъ понѣмецки—аккуратно и систематично. Все, что подписано его именемъ, отличается основательностью, продуманностью и тщательностью въ отдѣлкѣ. Ученый недюжиннаго ума, съ широкимъ научнымъ кругозоромъ, съ обширнымъ общимъ образованіемъ, онъ не былъ способенъ къ одностороннимъ увлеченіямъ, къ смѣлымъ, но рискованнымъ обобщеніямъ. Здоровый скептицизмъ, критическій тактъ, основанный на обширныхъ специальныхъ знаніяхъ, не позволяли ему увлекаться научными гипотезами, какъ бы блестящи онъ ни казались. Соответствіе между фактами и выводами—вотъ тотъ принципъ (*ne quid nimis*), который чувствуется при чтеніи cadaго его изслѣдованія, и это свойство дѣлаетъ

особенно цѣнными какъ его личныя наблюденія и соображенія, такъ и критическіе отзывы его о чужихъ теоріяхъ и гипотезахъ.

Но не одними изслѣдованіями и статьями сдѣлалъ Н. Н. Харузинъ въ короткое время крупный вкладъ въ русскую науку. Онъ не былъ по характеру своему исключительно кабинетнымъ ученымъ. Онъ былъ общителенъ по природѣ, любилъ дѣлиться своими мыслями и знаніями, особенно съ молодыми людьми, въ которыхъ замѣчалъ интересъ къ наукамъ. Онъ гостепріимно принималъ ихъ у себя, снабжалъ книгами, давалъ совѣты, руководилъ занятіями. Въ появившихся въ газетахъ воспоминаніяхъ о немъ звучитъ не только нота уваженія къ ученому, но и любви къ нему, какъ къ душевному человѣку. Дѣйствительно, онъ любилъ своихъ учениковъ, сближался съ ними, входилъ въ потребности ихъ занятій; узнавалъ ихъ матеріальное положеніе и старался быть имъ полезенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Эту сторону его дѣятельности я особенно хорошо знаю, такъ какъ въ теченіе двухъ лѣтъ имѣлъ возможность наблюдать Н. Н., какъ преподавателя этнографіи въ специальныхъ классахъ Лазаревскаго Института. Онъ зналъ всѣхъ своихъ слушателей, охотно говорилъ объ ихъ способностяхъ, интересахъ и характерахъ. Онъ постоянно хлопоталъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія недостаточныхъ студентовъ: доставлялъ имъ уроки и литературную работу, ходатайствовалъ объ освобожденіи отъ платы, причемъ неоднократно самъ вносилъ ее, ссылаясь при этомъ, по обычной скромности, на порученія, яко бы данныя ему другими лицами (чему, впрочемъ, я не вѣрилъ). Помогалъ онъ студентамъ и своими личными, далеко не обильными средствами, о чемъ я узналъ уже послѣ его кончины. Н. Н. былъ въ полномъ смыслѣ „заботникъ“ о студентахъ. При свойственной ему добросовѣстности нечего и говорить, какъ тщательно онъ относился къ добровольно и безвозмездно принятымъ имъ на себя обязанностямъ преподавателя этнографіи. Курсъ его лекцій былъ строго обдуманъ во всѣхъ подробностяхъ, соразмѣренъ съ количествомъ часовъ, отличался стройностью и законченностью. Поэтому онъ боялся нарушить эту стройность непредвидѣнной манкировкой. Даже въ теченіе его непродолжительной предсмертной болѣзни его тревожила мысль, что онъ не успѣетъ закончить своего курса лазаревцамъ. Приведу послѣднія строки, уже написанныя слабѣющею рукою въ постели, изъ письма, полученнаго мною отъ него 21-го марта, за 4 дня до его смерти: „спѣшу Васъ увѣдомить, что, къ сожалѣнію, я не буду въ состояніи читать въ Институтѣ лекцій на этой недѣлѣ. Мнѣ лучше, но я все еще пока лежу, хотя и надѣюсь

вскорѣ встать". Эти надежды, какъ и многія другія въ его жизни, обманули его. Кровонзліяніе въ область сердца, утромъ 25 марта, свело все его счеты съ жизнью, давшей ему слишкомъ мало счастья и слишкомъ много заботы и работы.

Преждевременная кончина Н. Н. обманула и надежды русской науки, которая могла многого ожидать отъ его обширныхъ знаній и неутомимой энергіи, и надежды Отдѣла Этнографіи, который высоко цѣнилъ его постоянное и любовное участіе въ своихъ трудахъ.

Всев. Миллеръ.

Библиографическій перечень печатныхъ трудовъ Н. Н. Харузина.

1. Археологическія экскурсіи въ Чечню и Осетию. „Кавказъ“ 1886 г.
2. По горамъ сѣвернаго Кавказа. Вѣстн. Европы 1888, кн. X и XI.
3. Замѣтки о юридическомъ бытѣ чеченцевъ и ингушей. Сборн. матер. по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ этнограф. музеѣ. Вып. III, стр. 115—142. 1888 г.
4. Сказки, записанныя въ ингушскомъ аулѣ Цори. Тамъ же, стр. 149—154.
5. О лопарской бывальщинѣ и пѣснѣ. Тамъ же, стр. 1—13.
6. Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго у. Олонецкой губерніи. Сборн. свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, 1889 г. Перепечатано въ Олонецк. сборникѣ. Вып. III. Петрозаводскъ, 1894 г.
7. О нойдахъ у древнихъ и современныхъ лопарей. Этнограф. Обзорніе 1889 г.
8. Русскіе лопари. Очерки прошлаго и современнаго быта, стр. II+472 in 4°. Составляетъ т. X Трудовъ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. Москва, 1890. Удостоено золотой медали Общества.
9. Къ вопросу о двухъ типахъ лопарей. Дневникъ Антропол. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э.
10. Обзоръ доисторической археологіи въ Балтійскихъ губерніяхъ по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей. (Къ X-му Археологическому съѣзду въ Ригѣ). 151 стр. Ревель 1894. (Оттискъ изъ IX-го тома Трудовъ Эстляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, 1-ой книги „Временника Эстл. губ.“ 1893.
11. Къ вопросу о религиозныхъ воззрѣніяхъ крестьянъ Калужской губерніи. Этн. Обзор. 1892 № 2—3.
12. Etude sur les anciennes églises aux toits en forme de tente. Въ Mem. de la Société nation des antiquaires de France. T. LIII, Paris. 1893.
13. Къ вопросу о древне-русскихъ некалендарныхъ именахъ. Этн. Обзор., кн. XVI. 1893.
14. Къ вопросу объ ассимиляціонной способности русскаго народа. Э. О. 1894 № 4.
15. Къ исторіи города Старый Осколь. Курскія Губ. Вѣд. 1894 № 916.
16. Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ. М. 1895.
17. Обзоръ документовъ, относящихся къ исторіи Балтійскаго края и хранящихся въ Московскихъ Архивахъ Мин. Иностран. дѣлъ и Юстиціи. Во Временникѣ Эстл. губ. Кн. 2. 1894.

18. О древностях Томскаго музея. Археол. Изв. и Замѣтки 1895, №№ 9—10.
19. Движеніе къ изученію Россіи среди французскихъ археологовъ. Тамъ же, №№ 7—8, 1895.
20. Къ исторіи города Герцеке въ Ливоніи. Тамъ же, №№ 2—3, 1895.
21. Историческое извѣстіе о городской службѣ стровтеля города Коротояка стольника и воеводы Давиды Семеновича Яковлева. Ворон. Губ. Вѣдом. 1895 №№ 16 и 17 (по поводу 250-лѣтія г. Коротояка).
22. Изъ западно-европейской этнографической литературы. I. О зачаткахъ и развитіи искусства у малокультурныхъ народовъ. (По соч. Grosse и Ch. Letourneau). Э. О., кн. XXIV, 1895 г.
23. Изъ западно-европейской литературы. II Новые матеріалы для изученія исторіи развитія семьи. (По Heinrich'у Cunow'у). Э. О. кн. XXII.
24. Изъ западно-европейской этнографической литературы III. Новый взглядъ на исторію происхожденія семьи. Э. О., кн. XXVII, 1895.
25. Изъ западно-европейской этнографической литературы. IV. Соотношенія хозяйственныхъ формъ быта съ характеромъ семейно-родовыхъ отношеній. (По Гроссе и Гильдебранду). Э. О., кн. XXXI, 1896.
26. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи. М. 1896, стр. IV+124 (=Этн. Обзор. 1896 г.).
27. (Въ сотрудничествѣ съ А. Н. Харузинимъ). Матеріалы для изученія древностей Эстляндской губерніи. Труды И. М. Археол. Общ. М. 1896.
28. О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Коккевхузена на основаніи документовъ, хранящихся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Археол. Изв. и Замѣтки. 1896 №№ 5—6.
29. Къ исторіи соборнаго храма въ г. Коротоякѣ. Ворон. Епарх. Вѣдом. 1896.
30. Среди новоселовъ Отъ Баряула до Костина Лога. Русс. Мысль 1897.
31. Къ вопросу о борьбѣ московскаго правительства съ народными языческими обрядами и суевѣріями въ половинѣ XVII в. Этн. Обзор. 1897. Кн. XXXII.
32. Un vieux rite médical. Melusine 1897 № 8.
33. Юридическіе обычаи якутовъ. По матеріаламъ Н. П. Припузова. Э. О., кн. XXXVII 1898.
34. Очерки первобытнаго права I. Семья и родъ. М. 1898 (изд. Вопросы науки, искусства, литературы и жизни № 14).
35. Къ вопросу объ употребленіи „некалендарныхъ“ именъ въ допетровской Руси. Сбор. Истор. филолог. Общества при Институтѣ кн. Безбородко, т. II. Нѣжинъ, 1898.
36. Псковъ и его пригороды передъ 2-ю польскою войною при царѣ Михайлѣ. Труды Археогр. Комиссіи И. М. Археол. Общ. т. I. М. 1898.
37. Взглядъ Langlois на архивное дѣло. Тамъ же, т. I.
39. Изъ западно-европейской этнографической литературы, V. Государственный строй древняго Перу (по Н. Cunow'у) Э. О. кн. XL—XLI 1899 г.
40. Очерки дѣятельности европейцевъ на Востокѣ. I, II, III, IV. Русская Мысль, 1899.
41. „Знамена“ у Мордвы въ XVI и XVII вв. (съ 168 рисунками). Юбилейн. Сборникъ въ честь В. Э. Миллера. М. 1900

Кромѣ перечисленныхъ статей Н. Н. Харузинимъ было помѣщено въ „Этнографическомъ Обзорѣнн“ около 140 рецензій, русскихъ и иностранныхъ, и много статей и рецензій въ газетахъ: „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Курьеръ“, „Русскія Вѣдомости“ и друг.

Въ С.-Петербур. Въѣзности къ ему принадлежатъ статьи:

- 1899 г. № 299. Русская торговля въ мадраситскомъ Черноморья.
 — — 322. Положеніе русской торговли въ Персін.
 — — 349. Интересна ли для насъ восточная печать?
 1900 г. — 13. Переселенческое движеніе въ Сивін.
 — — 15. Къ вопросу о русской торговлѣ въ Малой Азіи.
 — — 55. Къ вопросу о русско-турецкой торговлѣ.
 — — 79. Назрѣвшій вопросъ (недостатокъ подготовленныхъ дѣятелей на нашия восточныя окраины).

Въ „Бурьеръ“: 1899 г. № 34. Новый „восточный вопросъ“.

- — 48. Оманскій вопросъ.
 — — 61. „Коричіе“ Китайской имперіи.
 — — 75. „Морское завоеваніе“ Малой Азіи.
 — — 90. Условія паломничества въ Мекку.
 — — 104. Первые шаги дѣятельности иѣмцевъ Кіаочау.
 — — 119. Успѣхи германской философіи въ Японіи.
 — — 131. Приморская область и ея промышленность.
 — — 157. Будущность Турціи съ точки зрѣнія турецкихъ интересовъ.
 — — 171. Интересы Россіи въ южной Персін.
 — — 185. Маркизъ Ито о самомъ себѣ.
 — — 199. Отношенія китайцевъ къ иностранцамъ въ прежде время.
 — — 213. По поводу проекта новой малоазіатской желѣзной дороги.
 — — 227. Портъ-Артуръ и городъ Дальній.
 — — 248. Захватъ или цивилизаторская дѣятельность.
 — — 269. Корея и Японцы.
 — — 290. Самсунъ и Трапезундъ.
 — — 297. Аравія и Англія.
 — — 318. „Мирная война“ на Востокѣ.
 — — 339. Бендеръ Аббасъ.
 1900 г. № 5. Французско-мусульманскія школы въ Тунисѣ.

ЧЕРДЫНЦСКІЕ ВОГУЛЫ.

Этнографическій очеркъ.

I.

Восточная часть Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи, раскинувшись на предгоріяхъ Урала, представляется сплошь гористою. Самая восточная его часть взбѣгаетъ на Уралъ, гдѣ по линіи водораздѣла сибирскихъ и европейскихъ рѣкъ этотъ уѣздъ уступаетъ свои владѣнія своему сосѣду—Верхотурскому уѣзду. Съ юга этотъ уѣздъ граничитъ съ Соликамскимъ уѣздомъ, а на сѣверѣ примыкаетъ къ Архангельской губерніи.

Здѣсь, въ предѣлахъ Чердынскаго уѣзда, къ западу отъ „Поясоваго Камня“ (собственно Уральскаго кряжа) тянется широкая полоса значительной высоты горъ, сложенныхъ изъ кристаллическихъ сланцевъ и сіенитогнейсовыхъ породъ, составляющая западный склонъ Урала. Въ этой полосѣ горъ можно различить двѣ гряды, имѣющія приблизительно меридіональное направленіе. Гряда, ближайшая къ рѣкѣ Вишерѣ, т. е. болѣе западная, состоитъ изъ Камней (горъ) Кырьинскаго, Юбрышки, Шувды-Пендыша, Пропащаго, Чувальскаго, Каюка съ Корыксаромъ, Лиственичнаго и наконецъ Тулымскаго. Во второй грядѣ—Мортайскій съ Няты-Тумпомъ, Замочный, Вольховочный, Кулимскій, Ишеримъ, Молебный и т. д. Всѣ эти горы командуютъ надъ собственнымъ Ураломъ и значительно превосходятъ его высотой.

Въ юго-восточномъ углу уѣзда отъ Урала отходитъ почти подъ угломъ въ 45° на NW довольно высокій самостоятельный хребетъ Кваркушъ (Пурапъ-вѣръ) съ нѣсколькими куполообразными вершинами. Длина этого хребта не менѣе 60 верстъ при ширинѣ 10—12 верстъ. Южная часть его ниже сѣверной, и здѣсь въ былыя времена была проложена дорога между „зимовьями“ Малмасскимъ и

Улсинскимъ для проѣзда крестьянъ Чердынскаго уѣзда, приписанныхъ къ зауральскимъ заводамъ Походяшина. Вершина Кваркуша—необозримая равнина—находится, какъ и большинство горъ, уже внѣ предѣловъ лѣсной растительности. Необыкновенно рельефно выдѣляются на этой равнинѣ выходы массивныхъ породъ или въ ввидѣ куполовъ, или въ ввидѣ овальныхъ грядъ, вытянутыхъ по меридіану при значительной высотѣ и длинѣ.

Вся мѣстность къ западу отъ упомянутыхъ горъ представляется также гористою, гдѣ можно также различать отдѣльные кражи, составляющіе водораздѣлы рѣчусекъ. Горы эти сложены уже изъ осадочныхъ породъ девона и каменноугольной системы, въ большинствѣ случаевъ покрыты лѣсомъ и у мѣстныхъ жителей носятъ названіе—„степей“ (степь—хребетъ животнаго). Самыя западныя возвышенности этого раіона—Полюбовъ Камень, похожій издали на пьедесталь памятника Петра I (въ Петербургѣ), и отходящій отъ него кражъ, а также Помяненный Камень съ его остроконечными вершинами—видны даже изъ г. Чердыни.

Главная рѣка этого раіона—Вишера (притокъ Камы)—по-вогульски Пассеръ-я, беретъ начало съ горы Поримонгитъ-Урръ; течетъ сначала почти прямо на югъ, омывая своими извилинами мысы Няты-Крохтемъ-Госса-Нѣль, Манингъ-Тумпъ и Маасигумъ-нѣль; далѣе она прорѣзываетъ отметы Тулымскаго Камня, огибаетъ отроги Кормысара и Чувальскаго, поворачиваетъ на юго-западъ, но течетъ еще въ виду Пропащаго, Юбрышки, Голаго Чурка, Кыръянскаго и, наконецъ, отъ д. Усть-Улса, обѣжавъ Золотой Камень, принимаетъ въ общемъ западное направленіе.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Вишера прорѣзала отроги Тулымскаго Камня, русло ея сжато и загромождено огромными глыбами кристаллическаго конгломерата—это такъ называемые Вишерскіе пороги, черезъ которые рѣка съ ревомъ, слышнымъ на огромное разстояніе, мчитъ свои пѣнистыя воды. Переправа черезъ эти пороги представляетъ не мало труда и опасностей. Рыбаки, отправившись ловить рыбу за пороги, не рѣшаются возвращаться въ лодкѣ, а устраиваютъ изъ сухого лѣса плотъ.

Измѣнивъ южное направленіе на юго-западное, рѣка вступаетъ въ область развитія девонскаго известняка, доломита и сланца; берега начинаютъ принимать утесистый характеръ, часто утесы достигаютъ почтенной высоты и опускаются прямо въ рѣку.

среднемъ теченіи рѣки, въ области развитія каменноугольныхъ осадковъ, береговныя скалы представляются наиболее эффектнымъ. Величественнѣйшія изъ нихъ: Писанный Камень, Говорливый и Ветланъ. Въ этой части теченія рѣка даетъ массу разрѣзовъ, облегчающихъ геологическое знакомство съ мѣстностью. Особенно интересно обнаженіе—Сыпучая гора около деревни того же имени, какъ представляющее примѣры всевозможныхъ складокъ во всевозможныхъ положеніяхъ и переходы складокъ въ сдвиги. Оно сложено изъ мелкослойнаго песчаника пермо-карбона.

Отъ дер. Бахарей Вишера течетъ въ невысокой равнинѣ; берега ея сложены изъ береговыхъ террасъ, довольно однообразны.

Вишера доступна для сплава судовъ средней величины, а за послѣднее время, благодаря расчисткамъ ея русла отъ камней, она доступна и для небольшихъ пароходовъ. Наиболее значительныя притоки Вишеры: Колва, Язва, Велсъ, Улсъ и Мойва.

Почти всѣ горы и рѣки въ этомъ искони югорскомъ краю носятъ названія на пермскомъ языкѣ, вогульскихъ же названій русскіе почти совсѣмъ не знаютъ. Это обстоятельство можно объяснить только тѣмъ, что колонизація русскихъ шла со стороны пермянъ, чрезъ нихъ русскіе познакомились съ этимъ краемъ и усвоили ихъ названія.

Вершины горъ приуральской гряды въ большинствѣ случаевъ представляютъ плоскую равнину въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ уже внѣ предѣловъ лѣсной растительности, покрыты травой, мѣстами бѣлымъ лишайникомъ (ягелемъ), да мѣстами стелящейся карликовой березой (*betula nana*). Обыкновенно нѣкоторые склоны горъ представляютъ выходы горныхъ породъ, разрушенныхъ въ груды глыбъ и щебня, что и придаетъ имъ особый эффектный видъ. Другіе же склоны постепенно понижаются, переходя въ лѣсную область, образуя ложбины для стока водъ и снова поднимаются, сливаясь съ другими возвышенностями. Иногда на плоской вершинѣ горы выступаютъ куполообразные или обрывистые выходы породъ, часто разрушенныхъ въ осыпь безпорядочно нагроможденныхъ камней. Такіе выступы у вогуль носятъ названіе „чакль“, а самая гора или кряжъ зовется „нёр“. Чакли служатъ обыкновенно путеводителями при поѣздкахъ кочевниковъ по горамъ.

Склоны горъ и долины рѣкъ покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, преобладающими породами котораго являются ель и пихта, отчасти кедръ. Не веселятъ сердца подобные лѣса... Всюду масса валежника; почти каждое дерево поражено, благодаря каменной почвѣ, бородачатымъ лишайникомъ (*usnea barbata*). Трудно пробираться по такимъ лѣсамъ: на каждомъ шагѣ приходится дерелзгать черезъ павшія деревья, сучья цѣпляются за одежду, царапаютъ лицо и руки. Почти всюду заболоченная почва еще болѣе затрудняетъ путь. Безотраднѣю картину представляетъ собою обгорѣвшій лѣсъ, котораго здѣсь чрезвычайно много. вмѣсто сгорѣвшаго хвойнаго лѣса обыкновенно наростаетъ березовая роща, выдѣляющаяся осенью своимъ фономъ среди хвойныхъ лѣсовъ. Изъ другихъ породъ въ небольшомъ количествѣ встрѣчается рябина, молодые побѣги которой служатъ пищею перекочевывающимъ черезъ Уралъ лосямъ ¹⁾. Кедръ является въ значительномъ количествѣ среди хвойнаго лѣса. Плоды его служатъ предметомъ промысла вишерскихъ обитателей. Количество кедровъ съ каждымъ годомъ уменьшается, такъ какъ сборъ шишекъ производится самымъ варварскимъ способомъ: чтобы обобрать съ дерева шишки, его срубаютъ, оставляя гнѣть. Сосна попадаетъ въ единичныхъ экземплярахъ, лиственница же совершенно отсутствуетъ и встрѣчается та и другая только въ нижнемъ теченіи Вишеры, около дер. Бахарей. Остается еще упомянуть объ осинѣ которая встрѣчается небольшими сколками (рощами) по рѣчнымъ долинамъ. Благодаря усиленному истребленію ея на лодки ²⁾, она становится уже рѣдкостью. До послѣдняго времени матеріаломъ для вишерскихъ ло-

¹⁾ Въ неурожайные годы кора рябины идетъ въ пищу домашнему скоту.

²⁾ Изготовленіе осинowychъ лодокъ состоитъ въ слѣдующемъ: срубаютъ дерево и, обтесавъ его топоромъ, заостривъ носъ и корму, выдалбливаютъ продольный пазъ, для чего употребляютъ инструментъ „тесло“ — поперечный топоръ съ полукруглымъ лезвіемъ. Затѣмъ устанавливаютъ бревно на нѣкоторой высотѣ надъ землею и разводятъ подъ нимъ огонь, въ выдолбленное же пространство наливается вода; древесина размакаетъ и позволяетъ развести борта выдолбленнаго пространства. Послѣ этой операціи лодка почти готова; борта закрѣпляются дугами, пришитыми поперекъ челнока, вдоль бортовъ пришиваются тонкія дощечки (набои, и то не всегда) и т. д. Такая лодка походитъ на индѣйскую пирогу и сравнительно легко преодолеваетъ препятствія, которыя ставятъ рѣка.

докъ служило исключительно это дерево, тогда какъ на Косьвѣ и другихъ рѣчкахъ его замѣнили отчасти кедръ.

Хлѣбъ въ вишерскомъ краѣ почти не родится, и только въ низовьяхъ Вишеры крестьяне сѣютъ его, сжигая для посѣва сколки лѣса. Нерѣдко хлѣбъ вымерзаетъ, и такимъ образомъ пропадаютъ всѣ труды земледѣльца. Сжатый хлѣбъ приходится для просушки развѣшивать на особыхъ суковатыхъ палкахъ—„островахъ“. Не безинтересенъ также первобытный способъ бороньбы, примѣняемый вишерцами. Пѣсколько полѣньевъ, съ аршинными сучьями съ одной стороны, сколачиваются въ рядъ, въ видѣ плотика, сучьями внизъ, что и представляетъ изъ себя борону—„суковатку“. Сучья такой бороны, благодаря упругости, не зацѣпляются за корни и свободно позволяютъ боронить между не выкорчеванными пнями, причѣмъ бороньба часто замѣняетъ и вспашку.

Населеніе Вишеры до возникновенія здѣсь заводовъ жило исключительно охотою и рыбною ловлей. Предметы охоты: лось, соболь, куница, выдра, олень рябчикъ, изрѣдка медвѣдь. Главнѣйшія породы рыбъ, ловимыя здѣсь: харіусъ, лень (таймень-*salmo fluviatilis*) и зимою налима. Первыхъ ловятъ сѣтью вогульского изобрѣтенія—„сырпомъ“, изрѣдка неводомъ, а налима зимою въ морду.

Населеніе Вишеры невѣжественно, грамотность отсутствуетъ, и до сихъ поръ у нихъ процвѣтаетъ приготовленіе самодѣльной водки „кумышки“, которая является огромнымъ зломъ для населенія. Охотники вишерцы ведутъ полукочевую жизнь, проводя часть года на охотѣ, вдали отъ своихъ деревень. Каждая деревня имѣетъ свои излюбленныя мѣста, свой районъ охоты. Далекю за предѣлами населенности, иногда за сотню и болѣе верстъ отъ деревни, охотники устраиваютъ себѣ небольшую избушку, обыкновенно на берегу какой нибудь рѣчки, куда и отправляются поздней осенью, обыкновенно еще на лодкахъ. Избушки съ виду походятъ на курныя деревенскія бани. Устраиваются онѣ также безъ трубъ, дымъ же выходитъ въ открытую дверь или окно, затворяемое, за неимѣніемъ рамы, ставенькомъ. Иногда въ такой избушкѣ собирается артель человекъ въ десять; нечего и говорить, что такая избушка представляетъ полное отсутствіе гигиеническихъ условій. Люди спятъ на земляномъ полу, такъ какъ на нарахъ для всѣхъ не хватаетъ мѣста.

При каждой избушкѣ имѣется прямоугольный срубъ, носящій названіе „чамья“, для складыванія въ него мяса убитыхъ лосей; тутъ-же на высокихъ столбикахъ или пняхъ деревьевъ устраивается небольшой въ видѣ ящика амбарчикъ. Дно его выдается изъ-за ножекъ, а потому мыши не могутъ въ него проникнуть. Въ немъ хранятъ съѣстные припасы и убитую дичь. Изъ своихъ избушекъ охотники дѣлаютъ набѣги на окрестности. Съ осенней охоты они возвращаются домой обыкновенно къ 6 декабря и вторично отправляются на промыселъ около масляницы, исполнивъ предварительно всѣ домашнія работы. Если къ избушкамъ нѣтъ санный дороги, то все имущество складывается на охотничью нарту—узкія, длинныя сани, не тонущія въ снѣгу, къ ногамъ привязываются лыжи, и нарты тянутся охотниками къ избушкамъ. Часть охотниковъ ходитъ за Уралъ, куда перебираются на зиму лоси. Понятно, всѣ походы совершаются на лыжахъ ¹⁾.

Единственнѣмъ путемъ сообщенія въ этомъ краю является рѣка: лѣтомъ передвигаются въ лодкахъ, зимою по ней же прокладывается санный путь на золотые приски. Передвиженіе въ лодкахъ вверхъ по теченію сопряжено съ большимъ трудомъ, благодаря быстротѣ теченія рѣки. Лодку передвигаютъ съ помощью шестовъ, которыми упираются въ рѣчное дно. Въ первые годы по покореніи Сибири здѣсь пролегалъ единственный путь въ Сибирь на Лозвинскъ, стоявшій при впаденіи р. Ивделя въ р. Лозву (нѣсколько выше теперешнихъ Першиныхъ юртъ). Путь изъ Москвы шель черезъ Ярославль, Тотъму, Устюгъ Великій, Кай-Городокъ, Соликамскъ, Чердынъ, далѣе по Вишерѣ, ея притоку Велсу и

¹⁾ Силою и рядомъ охотникамъ приходится проводить почти подъ открытымъ небомъ даже въ самые лютые морозы. Въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ помощи такъ называемой „ноды“. Устраивается она такъ: вырубаютъ изъ сухоподстойнаго дерева—елки, сосны или сильно перестоявшей пихты—два по возможности толстыя бревна. Одно бревно кладется на землю, около одного изъ концовъ его забиваются два кола (пеша), верхніе концы ихъ стягиваются веревкой. Въ этихъ пешахъ зажимается второе бревно на нѣкоторомъ разстояніи подъ первымъ, при чемъ свободные концы бревенъ прокладываются деревяшкой. Въ пространствѣ между бревнами разводится огонь; горятъ только плоскости, обращенныя другъ къ другу. Жаръ равномерно вылетаетъ по всей длинѣ бревенъ и согрѣваетъ спящихъ. Чтобы увеличить жаръ, достаточно ударомъ топора повязать верхнее бревно. Ноды хватаетъ съ избыткомъ на длинную зимнюю ночь.

наконецъ долиною р. Почмога, притока р. Велса. Здѣсь, перебравшись черезъ хребетъ, спускались въ р. Тальтїю, достигали Ивделя и т. д. Въ верховьяхъ рѣки Почмога Уралъ сильно понижается, что облегчаетъ перевалъ черезъ него. Подобные проходы, гдѣ обыкновенно сходятся верховья рѣчекъ западнаго и восточнаго склоновъ Урала, зовутся на языкѣ вишерцевъ „уворотами“. Ими пользуются охотники для своихъ переходовъ черезъ Уралъ.

Однимъ изъ подобныхъ переходовъ въ верховье р. Кутима „Волчьей тропой“ шелъ посланецъ Ермака атаманъ Иванъ Кольцо.

Въ 1595 году соликамецъ Артемій Бабиновъ указалъ Правительству новую—болѣе прямую дорогу въ Сибирь изъ Соликамска на Туру; съ этого времени путь по Вишерѣ былъ заброшенъ.

*
**

Снѣгъ даже въ концѣ іюня не сходитъ съ высокихъ вершинъ горъ, а въ нѣкоторыхъ ложбинахъ не стаяваетъ цѣлое лѣто, превращаясь въ фирновый ледъ. Поэтому горы являются надежнымъ запасомъ питанія рѣчныхъ системъ круглое лѣто. Часто вершина горы представляется сплошнымъ болотомъ, поддерживаемымъ постоянно тающимъ снѣгомъ, откуда бѣгутъ ручейки, составляя начало рѣчекъ.

Уже въ концѣ августа или самомъ началѣ сентября, когда еще Вишера спокойно мчитъ свои воды и ничто не предвѣщаетъ скорого наступленія зимы, въ закутанныхъ облаками горахъ зима вступаетъ въ свои права. Тамъ уже выпалъ снѣгъ, по склонамъ на деревьяхъ повисли большіе хлопья, снѣжныя вьюги слѣпятъ глаза и застилаютъ слѣды. Въ это время горы представляются наиболѣе эффектнымъ, особенно при лунномъ освѣщеніи, когда разсѣется туманъ; горы сверкаютъ фосфорическимъ чарующимъ блескомъ.

Въ ясный лѣтній день съ вершины горъ открывается величественный видъ: горы видны на огромное разстояніе, при чемъ дальнія показываются какъ бы окутанными въ полупрозрачную синюю дымку. Въ самый жаркій день на горахъ чувствуется прохлада.

Дикимъ и совершенно необитаемымъ покажется вашему взору все необъятное пространство горъ. Изъ живыхъ существъ налетитъ развѣ на горное болото бекасъ или куроатка, парящая птенецъ на склонахъ горъ, или поднимется высоко надъ лѣсною доли-

ною ястребъ и начнетъ парить, высматривая глупаго рябчика, иногда пробѣжить заяцъ, да неотвязчивые комары цѣлыми роями облѣпляютъ васъ...

А между тѣмъ горы не такъ пустыньны, и на горахъ бьется жизнь.. Вонъ разбрелось стадо оленей кочевника, щипля сочныя травы и мохъ, сползая на крутыя осыпи. Вонъ тамъ въ вершинѣ рѣчки, почти на границѣ лѣсной растительности, гдѣ растутъ только низкорослыя конусообразныя вѣтвистыя ели, у пелены снѣга приютился берестяной шалашъ вогула, изъ вершины котораго вьется струйка голубоватаго дыма... Вотъ крадется къ стаду съ ружьемъ вогуль, прячась за жоака, чтобы изъ за него поразить пулею прибывшагося дикаго оленя... А тамъ, рядомъ съ пьянымъ самоѣдомъ сидитъ купецъ, обнимая его и усердно угощая водкой, чтобы на завтра съ выгодною купить его товаръ...

II.

Когда-то этотъ край былъ собственностью вогульского племени. Здѣсь кочевало значительное вогульское населеніе, упоминаемое въ письменныхъ источникахъ еще въ XVI столѣтіи.

Усиленная русская колонизація въ XVIII в. все болѣе и болѣе тѣснить вогуловъ. Въ 1678 г. Чердынскіе вогулы вмѣстѣ съ верхпечерскими подаютъ челобитную Царямъ, прося защиты отъ русскихъ¹⁾. Вогулы жалуются здѣсь на уменьшеніе рыбы и пушнаго звѣря, на тяжесть соболинаго ясака, который былъ наложенъ „въ давнія времена“ въ количествѣ 167 соболей, что составляло около 5 соболей съ лука, и съ тѣхъ поръ не былъ измѣненъ, хотя многія семьи обнищали и разбрелись за Уралъ, такъ что платить за нихъ приходится оставшимся. Далѣе идутъ жалобы на то, что русскіе охотники охотятся въ заповѣдныхъ угодыяхъ вогуловъ, ходятъ за Березовый Камень, Кваркушъ, Помяненный и ловятъ рыбу въ вогульскихъ водахъ большими неводами, вылавливая всю мелочь, тогда какъ ранѣе они ловили сырсами и не заходили выше Писаннаго Камня.

Въ это время граница „Чердынскихъ людей“ (т. е. русскихъ) по писцовымъ книгамъ доходила до дер. Морчанъ, слѣдовательно вся остальная часть Вишеры была во владѣніи вогуловъ.

¹⁾ Челобитная помещена у Берха „Путешествіе въ Чердынь и Соликамскъ“ 1821 г., а также копію мнѣ пришлось видѣть у жителей д. Усть-Улса.

Границы вогульскихъ владѣній за это время приблизительно опредѣляются такъ ¹⁾: „Съ востоку по вершинамъ рѣки Лозвы, Койвы и Кортвы, съ полудня внизъ по Лозвѣ отъ деревни Яшвины до Половинаго и деревни Квасовой Верхотурскаго вѣдомства на Ундыль по Усть-Тошимкѣ и Черной горѣ Шемелуру отъ Сеть Чурки къ Шагалтану. Отъ Шагалтану по Сосвинской гривѣ вверхъ Колышки до Усть-Оленьи рѣчки, по верхнему озеру на Турью и Какву; съ западу по Язвинскимъ вершинамъ по Кваркушу и Помяненному Камню, съ сѣверу съ Усть-Баньи рѣчки за Березовскимъ Камнемъ, по Усть-Волосницѣ до вершинъ р. Печеры“.

Исторія даетъ намъ указанія, что вогулы жили на западномъ склонѣ Урала далеко южнѣе и западнѣе нынѣшняго обитанія ихъ въ Чердынскомъ уѣздѣ—по рѣкамъ Косью и Чусовой. Эти указанія даютъ намъ ясачныя книги. Самая древнѣйшая изъ нихъ (1626 г.) перечисляетъ вогуль Лозвинскихъ, Лялинскихъ, Косвинскихъ, Сосвинскихъ, Турьинскихъ—по Салдѣ и Тагилу, Невьянскихъ и Чусовскихъ.

Иностранцы дѣлились тогда на сотни, состоявшія изъ отдѣльныхъ куртъ подъ управленіемъ сотниковъ, пятидесятниковъ и десятниковъ. Сотни соотвѣтствовали волостямъ и носили названія по именамъ сотниковъ ²⁾.

Памятникомъ былого обитанія вогуль на Чусовой служатъ двѣ вогульскія деревни: Копчикъ и Бабенки. Населеніе ихъ совершенно обрусѣло, и въ памяти его не сохранилось никакихъ воспоминаній о прежнемъ житьѣ. Этыхъ вогуль, еще язычниками, видѣлъ Избрансонъ, проѣзжая этими мѣстами въ Китай въ 1692 году, а Георги въ 1773 г. уже хрестіанами, но продолжающими идолопоклонствовать.

По свидѣтельству исторіи около нынѣшней Перми по Нижней Мулянкѣ находилось идольское капище и исполинская ель—предметъ общаго поклоненія и остяковъ и вогуловъ. Въ житіи Трифона Вятскаго о томъ мѣстѣ говорится: „Вѣ бо ту ихъ агарянь и многихъ языкъ идольское жертвище, и отъ всѣхъ странъ и рѣкъ съ Печоры, Сылвы, и съ Обвы, и съ Тулвы князи ихъ:

¹⁾ „Еъ исторіи ясачныхъ вогульчей“. Сборникъ матеріаловъ для ознакомленія съ Пермской губерніею. Вып. IV. 1892 г.

²⁾ *Дмитріевъ*. Пермская старина, в. VII.

Остяцкій Амбаль, вогульскій Бебикъ и иніи мнози языцы со всѣми своими улусы, остяки и вогуличи со всѣхъ ловель своихъ ту во едино мѣсто съѣзжаются“. Около этого мѣста расположено Глядѣновское городище, раскопки котораго дали очень цѣнный матеріаль.

Повидимому, вогульское населеніе было разсѣяно спорадически по всей территоріи нынѣшней Пермской губерніи: названія многихъ притоковъ рѣкъ, именуемыхъ Вогулками, указываютъ на присутствіе здѣсь когда-то вогульского племени. Рѣчка Вогулка — притокъ Инвы близъ Купроса, притокъ Косьвы, Печеры и другихъ. Кромѣ того имѣемъ названія: селеніе Вогулята, Вогульскій островъ на Косьвѣ и т. д., и т. д. Инородческія названія нѣкоторыхъ небольшихъ рѣчекъ и урочищъ напоминаютъ вогульскій языкъ: Няръ (обувь), Русь (совокъ) Абля (абль—яйцо, я—вода).

Притокъ Косьвы Няръ, въ который впадаетъ рѣчка Вогулка, верховьями близко подходитъ къ извѣстной Чанвенской пещерѣ, гдѣ, по преданію, было вогульское капище. Весьма можетъ быть, что Няръ служилъ путемъ съ р. Косьвы къ этой пещерѣ, почему и получилъ соответствующее названіе (идя на лыжахъ, вогулы непремѣнно надѣваютъ няра). По всей вѣроятности, по верховьямъ рѣкъ, по ихъ притокамъ и были разбросаны вогульскія колоніи, „гдѣ кому добыча“, такъ какъ такія мѣста представляютъ пункты болѣе богатой охоты и легкой рыбной ловли.

Слѣды вогульского обиганія встрѣчаются въ названіяхъ урочищъ по рѣкѣ Тыпылу, одному изъ значительныхъ притоковъ Косьвы. ¹⁾ Такъ, одинъ изъ береговыхъ покосовъ носитъ названіе „Военный лугъ“, и преданіе указываетъ, что тутъ жили вогулы. Вблизи его находится рѣчка Караульная, которая могла служить сторожевымъ пунктомъ. Рѣчка Коневал, протекающая поблизости, по словамъ одного крестьянина, названа такъ потому, что въ ней находили „коньковъ“. Изображенія коней, отлитыхъ изъ металла и до настоящаго времени фигурируютъ при религіозныхъ обрядахъ вогуловъ, хотя другой крестьянинъ объяснилъ мнѣ происхожденіе названія этой рѣчки тѣмъ, что въ ямы, служація для ловли лосей, попадали и лошади. Первое объясненіе болѣе правдоподобно,

¹⁾ Косьва течетъ параллельно Вишерѣ, южнѣе ея—въ Соликамскомъ уездѣ

тѣмъ болѣе, что крестьянинъ указывалъ даже на лицо, хранящее отлитыя изображенія.

Около „Военнаго луга“ встрѣчаются огромныя ямы, конусообразной формы, діаметромъ до 5 сажень. Жители села Растеса (на Косвьѣ) предполагаютъ, что ямы служили жилищемъ вогуламъ, хотя въ этой мѣстности производились развѣдки на золото, и эти ямы, можетъ быть, ничто иное, какъ осыпавшіеся шурфы.

Верховья р. Косвы и ея притоковъ до послѣдняго времени являлись пунктами наибогатѣйшей ловли лосей. Практикуемый способъ ловли посредствомъ ямъ несомнѣнно перешелъ къ русскимъ отъ вогуль. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: вдоль всей рѣки идетъ сплошной огорождъ, въ которомъ по мѣстамъ сдѣланы проходы съ выкопанными ямами, тщательно закрываемыми хворостомъ; въ эти - то ямы и попадаетъ лось, желая подойти къ рѣкѣ. По Тыпыду ямы дѣлались не глубокія, но за то въ нихъ придѣлывались ножи, которые и пороли животное. Чтобы представить себѣ, какая масса лосей водилась въ этихъ краяхъ, достаточно сказать, что не такъ давно на долю нѣкоторыхъ лицъ приходилось болѣе десятка лосей въ годъ! Въ послѣднее время удалось окончательно искоренить подобный способъ истребленія лосей.

III.

Послѣдствіемъ русской колонизаціи явилось постепенное переселеніе Вишерскихъ вогуль на восточный склонъ Урала—на р. Лозьву и ея притоки. Во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія перекочевало туда и остальное вогульское населеніе; осталось только нѣсколько семействъ, теперь совершенно обрусѣвшихъ, населяющихъ деревню Усть-Ульсь и носящихъ фамилію Соловаровыхъ. ¹⁾ Усть-Улчане давно позабыли родной языкъ и совершенно обрусѣли. Съ возникновеніемъ желѣзной промышленности на Вишерѣ условія ихъ быта поставлены въ завидное положеніе, но они по-прежнему живутъ бѣдно и неопратно, пропивая каждый свободный грошъ. Память о быломъ кочевьѣ еще жива среди устьулчанъ. Многіе плѣса, рѣчки и острова носятъ названія по именамъ уже крестившихся вогуль: р. „Прониха“, „Паниха“, „У Кузь“;

¹⁾ Усть-Ульсь—послѣдняя деревня на Вишерѣ. Далѣе ея только за послѣднее время, благодаря возникающимъ заводамъ, являются поселенія.

„Тимино Становье“ и т. д. Одинъ изъ Соловаровыхъ указалъ мнѣ, гдѣ схоронена его бабка, которая умерла голодною смертію, питаясь въ послѣднее время моржевѣмъ гужемъ, мужа же ея въ это время захватила мятель, и онъ не могъ выбраться изъ поселка.

Переселившіеся въ Верхотурскій уѣздъ вогулы въ настоящее время приписаны къ Березовскому Остяцкому Управленію и къ новому году отвозятъ въ г. Березовъ свой ясакъ (поотъ).

Изъ откочевавшихъ за Уралъ вогулъ только одни оленеводы Бахтіаровы не покидаютъ Чердынскаго Приуралья, кочуя на Чувальскомъ и Молебномъ Камняхъ или на Кваркушѣ, которые представляютъ тучныя пастбища для оленей. На Кваркушѣ и на Чувальскій Камень ими сдѣланы дороги, и они всѣми силами отстаиваютъ эти мѣста отъ вторженія другихъ кочевниковъ, считая ихъ своею собственностью. Во главѣ семейства Бахтіаровыхъ стоитъ Степанъ Кирилловичъ—сынъ того Кирилла, на котораго докторъ Маліевъ указываетъ, какъ на единственнаго въ его пріѣздъ богача оленевода среди лозвинскихъ вогулъ¹⁾. Со Степаномъ кочуютъ семь его троихъ сыновей: Якова, Еремѣя и Василя. (Еремѣя русскіе зовутъ Ерма и Германъ, потому что такъ произносить его имя отецъ). У Бахтіаровыхъ имѣется постоянное жилище за Ураломъ на р. Тошемкѣ, притокъ Виная, поэтому-то Степанъ извѣстенъ также подъ именемъ Тошемскаго²⁾. Кромѣ этихъ семействъ, на Чердынскомъ Приуральѣ кочуетъ племянникъ Степана, Василій Игнатьевъ Бахтіаровъ, женатый на дочери самоѣда. Кочуетъ онъ или въ верховьяхъ р. Чурола (притока р. Велса) или на Мортайскомъ Камнѣ, но больше живетъ на восточномъ склонѣ Урала—по р. Тальтѣ. Кромѣ вогулъ, въ этомъ краѣ кочуютъ еще нѣсколько самоѣдскихъ семействъ: Степанъ Яковл. Хатанзѣвъ—тестъ Василя Бахтіарова (кочуетъ или съ зятемъ или же отдѣльно); Арсеній Яковл.—его братъ (по р. Лямпѣ); Арсеній Арсен. Хатанзѣвъ, а также одинъ богачъ зырянинъ съ слугами самоѣдами: Никитой и Матвѣемъ Варцаповыми (на Молебномъ и

¹⁾ Маліевъ. Отчетъ о вогульской экспедиціи, стр. 13 (Труды Общ. Естествоиспыт. при Казан. унив., т. III, № 2. Казань. 1873. 4^о).

²⁾ У Федорова на геологической картѣ юрты Бахтіаровыхъ вездѣ названы юртами Тошемскими.

друг. горахъ). Самоѣдовъ русскіе называютъ еранами¹⁾, яранами, а иногда зырянами, такъ какъ тѣ выдають себя за послѣднихъ и въ совершенствѣ владѣють зырянскимъ языкомъ²⁾. Слово *еранъ* русскими заимствовано съ вогульского или зырянскаго, такъ какъ на томъ и другомъ языкѣ слово іоранъ означаетъ самоѣдъ. Вогулы называютъ русскихъ—русы, самоѣдовъ—іоранъ, зырянъ—саранъ, сыранъ, а вогуловъ и остяковъ именуютъ по рѣкамъ, на которыхъ тѣ обитають. Очевидно, что русскіе имя „зыряне“ удержали за частью пермянь, усвоивъ его отъ вогуль³⁾.

Судя по названіямъ нѣкоторыхъ деревень и урочищъ, можно думать, что самоѣды и ранѣ кочевали въ здѣшнемъ краю и даже заходили далеко южнѣе и западнѣе. Такъ, одна изъ рѣчекъ текущая съ Кваркуша, носитъ названіе „Яранная“, того же имени нѣсколько плёсъ по Вишерѣ и Улсу. Далеко западнѣе есть деревня Ераны между верховьемъ р. Мель—притока р. Язвы и верховьями р. Сима—притока Глухой Вильвы, а также д. „Яранная“ ниже Певтега на Камѣ. Къ югу, по лѣвую сторону р. Усьвы, на сѣверъ отъ Басеговъ, одна изъ горъ носитъ названіе „Яранина деревня“; на одномъ изъ притоковъ Обви находится деревня Яранята, а также въ Оханскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Шерѣ—Ераны. Названіе города Яранскъ Вятской губерніи и Яренскъ Вологодской, повидимому, происходятъ отъ того же корня іор.

Самоѣды по типу сразу отличаются отъ вогуль и зырянъ своими мясистыми щеками и носомъ. Кромѣ того, еще по нѣкоторымъ на-

1) Федоровъ говоритъ, что въ Верхотурскомъ уѣздѣ русскіе вообще всѣхъ ипородцевъ называютъ „еранами“, но вогулы считаютъ эту кличку для себя обидною.

2) Никита и Матвій Варцаповы свободно говорятъ по-русски, по-вогульски, объясняются на зырянскомъ и нѣсколькихъ нарѣчіяхъ самоѣдскаго.

3) Шегренъ и многіе другіе стараются прозвѣсть слово зыряне отъ зырянскаго же корня, а Латкинъ черезчуръ искусственно строить это слово изъ русскаго — „серенить“. Но, во-первыхъ, и сами себя зыряне называютъ „коми“, а второе—вогулы ранѣ русскихъ были знакомы съ зырянами и дали имъ имя: имъ незачѣмъ было ивнять его и заимствовать у русскихъ. Скоро русскіе, познакоившись съ югорскими народами, усвоили названіе саран или сырян, которое перешло въ „зыряне“ и осталось за частью пермянь—сосѣдей югры. Такой выводъ подтверждается еще тѣмъ, что іоран и саран имѣють одинаковые суффиксы, что доказываетъ принадлежность ихъ къ одному языку.

ружнымъ признакамъ можно отличить самоѣда отъ вогула. Вогуль по обычаю не стрижетъ волосъ—„пунгат“ и часто заплетаетъ ихъ въ косы—„ссаих“, тогда какъ самоѣдъ коротко подстригаетъ свои волосы.

Вогулы думаютъ, что самоѣды незаконно вторглись въ Чердынскій уѣздъ; чтобы не сдавать ясакъ въ Обдорскѣ, они предпочитаютъ бродяжить и оставаться въ неизвѣстности далеко отъ своей родины. Но кажется, ихъ привлекаетъ сюда другое обстоятельство, а именно, обиліе пастбищъ, отсутствіе волковъ и, наконецъ, здѣсь еще не было до сихъ поръ падежа оленей.

IV.

Вогулы, или вогуличи—народъ финскаго племени, живутъ на Уралѣ съ незапамятныхъ временъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей древніе угры, съ которыхъ русскіе брали дань, были вогулы.

Сама себя вогулы называютъ „Манси“¹⁾ и „Манчи“, оклики—же вогула „ойка“ (мужчина). Ляпинскіе остяки называютъ себя

¹⁾ Регули считаетъ названіе вогуль искаженіемъ слова югорь, а названіе манси производитъ отъ двухъ рѣчекъ, вытекающихъ съ противоположныхъ склоновъ Урала, весьма близко одна отъ другой. Одна изъ нихъ Ольсь-ман-я течетъ въ Илычъ (Олье по-вогульски), притокъ Печоры, а другая Тайтъ-ман-я—одна изъ вершинъ сѣверной Сосьвы, которая называется по-вогульски Тайтъ. Онъ говоритъ: окончаніе „я“ обозначаетъ въ вогульскомъ языкѣ притокъ какой-либо рѣки, поэтому названіе Ольсь-ман-я будетъ значить по русски: Манъ, текущій въ Илычъ, а Тайтъ-ман-я—Манъ, текущій въ Сосьву. Зыряне обѣ рѣчки называютъ югра, а русскіе Вогулками. По вогульскому преданію, во времена великаго потопа люди сохранились именно на горахъ, разделяющихъ между собою эти рѣчки (примѣч. Чупина къ переводу о мѣстахъ жительства и образъ жизни вогуль по Альвисту, стр. 4).

Замѣчу: Регули не объясняютъ, что означаетъ слово Ман, подразумевая подъ нимъ какое-то собственное имя, между тѣмъ Ман означаетъ прилагательное малый, маленькій. И переводъ этихъ двухъ рѣчекъ: „малѣйшая рѣчка, впадающая въ Ольсь“ и „маленькая рѣчка, впадающая въ Сосьву“. Странно производить отсюда названіе народа. И кромѣ того, что же означаетъ окончаніе си или чи въ словѣ Ман-си? Если бы вогулы производили свое имя отъ рѣчки Манъ, то по ихъ словопроизводству они звались бы Маньхомъ, а не Манси. Считать слово вогуль происшедшимъ изъ слова югорь мы не можемъ уже потому, что въ граматахъ наряду упоминаются югра и вогулы. Югра скорѣе всего вогулы или остяки, жившіе по рѣчкѣ того же имени. Рѣчка эта впадаетъ въ Сосьву, и вогулы называютъ ее Югра.

тѣмъ же именовѣ, какъ и вогулы, и ничѣмъ не отличаются отъ нихъ—ни правами, ни языкомъ. Можно считать доказаннымъ, что Ляпинскіе остяки и вогулы—одно племя. Сами вогулы считаютъ Ляпинцевъ однимъ съ собою народомъ.

Вогулы въ настоящее время, какъ я уже упомянулъ выше, дѣлятъ себя по названіямъ рѣкъ:

Поломхомъ (по р. Пелыму),

Асхомъ ¹⁾ (Ас или Оас—р. Обь).

Кондахомъ (по р. Кондѣ).

Сакхомъ (р. Сигва или Ляпина по-вогульски Сак-я или Саку-я)

Таапсхомъ (по р. Тапсѣ).

Тайтхомъ (р. Сосьва—Тайтъ) ²⁾, и наконецъ—

Лоусомхомъ—Лозвинцы, бывшіе Вишерскіе обитатели. Лоусемъ-я—р. Лозьва ³⁾.

Замѣтимъ, что по словамъ вогуль, Поломхомъ, Кондахомъ, Сакхомъ (Ляпинцы), Тайтхомъ и Лоусемгомъ, куда принадлежать и Бахтіаровы, представляютъ чистокровныхъ вогуль—Манчи. При этомъ живущіе далеко другъ отъ друга вогулы разнятся нарѣчіями и плохо понимаютъ другъ друга.

¹⁾ Названіе Остякъ вѣроятно всего происходитъ отъ названія Оби—Ас (Оас) и русскаго суффикса *як*. Русскіе давали имена по рѣкамъ. Ас-якъ перешло впоследствии въ Остякъ.

²⁾ По всей вѣроятности, названіе старинной волости Тахтанской, находившейся при слияніи Лозьвы и Южной Сосьвы, произошло отъ вогульскаго названія послѣдней Тайтъ—откуда Тахчей и Тахтанская волость.

³⁾ Профессоръ Смирновъ („Пермяки“), встрѣтивъ въ „Книгѣ Большому чертежу“ въ числѣ западныхъ притоковъ Оби названіе Лосьма, совершенно справедливо думаетъ, что такъ называется Лозьма, и полагаетъ, что Лосьма есть искаженное слово Лозьва, и этимъ доказываетъ, что въ устахъ русскихъ людей, а можетъ быть и вогуль, суффиксъ „ва“ переходитъ въ „ма“. Въ данномъ случаѣ слово Лосьма скорѣе есть искаженное, имя рѣки Лоусемъ. Переходъ подобный же суффикса „я“ въ „а“ мы ясно видимъ въ названіи „Печера“ отъ вогульскаго Печер-я. Авторъ однако ошибочно считаетъ названіе Лозьвы по вогульски Тавтъ (стр. 105), Это названіе Тайтъ (а не Тавтъ) принадлежитъ Сосьвѣ, а не Лозьвѣ. Далѣе, авторъ смѣшалъ суффиксы, употребляемые ипородцами для обозначенія рѣкъ. Такъ (на стр. 79) онъ говоритъ, что для обозначенія текучей воды манзы, остяки и вогулы (какъ будто три народности?) употребляютъ суффиксы *юган* и *юха*. Вогулы кромѣ слова „я“ не употребляютъ другихъ суффиксовъ для названія рѣкъ. Слово „юган“ принадлежитъ Обскимъ остякамъ, „яга“—самоѣдамъ.

Лозьвинскіе вогулы, какъ болѣе изолированныя, остались болѣе дикими, нежели ихъ сѣверные родичи, которые ведутъ торговля сношенія съ русскими и зырянами. Лозьвинцы между собою говорятъ исключительно на родномъ языкѣ; только нѣкоторые мужчины могутъ кое-какъ изъясняться по русски, женщины же совершенно не понимаютъ русскаго языка. Плохое пониманіе русскаго языка много ихъ избавляетъ отъ чуждаго вліянія и способствуетъ сохраненію родныхъ преданій и вѣры отцовъ. Но скоро наступитъ время, когда и эти вогулы обрусѣютъ и потеряютъ свои племенные отличія. Желѣзная промышленность надвигается къ сѣверу по обѣимъ сторонамъ Урала, и Лозьвинскій край, бывшій до сихъ поръ совершенно изолированнымъ, не избѣгнетъ русскаго вліянія. Уже и теперь замѣтно вліяніе Кутимскаго завода на кочевниковъ. Бахтіаровы, кочуя по близости его, получили возможность легко и выгодно сбывать туда продукты оленеводства и, имѣя такимъ образомъ свободныя деньги, охотно покупаютъ хлѣбъ, крендели, чай, сахаръ, обзавелись посудой, приобретаютъ также и русскую лѣтнюю одежду, которою замѣняютъ свой племенной костюмъ. Въ послѣднюю мою побывку у нихъ мнѣ сварили оленьяго мяса въ эмалированномъ котлѣ, приправивъ его перловой крупой.

Съ другой стороны, происходитъ смѣсь между инородцами, благодаря чему также теряются племенные особенности народа. Такъ, Василій Игнат. Бахтіаровъ, племянникъ Степана, женатъ на дочери самоѣда, который въ свою очередь женатъ на зырянкѣ. Жена Степана Бахт.—Матрена—самоѣдскаго происхожденія. Всего охотнѣе, какъ мнѣ передавали, вогулы и самоѣды женятся на зырянкахъ, которыя, какъ болѣе обрусѣвшія, вносятъ обрусѣніе въ семью. Весьма можетъ быть, что примѣсь чуждаго элемента въ вогулахъ повела къ тѣмъ противорѣчивымъ выводамъ, какіе мы встрѣчаемъ у писателей. Альквистъ ¹⁾, имѣвшій дѣло съ сѣверными вогулами, говоритъ: „Вогулы болѣею частью бываютъ средняго роста: малорослыхъ можно встрѣтить между ними весьма рѣдко, но высокыхъ часто...“ У Маліева же ²⁾ читаемъ: „вогулы, какъ вообще полярные народы, средняго и низкаго роста, высокыхъ между ними не видно...“, и онъ даетъ среднее изъ измѣреній роста 2 аршина 3 вершка.

¹⁾ О мѣстахъ жительства и образѣ жизни вогуль.

²⁾ Отчетъ о вогульской экспедиціи.

Постараюсь дать наружную характеристику моих знакомых Бахтиаровых. Всѣ члены семьи низкаго роста, фигура ихъ такая, про которую принято выражаться тщедушная, развитой выдѣляется грудь. Походка неуклюжая, держатся сутуловато—втягиваютъ голову въ плечи. Низкій, покатый лобъ, сросшіяся дугообразныя брови, слегка выдающіяся скулы, нѣсколько косо прорѣзанные глаза, прямыя губы, длинныя, почти у всѣхъ черныя волосы, слегка приплюснутый носъ. Бороды и усовъ нѣтъ ни у одного мужчины, что, по всей вѣроятности, составляетъ племенное отличие (на вопросъ о выщипываніи — они отвѣчаютъ отрицаніемъ). Всѣ брюнеты. Характернымъ является овалъ лица.

Судя по тому, что внуку Степана лѣтъ 13—15, можно думать, что ему уже порядочно лѣтъ, но тѣмъ не менѣе на видъ онъ бодрый и кажется молодежавымъ. Жена его, Матрена Прокопьевна, какъ она любитъ себя называть, отвратительнѣйшее существо, съ самоѣдскимъ типомъ лица—вѣчно пьяная, вѣчно ссорящаяся.

Два брата, Василій и Еремѣй, отличаются другъ отъ друга по характеру: Василій болѣе добродушный и наивный, Еремѣй же нѣсколько замкнутый, гордится тѣмъ, что онъ честный человѣкъ, что ни разу не судился. Въ минуту раздраженія онъ готовъ побить обидчика; его боятся другіе кочевники.

Якова, старшаго сына Степана, мнѣ привелось видѣть раза два или три, такъ какъ онъ большую часть времени живетъ за Ураломъ. Онъ похожъ на мать и имѣетъ также типъ лица, напоминающій самоѣдскій. Онъ выглядит болѣе дикимъ и, кажется, совершенно не понимаетъ по-русски.

Какъ всѣ инородцы сѣвера, вогулы питаютъ страсть къ водкѣ и сильно злоупотребляютъ ею. Пьютъ мужчины, пьютъ женщины, пьютъ дѣтей. Пьютъ до тѣхъ поръ, пока не уничтожатъ всего запаса; пьютъ не закусывая и, опьянѣвъ, дѣлаются сварливыми, навязчивыми и даже буйными. Особенно въ этомъ отношеніи отличается Матрена. Напившись, она безсвязно выкрикиваетъ слова, пѣна бьетъ у нея изо рта, а по временамъ она начинаетъ положительно бѣсноваться. Одинъ Еремѣй воздерживается отъ водки и если пьетъ, то въ самомъ умѣренномъ количествѣ и потому онъ имѣетъ рѣпающій голосъ въ семьѣ. Однажды я похвалилъ Еремѣя: хорошо, что ты не пьешь (въ это время Матрена вынимала пробку отъ второй бутылки). „Нѣтъ плохо“, иронически

отвѣтилъ Еремѣй, „у вогуль кто пьетъ, тотъ и хорошъ... такой поганый народъ, и дѣтей помть, а не пьешь — худой человѣкъ. Надо, чтобы въблизи вогульской земли водки не продавали, надо царю писать“.

Бахтіаровы отличаются честностью и хорошими семейными отношеніями. Сыновья безпрекословно повинуются и слушаются своего отца. Мнѣ пришлось видѣть однажды, какъ сынъ со слезами на глазахъ цѣловалъ отца, радуясь его благополучному возвращенію изъ-за Урала: въ прошломъ году отецъ чуть чуть не погибъ; у него разболѣлись глаза, а на горахъ бушевала буря и грозила ему погибелью... Глядя на эту картину, прослезились и остальные присутствующіе вогулы.

Вышеупомянутый племянникъ Степана—Василій Игнат. Бахтіаровъ извѣстенъ какъ порочный плутъ: о немъ даже семья Степана отзывалась, какъ объ очень плохомъ человѣкѣ. Съ нимъ мнѣ встрѣчаться не приходилось ни разу.

Съ самаго рожденія вогуль привыкаетъ къ суровому климату сѣвера. Мнѣ случалось видѣть, какъ мать на холоду обмывала сосновымъ вѣтвемъ (мочалой) своего ребенка. Вынесенный на солнце ребенокъ засыпалъ съ непокрытою головою, въ которую ударяли лучи солнца. Съ малыхъ лѣтъ вогульской ребенокъ привыкаетъ владѣть ножомъ и топоромъ. Всѣ его игры составляютъ подражаніе обыденнымъ занятіямъ старшихъ.

Суровая сѣверная природа не является для вогула мачехой; напротивъ, въ бурю, когда незнакомый съ горами человѣкъ погибъ бы, для вогула самый удобный моментъ для охоты на оленя. Знаніе природы дѣлаетъ его въ высшей степени смѣлымъ. „Только въ сопровожденіи вогула чувствуешь себя обезпеченнымъ въ горахъ“, какъ выражается про нихъ проф. Федоровъ, имѣвшій ихъ своими проводниками.

Упрямство, свойственное вообще всѣмъ финскимъ народамъ, составляетъ также черту характера вогула. Рѣдко измѣняетъ онъ свое рѣшеніе. Отличительной чертой вогульского характера, рѣзко отдѣляющей его отъ пермяковъ, можетъ служить, какъ мнѣ кажется, незлопамятность его. Вогуль скорѣе вспылитъ и полѣзетъ въ драку, но тѣмъ дѣло и кончается; спустя немного времени, онъ примиряется съ обидчикомъ и забываетъ обиду.

Въ общемъ вогулы веселый народъ: любятъ болтать между собою, не прочь пошутить, сострить. Къ постороннимъ на первыхъ порахъ они относятся недовѣрчиво. Къ гостямъ обращаются всегда вѣжливо со словомъ „рума“ (другъ), особенно если посторонній уважаемое лицо.

Къ отрицательнымъ качествамъ вогула нужно отнести ихъ ужасную нечистоплотность и небрежливость, что производитъ отталкивающее впечатлѣніе, особенно на первыхъ порахъ знакомства. Нечистоплотность ихъ отчасти обуславливается образомъ жизни и обстановкой: тѣснота помѣщенія, неимѣніе перемѣнъ одежды, отсутствіе бань—все это способствуетъ крайней нечистоплотности. Она настолько велика, что вогулы считаютъ совершенно не нужнымъ мыть котель, въ которомъ варятъ себѣ пищу, вымыть руки или лицо, выпачканное въ крови, зубами разминаютъ закорузлую сбрую или обувь и т. п.

IV.

Домашняя утварь вогулъ немногочисленна: ружье, большею частью кремневое, топоръ, ножъ, съ которымъ вогулъ никогда не расстаётся—вотъ необходимые предметы ихъ быта. Кромѣ того котель, а иногда и посуда, покупаемые у русскихъ, дополняютъ его хозяйство. Собственныхъ издѣлій этого народа мало и при томъ, какъ мнѣ кажется, издѣлія ихъ уступаютъ по своему достоинству издѣліямъ сосѣдей: такъ, напримѣръ, нарта, шестъ для управления оленями, подѣлки изъ кости—все это не такъ отдѣлано, не такъ изящно, какъ у самоѣдовъ, и вогулы часто покупаютъ эти вещи у сосѣдей. По свидѣтельству путешественниковъ, вогульскія женщины и остячки менѣе искусны въ шитьѣ одежды, нежели самоѣдки и зырянки. Собственные издѣлія вогулъ, на которыя можно обратить вниманіе, это—колыбель (аана) изъ березовой коры, коробки, украшенныя рисунками (изъ того же матеріала), носіящія названія у вогулъ „саанъ“, сосновыя полотенца и расшитыя мѣшки изъ оленьихъ шкуръ.

Колыбель (аана) вогульская, по своему остроумному устройству и удовлетворенію гигиеническимъ условіямъ, можетъ служить примѣромъ и для болѣе культурнаго народа. Устраивается она въ видѣ овальной коробки съ высокою слегка отклоненною спинкою. Въ эту коробку вставляется еще вторая коробка съ болѣе низ-

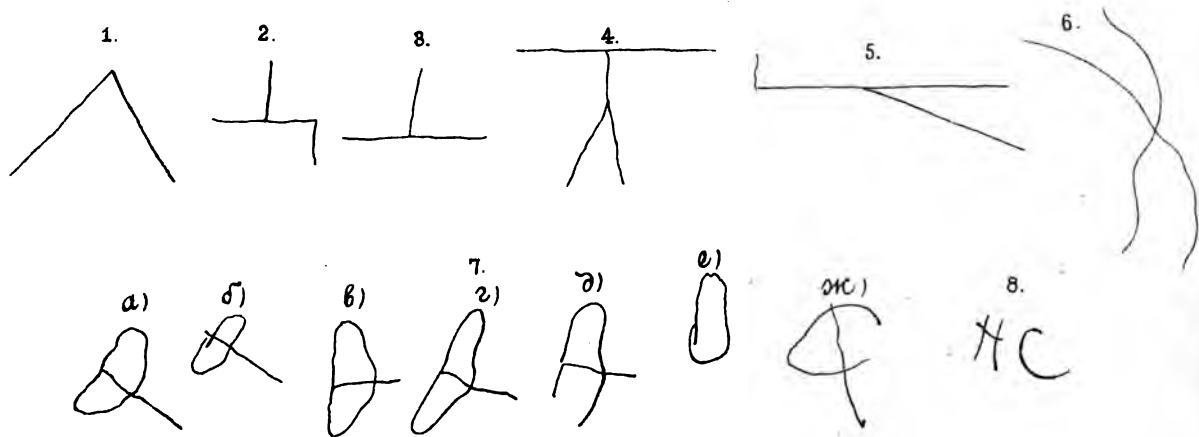
кими боками, въ которую накладывается мягкая стружка высушеннаго гнилаго дерева, которая въ свою очередь покрывается оленьей шерстью. Получается дренажъ, при этомъ шерсть и стружки часто мѣняются. Подростающій ребенокъ находится въ колыбели въ полусидячемъ положеніи; обернутый въ шкуры и завязанный прикрѣпленными съ боковъ аапы ремнями, онъ является, какъ бы спелонаннымъ и при этомъ не рискуеть выпасть изъ колыбели при поѣздкѣ вогуль на оленяхъ, когда колыбель привязывается къ углу нарты. Колыбель очень легка: ее вмѣстѣ съ ребенкомъ можно держать на колѣняхъ, къ ней специально приспособлены ремни, которыми она подвѣшивается къ одному изъ шестовъ шалаша и можетъ быть раскачиваема. Безъ сомнѣнія, вогульская аапа, приспособленная для переходовъ, могла выработаться только у кочевого народа.

Берестяная коробка „саанъ“ во всеобщемъ употребленіи у приуральскихъ жителей и извѣстна у нихъ подъ именемъ „чумань“. Приготавливается она въ нѣсколько минутъ и замѣняетъ охотникамъ всю посуду, смотря по размѣрамъ: чашки, посуду для засолки рыбы, для замѣшиванія тѣста, посуду для храненія съѣстныхъ продуктовъ, воды и проч. Устройство ея замѣчательно просто: содранная съ дерева (весною и въ началѣ лѣта, когда деревья въ соку) свѣжая пластинка коры загибается краями, образуя видъ коробки. Получившіяся по угламъ складки пригибаются и прищипываются къ бокамъ, черезъ что стѣнки коробки удерживаются въ вертикальномъ положеніи. У вогуль онѣ дѣлаются болѣе изящными, иногда верхъ дѣлается круглымъ и къ нему приспособляется крышка. Часто дно саана украшено рисункомъ, производимымъ ножомъ по внутренней или наружной сторонѣ его. Узоръ, который мнѣ пришлось видѣть на вогульскомъ саанѣ, состоялъ изъ чередующихся свѣтлыхъ и темныхъ полосокъ, расположенныхъ параллельно диагонали дна (въ ёлочку). На другомъ саанѣ рисунокъ былъ довольно сложнымъ¹⁾. Сосновое полотенце—единственная вещь, могущая поддерживать мало-мальски чистоту во всей обстановкѣ вогула, такъ какъ имъ обтирають и посуду и ребяты, обтираются послѣ умы-

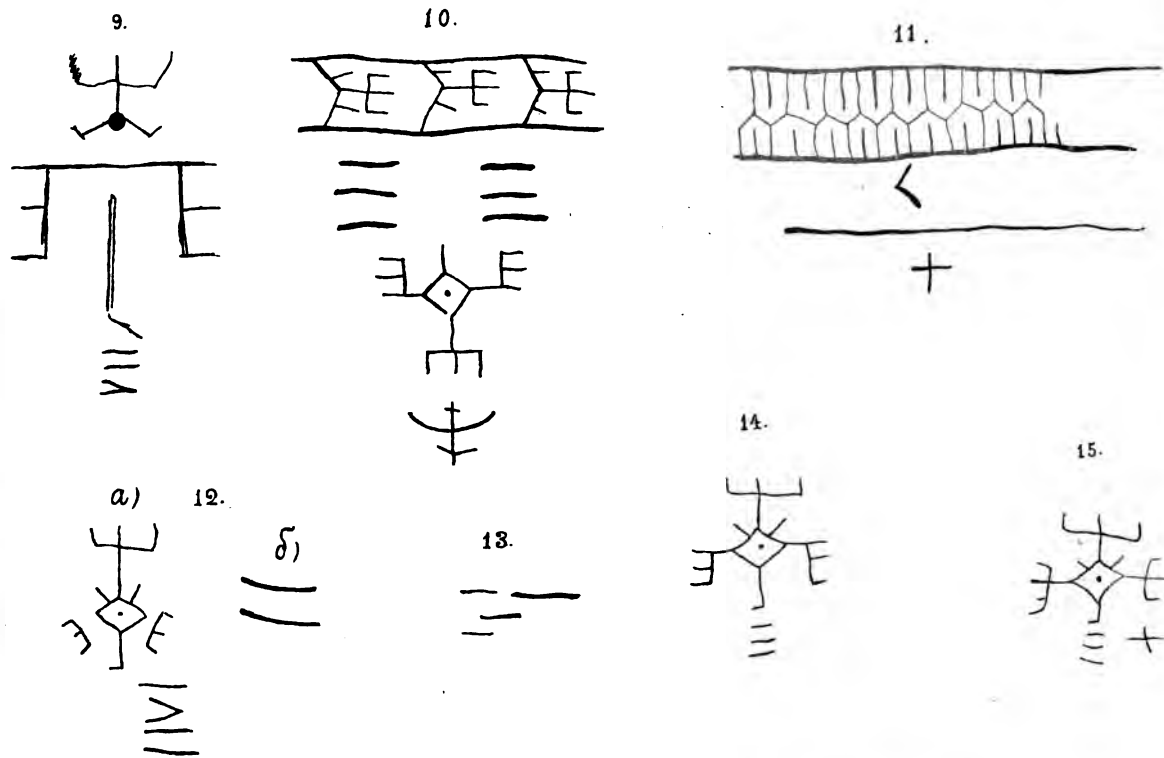
¹⁾ Рисунокъ саана, хотя и неудачный, помѣщенъ у Сорокина въ приложеніи къ его „Путешествію къ вогуламъ“; тамъ же рисунокъ колыбели и другихъ предметовъ, также типы вогуловъ и виды мѣстности. (Труды Общества естествоиспытат. при Имп. Казанск. Унив., т. III, № 4. Казань. 1873).

Вогульскіе знаки.

I. Подписи рукъ.

II. Тамги.

1—6. Подписи Бахтіаровыхъ (1—Василія, 2—Еремѣя, 3—Степана, 4—Василія Игн., 5—его жены, 6—Матрены).—7. Подпись разныхъ лицъ—8. Подпись Феодора Укладова.—9. Тамга манзинъ или маншинъ (глухарь) на рукъ Матрены.—10. Тамга у дѣвушки на правой рукъ.—11. У той-же дѣвушки на лѣвой рукъ.—12. Тамги у Петра Бахтіарова: а) на правой рукъ, б) на лѣвой.—13. Знаки на правой ногъ у старухи-вогулки.—14. Тамга на правой рукъ вогула Феодора Укладова.—15. Тамга на правой рукъ остяка (Рисунки 7, 8, 10—15 заимствованы у Сорокина).

ванья и т. д. Оно представляет изъ себя вѣхоть (мочалу) изъ тонкихъ эластичныхъ стружекъ сосноваго дерева. Сырое дерево стружется острымъ ножомъ, отчего получаютъ эластичныя стружки, которыя и идутъ на изготовленіе полотенецъ.

Мѣшки изъ оленьихъ шкуръ служатъ для храненія всего имущества женщинъ. Они шьются двухъ родовъ: большіе мѣшки и поменьше съ закругленнымъ дномъ. Шьются они шерстью наружу и красиво расшиваются полосками темной шерсти по бѣлой, причемъ полоски вшиваются въ соответственные вырѣзы на мѣшкахъ. Полоски сходятся подъ прямыми углами и составляютъ узоръ, который, кажется, долженъ изображать рога оленя. Подобныя же узоры вышиваются на зимней одеждѣ вогульскихъ женщинъ „сакай“ и на щегольскомъ костюмѣ мужчинъ, сшитомъ изъ шкуръ молодыхъ оленей, называемомъ „пѣрха“ (самоѣдская парка), а также на зимней обуви „іорн-вай“.

Кромѣ узоровъ, наносимыхъ вогулами на сааѣ, вышиваемыхъ на мѣшкахъ, одеждѣ и обуви, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ фигуръ, нанесенныхъ на рукахъ выше запястья. Каждый подобный рисунокъ есть условное изображеніе; такъ, комбинація изъ граблеобразныхъ фигуръ, приводимая въ сочиненіи Сорокина ¹⁾ подъ № 8 должна изображать „чопыр“, т. е. тетерева. Почти тождественную фигуру мыѣ пришлось видѣть у Матрены Бахтіаровой, которая изображаетъ собою манзинъ или маншинъ, т. е. глухаря. У Бахтіаровой кромѣ манзина изображены: нарта, шкура оленя, музыкальный инструментъ и т. д. Приводимый Сорокинымъ рисунокъ подъ № 4 (верхняя часть его) долженъ изображать „поутоп“ (острогу): № 3—„хоур“ (мѣшокъ), № 7—урчикъ и т. д. Татуировка повидимому имѣетъ религіозное значеніе. Производится она, по рассказамъ вогуль, слѣдующимъ способомъ: горячею иглою наводятъ рисунокъ, насыпаютъ на него сальный отъ котла нагарь, и прикладываютъ къ рукѣ куски льда.

Кромѣ всѣхъ этихъ рисунковъ и изображеній, вогулы, по словамъ Носилова ²⁾, часто вырѣзываютъ на деревьяхъ изображеніе божества Чохрынъ-ойки съ двумя головами.

На р. Вишерѣ, на одномъ изъ береговыхъ утесовъ, такъ назы-

¹⁾ Сорокинъ. Путешествіе къ вогуламъ. Прилож., табл. II.

²⁾ Носиловъ. „У Шайтана“. (Нов. Время, 1897, №№ 7597 и 7604).

ваеомъ, Писаномъ камнѣ, а также на сводѣ Моховаго Камня съ незапамятныхъ временъ нанесены красною краскою различныя фигуры, по всей вѣроятности произведеніе рукъ вогуль, обитавшихъ ранѣе по всей Вишерѣ.

Всякій рисунокъ носить у вогуль названіе ханса, соответственное зырянскому „гижбукола“ и самоѣдскому „паддара“. Глаголь „хансугери“ соответствуетъ русскому глаголу „писать“ и пермяцкому „гижны“, и какъ и въ этихъ языкахъ, выражаетъ скорѣй рисованіе, чѣмъ письмо. „Напак хансизмен“—запиши на бумагѣ; „хансаанг тоореу“—бѣлый медвѣдь; „хансаан-вай“—расшитая обувь; „ханса“—рисунокъ на рукѣ и т. д. Сорокинъ въ своемъ сочиненіи говоритъ, что рисунки на рукахъ и свою подпись вогулы называютъ „тамга“. Оказывается, что вогулы совершенно не знаютъ этого слова и не называютъ свою татуировку иначе, какъ „ханса“ или „катпала ханса“, (рисунокъ на рукѣ). Подпись свою вогулы называютъ „катпос“ (кат—рука, пос—пятно). Она состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ палочекъ подѣ различными углами, или же изъ кривыхъ, напоминающихъ форму лука, съ различно наложенными стрѣлами.

Вогульскіе рисунки представляютъ собою зарождающееся искусство. Интересенъ вопросъ, самостоятельно ли оно у нихъ возникаетъ, или же подѣ влияніемъ другого народа. Расшитый мѣшокъ и расшитая обувь заимствованы отъ самоѣдовъ, на что указываетъ названіе іорн-хоур—самоѣдскій мѣшокъ и іорп-вай—самоѣдская обувь; пѣрха также, повидимому, заимствована у того же народа. Вместе съ вещами могло перейти и изображеніе условныхъ фигуръ. Но, съ другой стороны, вогулы имѣютъ самостоятельный терминъ для обозначенія ихъ, и практикуемая ими татуировка не извѣстна ни у одного изъ сосѣднихъ народовъ. Изъ полярныхъ племенъ татуируютъ себя только эскимосы ¹⁾, поэтому можно предположить, что вогулы самостоятельно выработали себѣ условныя изображенія и начали наносить ихъ на руки и сааны.

Изъ цвѣтовъ вогулы отличаютъ своими именами слѣдующіе: бѣлый—анг или ворчи; красный—выгыр, черный—семоль; зеленый, синій и сѣрый они называютъ русскими именами, причеиъ,

¹⁾ Татуировка эскимосовъ производится продергиваніемъ подѣ кожей нитки, смазанной сажей съ саломъ.

какъ большинство дикихъ народовъ, вогулы не отличаютъ сянга цвѣта отъ сѣраго.

Суровая природа сѣвера, тяжелая охотничья жизнь, частое одиночество—не выработали изъ вогула ни поэта, ни музыканта.

Пѣсни его монотонны и не отличаются осмысленностью. Обыкновенно въ нихъ рассказывается самое обыденное происшествіе, недавно случившееся. Садясь на нарту, вогуль непременно запоетъ или начнетъ посвистывать.

Нѣчто вродѣ музыкальнаго инструмента мнѣ пришлось видѣть у вогуль, а именно костяную пластинку „туман“. Пластинка, длиною приблизительно 7 дюйм. а шириною до 1, имѣетъ по длинѣ прорѣзъ въ видѣ буквы п, причемъ нижняя часть прорѣзи шире. Къ узкому концу пластинки, ограниченной прорѣзью, прикрѣпляется конецъ жилы. Вложивъ пластинку между губами такъ, чтобы она прижималась къ зубамъ, дергая за жилу, извлекаютъ звуки, напоминающіе тѣ, которые происходятъ при наливаніи изъ полной бутылки. Отъ положенія губъ получаются звуки различныхъ тоновъ. Инструментъ этотъ служитъ для аккомпанемента вогульскихъ пѣсень.

Инструментъ, описанный и изображенный у Сорокина подъ именемъ „шангура“, представляющій видъ лодки съ круглымъ дномъ и пятью металлическими струнами, вогулы назвали мнѣ (по рисунку) „сангульп“ — медвѣдя играть. Очевидно, что игра на немъ связана съ культомъ медвѣдя.

Изъ повѣрій мнѣ пришлось слышать только одно относительно самоѣдовъ: Василій однажды рассказывалъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ оленья голова, у другихъ собачья, а у нѣкоторыхъ совсѣмъ нѣтъ и „только“—рассказчикъ громко потянулъ въ себя воздухъ, изобразивъ, какъ они всхлипываютъ.

Для показанія огромнаго количества они употребляютъ сравненіе съ комарами: „какъ комаръ“, выражаются они про большія стада оленей. Я не встрѣтилъ уже оцѣнки количествомъ бѣлокъ. Бахтиаровы продаютъ и покупаютъ, оцѣнивая вещи на рубли и измѣряя вѣсъ фунтами. У вогуль имѣется самостоятельный терминъ для обозначенія денегъ—„оль“, который, кажется, означаетъ также и серебро ¹⁾.

¹⁾ Азъкъвистъ говоритъ, что вогулы употребляютъ для обозначенія денегъ слово о к ш а. Вогулы этого слова не знаютъ.

Время дня вогулы узнаютъ по солнцу, ночью же по созвѣздію Большой Медвѣдицы (которое зовется со о р б-лосъ), причемъ здѣсь точность времени приближительна: время до полночи, полночь и полночь.

Сказокъ имѣ слышать не приходилось. Изъ обычаевъ у вогуль существуетъ слѣдующій: женщина не должна показывать лица мужчинамъ-родственникамъ мужа. Поэтому, входя въ жилье, вы видите, что часть женщинъ сидитъ отвернувшись или же съ напущенными низко на лицо платками.

Лозвинскіе вогулы не вурятъ, не нюхаютъ табаку.

V.

Лѣтній мужской костюмъ Бахтіаровыхъ состоитъ изъ длинной бумазевой рубахи „сууп“, спускающей почти до колѣнъ; изъ панталонъ „маньсуп“, заправляемыхъ въ длинные выше колѣнъ чулки „манч-вай“, изъ толстаго бѣлаго сукна, и наконецъ „няр“—обуви безъ голенищъ, вродѣ русскихъ котовъ, изъ шкуръ оленя, сшитыхъ шерстью наружу. Чтобы чулки не спускались, сбоку прикрѣплены къ нимъ тонкіе ремешки, которыми они привязываются къ поясу, поверхъ рубахи. На ременный или тканый поясъ „сууп-эндап“ привѣшивается ножъ въ деревянныхъ ножнахъ; нижняя часть ноженъ привязывается къ ногѣ, чтобы ножъ можно было скоро и легко вытащить. Съ ножемъ вогуль никогда не разстается—это самая необходимая для него вещь. На поясѣ подвѣшены также оселокъ изъ хлоритоваго сланца „лестан“¹⁾ въ особомъ кожаномъ кошелькѣ, кошелекъ со спичками, а иногда еще кошелекъ съ деньгами. Кошельки застегиваются на солдатскую пуговицу и обшиваются иногда бисеромъ или тѣми же солдатскими пуговицами (мода, кажется, заимствована отъ зырянъ). На шею для щегольства вогулы повязываютъ платокъ, цвѣтъ котораго иногда очень трудно разобрать, настолько онъ бываетъ частъ. За послѣднее время вогулы начали носить русскіе пиджаки „нюй“ (слово это обозначаетъ также сукно). Шалокъ не носятъ ни лѣтомъ, ни зимою. Съ наступленіемъ холоднаго времени ко-

¹⁾ Осѣлки добываются въ двухъ горахъ Тѣдр-нѣр и Яны-Пубы-нѣр въ сѣверномъ Уралѣ.

стюмъ пополняется рубашкой изъ чернаго сукна съ капюшономъ „гусь“.

Женщины одѣваются также въ длинную рубашку, поверхъ которой надѣвается суконный балахонъ „нюй“, полы котораго приходятся въ стыкъ и завязываются ленточками. По балахону нашивается цвѣтная полоска сукна, идущая параллельно поламъ и подолу. У дочери Степана (замужемъ за сосвинскимъ вогулкомъ) по цвѣтной полосѣ нашиты черезъ равныя промежутки четырехугольныя литыя изъ олова фигурки.

Обувь женщинъ та же, что у мужчинъ. На головѣ женщинъ большой платокъ; въ присутствіи родственниковъ мужа онъ спускается на лицо.

Зимняя одежда, общая всѣмъ инородцамъ сѣвернаго Урала, даже перенятая русскими, шьется исключительно изъ оленьихъ шкуръ оленьими жилами. Эта одежда состоитъ изъ рубахи, обращенной шерстью внутрь „моолча“ или „моолся“. Рубашка эта нѣкоторыми вогулами носится даже лѣтомъ, какъ это видѣлъ Сорокинъ ¹⁾ у лозвинцевъ.

Во время сильныхъ морозовъ на моолчу надѣвается „гусь“, подобная же одежда, но шерстью наружу, съ капюшономъ и рукавицами „пааса“. Рукавицы пришиваются къ концамъ рукавовъ только задней стороной такимъ образомъ, что можно и не надѣвать рукавицу, и нѣтъ риска ее потерять, при томъ ее удобно надѣвать и скидывать.

Болѣе щегольская одежда—это тотъ же „гусь“, но сшитый изъ шкурокъ молодыхъ оленей (пыжиковъ) и расшитый, какъ я приводилъ выше, по подолу узорами. Онъ зовется „порха“ (самоѣдская парка).

Зимой вогулы, какъ и лѣтомъ, носятъ на ногахъ „няры“. Няры шьются изъ шкурокъ съ ногъ оленя, при чемъ подошвы выкраиваются изъ щетокъ (щетки повыше копытъ животнаго) или же изъ кожи, снятой со лба оленя, которая также отличается прочностью. Сшитыя няры копятятся, верхняя часть ихъ оторачивается сукномъ, которое стягивается на ногъ продернутымъ черезъ него шнуркомъ. Няры настолько удобны для ходьбы на лыжахъ, что ихъ предпочитаютъ даже русскіе охотники; всякая другая обувь мово-

¹⁾ Сорокинъ. Путешествіе къ вогуламъ, стр. 31.

лить ногу. Вмѣстѣ съ оленеводствомъ вогуль занимовалъ отъ самоѣдовъ для ѣзды на нартахъ болѣе теплую обувь съ длинными голенищами, назвавъ ихъ „юрн-вай“—самоѣдскіе чулки. Подъ юрн-вай надѣваются еще чулки шерстью во внутрь—„кесс“, сшитые изъ шкурокъ пыжика. Эта мягкая и удобная обувь носится вогулами дома и при поѣздкахъ; если же понадобится вогулу идти на лыжахъ, онъ надѣваетъ няра. Юрн-вай часто дѣлаются расшитыми—это „хансап-вай“. Юрн-вай—обувь того и другого пола. Русскіе называютъ ихъ пимами и юнтами, но первое названіе зырянское, второе, кажется, самоѣдское.

Женская шуба „сакай“ шьется на подобіе дохи—двойная, шерстью во внутрь и наружу. Иногда также расшивается.

Видѣнный Сорокинымъ ¹⁾ у лозвинскихъ вогуль надѣваемый на рубашку четырехугольный кусокъ матеріи, съ прорѣзомъ для головы въ центрѣ, во всеобщемъ употребленіи по Вишерѣ, Косьвѣ, въ Чердынскомъ и Зырянскомъ краѣ. Матерія подшивается подкладкой, которая съ боковъ остается частью не прошитой; такимъ образомъ пространство между матеріей и подкладкой представляетъ собою складочное мѣсто для убитой дичи, провіанта и т. п. Туда можно помѣстить нѣсколько караваевъ хлѣба. Тяжесть раскладывается равномѣрно и спереди и сзади и такимъ образомъ не утомляетъ какой-нибудь одной части тѣла; кромѣ того онъ согрѣваетъ грудь, плечи и спину, не связывая рукъ для свободнаго дѣйствія ружьемъ. По всей вѣроятности первоначально „лузан“, какъ его называютъ вишерцы, представлялъ изъ себя шкуру животнаго. Вогулы называютъ его „луз“. Трудно рѣшить, представляетъ ли лузанъ вогульскую одежду или зырянскую. Названіе лузъ и лузанъ можетъ происходить отъ зырянскаго слова лузаны—тащить.

Вогулки любятъ украшать себя, надѣвая на пальцы массу серебряныхъ и мѣдныхъ колець „туля“, на шею бусы „сак“ или же фигурный крестъ и медали „пэрна“ (то и другое), а также и старинныя монеты.

Мужчины въ свои косы вплетаютъ красныя шнурки, а женщины обматываютъ косы сплошь такимъ же краснымъ шнуркомъ, отчего косы ихъ походятъ на рога газели. Къ обмотаннымъ ко-

¹⁾ Стр. 31.

самъ женщины прикрѣпляютъ кольца и погремушки; между косами на затылкѣ головы прикрѣпляется кожаная пластинка, усаженная врядь 5-ю мѣдными солдатскими пуговицами.

VI.

Пища вогуль довольно разнообразна, по преимуществу мясо животныхъ и рыба. Вогулы ѣдятъ: медвѣдя, бѣлку, выдру, разнаго рода дичь, оленя, лося и лошадь.

Ѣдятъ также яйца тетеревиныя и куриныя, пьютъ молоко, изъ муки варятъ болтушку. Въ пищу употребляютъ также пиканы „поррыхъ“ (растеніе изъ сем. зонтичныхъ, употребляемое въ пищу и русскими), ѣдятъ ягоды, но не ѣдятъ грибовъ, считая ихъ погаными и называя ихъ „ивмэнкпиль“, чортово порожденіе. Весною, когда деревья въ соку, вогулы лакомятся березовымъ сокомъ. О выдрѣ вогулы выражаются, что она очень вкусна, вкусомъ напоминаетъ рыбу. Мясо оленя они предпочитаютъ есть сырымъ, мясо остальныхъ животныхъ варятъ. Безъ оленьяго мяса вогуль чувствуетъ себя плохо. Оно составляетъ для него почти необходимую потребность организма. Съ замѣчательной ловкостью и проворствомъ уничтожаетъ онъ куски мяса оленя. Положивъ конецъ длиннаго куска въ ротъ, вогуль быстрымъ движеніемъ руки снизу вверхъ отрѣзываетъ ножомъ около самыхъ губъ часть куска, находящуюся во рту, и почти не жуя, проглатываетъ его. Постороннему зрителю кажется, что онъ непремѣнно долженъ отрѣзать или губы, или кончикъ носа. Кости, содержащія мозгъ, раскалываются ударами обухомъ ножа, и мозгъ съѣдается.

Осенью, въ періодъ охоты на оленя, вогулы запасаются мясомъ въ прокъ: сушатъ его на солнцѣ, развѣшивая на особо устроенныхъ перекладахъ. Въ это время вонь около ихъ жилья невозможная. Мясо на воздухѣ темнѣетъ, а если осень дождливая, то покрывается вдобавокъ зеленью. Сало оленя коптится и считается лакомствомъ. Вогулы кромѣ того большіе любители крови: ее пьютъ съ жадностью, въ нее обмакиваютъ куски мяса.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ вновь нарастающіе рога оленя представляются покрытыми мясистою кожей, поросшей шерстью. Кость въ это время мягкая; по ней циркулируетъ кровь. Кожа рога составляетъ одно изъ блюдъ вогула. Подрѣзавъ ножомъ кожу вокругъ осно-

ваяя рога, вогуль съ ловкостью оператора быстро отламываетъ рогъ — кровь фонтаномъ брызжетъ изъ оставшейся части рога. Чтобы остановить кровотечение, кожу у мѣста обрѣза стягиваютъ шнуркомъ. Опаливъ на огнѣ отрѣзанный рогъ и оскобливъ ножемъ шерсть, вогуль отрѣзываетъ куски кожи и съ удовольствіемъ пожираетъ. Вогулы увѣряютъ, что если въ этотъ періодъ отпилить оленю рогъ, то олень осенью становится жирнымъ.

Хлѣбъ даже Бахтіаровы, имѣющіе постоянныя сношенія съ русскими, считаютъ за лакомство и ѣдятъ его въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

Совсѣмъ не ѣдятъ вогулы и считаютъ поганымъ животнымъ свинью (порс), объясняя это тѣмъ, что свинья питается отбросами. Обстоятельство это не маловажное для археолога, если припомнить, что въ нѣкоторыхъ костякахъ (жертвенныхъ мѣстахъ доисторическаго человѣка) встрѣчаются кости и этого животного, такъ какъ въ костякахъ несомнѣнно должны встрѣчаться кости только съѣдобныхъ животныхъ, такъ какъ только эти животные приносились въ жертву. Практичный жертвоприноситель однимъ выстрѣломъ убивалъ двухъ зайцевъ: ублажалъ боговъ и желудокъ; слѣдовательно, считая свинью поганымъ животнымъ, вогуль не могъ приносить ее въ жертву.

Отсутствіе костей свиньи въ Чаньвенской пещерѣ, которая служила, по преданію, капищемъ вогульского народа, явленіе не случайное, обусловленное мѣстными условіями, какъ полагаетъ г. Теплоуховъ ¹⁾, а скорѣе всего обусловленное вышеуказаннымъ обстоятельствомъ.

VII.

Для обозначенія всякаго жилища вогулы употребляютъ слово „коль“, соответствующее пермяцкому „ку“ и вотяцкому „куа“. Несомнѣнно, что въ отдаленныя времена жилищемъ вогуль кромѣ ямъ служили также и пещеры, на что указываетъ вогульское названіе послѣднихъ „кеерс-коль“, т. е. жилище въ скалѣ, въ береговомъ утесѣ. Занимаясь рыбною ловлей и звѣроловствомъ, эти дикари не могли не воспользоваться тѣми удобствами, какія пред-

¹⁾ О. А. Теплоуховъ. Древности и кости, найденныя въ Чаньвенской пещерѣ, Соликамскаго уѣзда Пермск. губерніи. Пермь, 1895.

ставляетъ въ ихъ распоряженіе пещера. Познакомившись съ обработкой дерева, вогуль началъ строить деревянныя избушки и названіе ихъ противопоставилъ кеерсколю, назвавъ ихъ „нор-коль“, что означаетъ жилище изъ срубленнаго дерева. При занятіи же оленеводствомъ, ему понадобилось соответствующее этому занятію легко перевозимое жилище, которое онъ и заимствовалъ у самоѣдовъ вмѣстѣ съ оленеводствомъ. Это—юрн-коль, въ переводѣ—самоѣдское жилище, конусообразный шалашъ, составленный изъ жердей, покрытыхъ березовой корой.

Временное прикрытіе отъ непогоды, устраиваемое вогулами, когда они находятся на охотѣ или рыбной ловлѣ, носитъ названіе „коль-бал“.

Въ настоящее время и существуетъ у вогуль два жилища: юрн-коль—у кочевиковъ оленеводовъ, и нор-коль—у нихъ же, какъ зимнее жилище, и у осѣдлыхъ—какъ постоянное. Совокупность нѣсколькихъ нор-колея—деревушка, если можно такъ выразиться, зовется „пауль“. Русскіе почему-то усвоили за ворколемъ и паулемъ названіе татарско-тюркскаго происхожденія—юрта, которое вошло даже въ литературу, а за юрн-колемъ зырянское названіе—чумъ.

Юрн-коль—необходимое жилище всякаго оленевода, а потому встрѣчается у самоѣдовъ (мяк), откуда ведетъ свое происхожденіе, у зырянъ, которые зовутъ его „чом“, у вогуль и остяковъ. Сообразно потребностямъ жизни и средствамъ, которыми располагають номады, нельзя придумать ничего лучшаго, ничего болѣе удобнаго этого жилья. Юрн-коль можетъ быть разобранъ и уложенъ на нарту не болѣе, какъ въ полчаса времени; не болѣе того нужно и для его сборки.

У вогуль эта работа, какъ и большинство домашнихъ работъ, лежитъ исключительно на обязанности женщинъ. При всей легкости юрн-коль хорошо защищаетъ кочевника отъ дождя и вѣтра. Единственно, что неудобно въ немъ, такъ это дымъ отъ разводимаго посерединѣ костра. Обыкновенно обитатели его являются всѣ съ воспаленными глазами.

Устраивается это жилище такъ: два легкихъ шеста, связанные недалеко отъ верхнихъ концовъ, устанавливаются наклонно другъ къ другу, въ промежутокъ между связанными концами кладутся такіе же шесты—десятка 2-3 такъ, чтобы нижніе концы ихъ стоя-

ли по окружности круга. Такимъ образомъ получается деревянный остовъ іорн-коля. На этотъ остовъ накладываются четырехугольная полотноща „тиски“ изъ вываренной и пропитой жилами двойной бересты. Вверху оставляется проходъ для дыма; одна изъ полстѣвъ, повѣшенная на шнуръ, перекинута черезъ вершину остова, представляетъ собою дверь.

Съ наступленіемъ холодовъ берестовые „тиски“ замѣняются полотнищемъ изъ оленьихъ шкуръ, но Бахтіаровы на зиму предпочитаютъ спускаться съ горы и жить въ нор-колѣ. Самоѣды Хатанзіевы живутъ и зиму въ іорн-колѣ.

Посрединѣ жилья на камняхъ разводится огонь, надъ которымъ устроено приспособленіе для вѣшанья котла на деревянномъ крюкѣ. Вокругъ на еловыхъ прутьяхъ разостланы оленьи шкуры; на нихъ располагаются обитатели жилья. Противъ входа у противоположной стѣнки валяется домашній скарбъ: ружье, расшитые мѣшки, посуда и т. д.

Если имѣется въ жилищѣ ребенокъ, то на одномъ изъ шестовъ остова подвѣшена колыбель. Тутъ-же въ іорн-колѣ сушатся и выдѣлываются шкурки животныхъ.

Видѣнные мною у Бахтіаровыхъ по Улсу, въ верховьяхъ р. Пели и т. д. нор-коли представляютъ изъ себя продолговатую избушку, срубленную изъ нетолстыхъ сухоподстойныхъ деревьевъ. Покрываются избушки берестяными „тиски“ по деревяннымъ планкамъ, поверху всего этого тонкій накатникъ, не по скату, а поперекъ его. Нор-коль высотой не болѣе двухъ съ половиной аршинъ; длина его около пяти, ширина около четырехъ аршинъ. Передняя часть крыши выдается; къ ней прислонено нѣсколько жердей; такимъ образомъ загороженное пространство передъ избушкой представляетъ сѣни. Изъ этихъ сѣней въ помещеніе ведетъ крохотная дверка, запирающая высоко прорубленное отверстіе, въ которое только едва можно пролѣзть человѣку.

У двери, въ углу устраивается нѣчто въ родѣ камина, представляющаго изъ себя нѣсколько наклонную трубу изъ связанныхъ между собою палокъ, обмазанныхъ толстымъ слоемъ глины. Въ передней части трубы внизу сдѣланъ вырѣзъ, высотой въ аршинъ или полтора, чрезъ который разводятъ въ трубѣ огонь. По окончаніи топки труба повыше вырѣза закрывается берестянымъ кру-

гомъ. Этотъ каминъ носитъ названіе „човаль“¹⁾; онъ даетъ тепло, пока топится. Обыкновенно ночью въ нор-колѣ чувствуешь холодъ, такъ какъ по ночамъ вогулъ не топить своего жилья даже въ самыя лютыя морозы: онъ скупъ на дрова и предпочитаетъ кутаться въ шкуры. Съ противоположной стороны човала во всю длину стѣны устроены низкія, широкія нары. Въ крохотное окно вставленъ кусокъ льда, который пропускаетъ достаточно свѣта для помѣщенія. Ледъ ежедневно нужно оскабливать, такъ какъ онъ отъ тепла обращается сверху въ снѣгъ и теряетъ прозрачность.

VIII.

Главное занятіе Бахтіаровыхъ — оленеводство и охота. Они владѣютъ довольно значительными стадами оленей. Выгоды отъ оленеводства громадныя. Почти вся жизненная обстановка кочевниковъ доставляется оленемъ: одежда, начиная съ обуви, кончая шубой, сбруя, кость для подѣлокъ, ежедневная пища, шерсть отъ линянія, высоко цѣнная; постель, шкуры, замша — вотъ что получаютъ кочевники отъ оленеводства.

Часть этихъ продуктовъ обращается въ наличныя деньги, которыми оленеводъ можетъ съ излишкомъ удовлетворить свои ограниченныя потребности. Понятно, что часто кочевнику некуда и некому сбыть продукты, и онъ при значительномъ капиталѣ, который представляетъ его стадо, остается безъ гроша наличныхъ денегъ.

Приплодъ быстро увеличиваетъ стадо номада. Въ это время забота хозяина стада должна быть направлена къ тому, чтобы дѣтеныши не замерзали, такъ какъ рождаются они въ апрѣлѣ, когда на горахъ стоитъ холодная погода. Молоко матокъ идетъ исключительно на вскармливаніе дѣтенышей; вогулы, какъ и прочіе уральскіе оленеводы, не доятъ самокъ.

Другая забота, причиняемая оленями обладателю стада, та, что олени съ наступленіемъ холодовъ разбродятся врозь, а не держатся стадомъ, какъ въ жары, и часто теряются; потерявшихся оленей приходится разыскивать. Въ этой бѣдѣ помогаютъ хозяину

¹⁾ Русскіе называютъ его чуваль; отсюда названіе горы Чувальскій Камень, равильяе Човальскій.

умныя собаки, которыя отыскиваютъ оленей и лаемъ заставляютъ ихъ вернуться къ стаду. Тѣ же собаки пасутъ стадо и помогаютъ пригонять его къ жилью.

Западный склонъ Чердынскаго Урала представляетъ громадное удобство въ томъ, что здѣсь не водится злѣйшаго врага оленя— волка. Снѣга здѣсь уже съ осени выпадаютъ настолько глубокіе, что попавшій сюда волкъ очутился бы въ критическомъ положеніи и былъ бы обязательно убитъ охотниками. Волки иногда водятся у Яльпингъ-нѣра.

Главную пищу оленя составляетъ бѣлый мохъ— лишайникъ— *cladonia rangiferina*. Зимой олень самъ откапываетъ его изъ-подъ снѣга своими крѣпкими копытами. Кромѣ него олени питаются бородатымъ лишайникомъ (*usnea barbata*), растущимъ на хвойныхъ деревьяхъ, и нѣкоторыми травами, какъ то: аннемоной, растущей на вершинахъ горъ, и листьями птичьей гречихи (*polygonum aviculare*), встрѣчаемой на заболоченныхъ мѣстахъ и у рѣчекъ.

Не хищное, правильное оленеводство требуетъ, чтобы стада какъ можно чаще перегонялись съ одного пастбища на другое въ виду того, что если на пастбищѣ мохъ будетъ весь выѣденъ, то онъ не наростетъ десятки лѣтъ, тогда какъ выѣденный отчасти онъ наростетъ къ слѣдующей осени. Поэтому-то Бахтіаровы обыкновенно одно лѣто живутъ на Кваркушѣ, другое на Чувальскомъ и т. д. Въ зимы, обильныя осадками, они перегоняютъ стада на восточный склонъ Урала и живутъ на Тошемкѣ.

Олень въ высшей степени выносливое и крѣпкое животное. Онъ можетъ дѣлать громадные пробѣги, не требуя за собой ухода, скудно питаясь ягелемъ. На оленяхъ можно ѣхать куда угодно; препятствій для него почти не существуетъ: съ нартой взбирается онъ по крутымъ розсыпямъ, по которымъ даже человѣку ходить не совсѣмъ безопасно, вбродъ пересѣкаетъ рѣчки, бредетъ по глубокому снѣгу и свободно движется въ лѣсной чащѣ, не смотря на свои громадные вѣтвистые рога. Легкому пробѣзду способствуетъ чудное устройство нарты. Нарта „сунн“ приспособлена для ѣзды лѣтомъ и зимою; устроена она въ высшей степени просто и остроумно: къ полого-загнутымъ легкимъ полозьямъ придѣлано сидѣнье съ невысокою спинкою на трехъ парахъ слегка наклоненныхъ назадъ копыльевъ. Сидѣнье возвышается надъ полозьями приблизительно на высоту колѣна. Такимъ высокимъ сидѣньемъ дости-

гаются возможность проѣзжать безпрепятственно черезъ пни и выдающиеся камни, переѣзжать ручьи и рѣчки, а также удобно ѣхать по глубокому снѣгу, когда нарта значительно увязаетъ въ немъ. Но за то сидѣть на нихъ при ѣздѣ по лѣсамъ и камнямъ не совсемъ удобно, особенно вдвоемъ—трудно сохранять равновѣсіе. Отсутствие оглобелъ увеличиваетъ неравномѣрность хода: иногда нарта взбѣгаетъ однимъ полозомъ на пень, высокій камень, или павшее дерево, скользитъ по немъ или ныряетъ съ него, ударяясь о камень и немилосердно встряхивая сѣдока, иногда же жметъ къ дереву и надо успѣть убрать свои ноги, чтобы не заполучить ушиба. Сидѣнье на нартѣ обыкновенно покрывается оленьей шкурой, подъ которой обязательно бываетъ положенъ топоръ и арканъ для ловли оленей, — безъ нихъ вогуль не выѣзжаетъ никуда. При спускахъ со значительныхъ подъемовъ на одинъ изъ полозьевъ нарты надѣвается кожаная петля, которая и играетъ роль тормазы. При такомъ тормазѣ ходъ нарты становится еще неравномѣрнѣе—ее бросаетъ изъ стороны въ сторону самымъ отчаяннымъ образомъ. При очень крутыхъ спускахъ выпрягаютъ оленей, привязываютъ ихъ обротками сзади нарты, а сѣдокъ становится впереди ея и, захвативъ руками концы полозьевъ, начинаетъ спускаться нарту, поддерживаемую сзади оленями.

Не менѣе остроумно придумана и запряжка къ нартѣ. Къ загнутымъ концамъ полозьевъ привязывается по блочку, черезъ которые пропущена длинная постромка, оканчивающаяся на концахъ мягкими петлями, которыя застегиваются на пуговицу на шеѣ животныхъ. Лѣвый олень-вожакъ опоясывается поперекъ туловища широкимъ ремнемъ, къ которому привязывается второй олень за свою обротку, и такимъ образомъ вожакъ идетъ на голову впереди второго оленя. Если впрягается третій олень, то на постромку между блочками надѣвается еще третій блокчекъ съ постромкой съ такой же петлей, надѣваемой на шею третьяго оленя. Средній олень привязывается оброткой къ поперечному ремню вожака, а правый олень за ремень средняго. Постромки пропускаются вдоль туловища животного между его ногъ, такимъ образомъ олень тащитъ и шей и грудью. Свободное движеніе въ блочкахъ постромки заставляетъ всѣхъ оленей съ одинаковымъ усиліемъ тащить нарту.

Управление оленями производится единственной длинной возжей, привязанной концомъ къ оброткѣ вожака. Если нужно повернуть

олений вправо, то дергаютъ возжей, и жожакъ поворачивается вправо, увлекая товарищей; если же нужно повернуть налѣво — слегка натягиваютъ возжу. Для того, чтобы остановить олений, сильно натягиваютъ возжу, и жожакъ повертывается къ нартѣ. Погоняются олени ударами длиннаго песта въ бокъ и задъ, а то и прямо по головѣ и рогамъ, когда олень упрямится.

При ѣздѣ олени высовываютъ языкъ, подобно собакамъ, и громко дышутъ. При остановкахъ возжу коротко привязываютъ къ нартѣ, и олени тотчасъ же ложатся отдыхать. Выпряженный олень, встряхнувшись нѣсколько разъ, убѣгаетъ къ стаду, какъ бы онъ утомленъ ни былъ.

Ѣздить вогулы на выложенныхъ самцахъ и самкахъ. Самцовъ выкладываютъ, производя операцію зубами. Жожакомъ бываетъ обыкновенно самецъ. Хорошій жожакъ можетъ тащить нарту цѣлыя сутки, не отдыхая.

Прежде чѣмъ заложить оленя, нужно его поймать изъ стада. Маточки обыкновенно подпускаютъ къ себѣ человѣка; онъ очень любитъ мочу, чѣмъ ихъ и приманиваютъ; самцы же, при попыткѣ приблизиться къ нимъ, отбѣгаютъ прочь. Въ этотъ моментъ летитъ намѣченный вѣрной рукой арканъ и запутываетъ рога предназначеннаго къ упряжкѣ оленя.

Арканъ, которымъ ловятъ олений, представляетъ изъ себя длинную плетеную изъ ремня веревку съ привязаннымъ на концѣ кольцомъ. Свободный конецъ аркана продѣвается въ кольцо и продевается до тѣхъ поръ, пока не образуется небольшая петля. Вытаскивая обратно свободный конецъ, складываютъ его постепенно въ петли по размѣрамъ первой, и такъ до половины, вторая половина собирается въ такія же петли, но свободно, не черезъ кольцо. Брошенный на оленя пукъ петлей, развертываясь, образуетъ одну петлю большихъ размѣровъ, которая попадаетъ на рога животного и затягивается на нихъ. При этомъ требуется большая ловкость и споровка. У Степана оторваны концы 3 пальцевъ, на которыхъ былъ замотанъ свободный конецъ аркана.

Значительное стадо въ нѣсколько сотъ головъ дѣлаетъ богачемъ обладателя его, и еслибъ не страсть номадовъ къ водкѣ, то они достигали бы полнаго благосостоянія. Не нужно однако забывать, что богачъ оленеводъ въ одинъ день можетъ превратиться въ бѣдняка, какъ это и было во время сибирской язвы въ 1848 г.,

когда пало болѣе половины всѣхъ уральскихъ и тундровыхъ оленей.

IX.

Охота—исконное занятіе вогула, руководившая его перекочевками и переселеніями. Даже у оленеводовъ охота представляетъ любимое и выгодное занятіе.

Самая крупная охота—охота на лося; она производится нѣсколькими способами. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ лосей подкарауливаютъ на болотахъ, куда въ сумерки приходятъ они лакомиться сочными травами (у вишерцовъ подобныя болота зовутся разсолами). Замѣтивъ слѣды на болотѣ, охотникъ прячется поблизости и подкарауливаетъ лося.

Охота „нагономъ“ производится съ помощью собакъ. Собака, встрѣтивъ лося, начинаетъ рѣзко лаять. По лаю охотникъ узнаетъ, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло. Если лось вздумаетъ бѣжать, то собака старается забѣжать впередъ и останавливаетъ его. Здѣсь, какъ и при охотѣ на медвѣдя, высказывается все достоинство охотничьей собаки. Пока лось занятъ собакой, охотникъ приближается на выстрѣлъ и убиваетъ его. Осенью во время течки, когда лоси табуняются и дѣлаются болѣе злыми, они кидаются на собаку, не замѣчая охотника—самый удобный моментъ для послѣдняго поразить его пулей.

Поздней осенью и раннею весною охотники пользуются перекочевками лосей за Уралъ. По выпадкѣ снѣга лоси перекочевываютъ на восточный склонъ Урала, гдѣ осадковъ выпадаетъ значительно меньше. Одинъ за другимъ бредутъ они по проходкамъ, гдѣ сходятся верховья сибирскихъ и европейскихъ рѣкъ. Подъемъ по этимъ лощинамъ не крутъ—Уралъ сильно понижается въ нихъ. Образуются цѣлыя тропы,—путь лосей ежегодно одинъ и тотъ же ¹⁾). Запоздавшему лосю трудно брести по глубокому снѣгу, не смотря на его силу и ростъ,—его легко нагоняетъ охотникъ на лыжахъ и кончаетъ съ нимъ.

Весною лось возвращается на западный склонъ, гдѣ онъ находитъ обильную пищу въ молодыхъ побѣгахъ рябины. Возвращаться также не легко; особенно когда на снѣгу образуется ло-

¹⁾ Особенно много проходятъ лосей верховьями Печного и Чуrolа.

ляной покровъ (насть, чарымъ), масса лосей становится добычей охотниковъ. Оставшіеся на зиму лоси на западномъ склонѣ поголовно истребляются охотниками.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ охоты на лося существуетъ еще одинъ видъ, практикуемый по преимуществу вогулами, получившій начало, быть-можетъ, въ періодъ кремневыхъ орудій. Этотъ способъ состоитъ въ слѣдующемъ. На пути перекочевокъ лосей между горами устраивается изгородь въ двѣ жерди, въ которой оставляются проходы, черезъ извѣстные промежутки. Съ той и другой стороны прохода устанавливаются большіе луки съ деревянными стрѣлами, имѣющими желѣзные наконечники въ видѣ ножицковъ, отклепанные изъ котельнаго желѣза. Въ проходѣ лось задѣваетъ за нитку (симу), чѣмъ спускаетъ въ себя обѣ стрѣлы, которыя попадаютъ ему около лопатокъ. Ударъ бываетъ настолько силенъ, что иногда стрѣла проноситъ насквозь грудную полость животнаго. Понятно, что не всегда удачно стрѣла попадаетъ въ цѣль; иногда только тяжело ранитъ лося, и тотъ, прошедши нѣсколько верстъ, издыхаетъ и становится добычей россомахи. При устройствѣ изгороди, особенно же при установкѣ лука, соблюдаются предосторожности: лукъ натирается пихтовыми вѣтками, поблизости не рубятся деревья и т. д. Способъ этотъ примѣняется только для осеннихъ перекочевокъ. Зимой вогулы настораживаютъ луки, но безъ огорода, на восточномъ склонѣ Урала, по слѣдамъ лося. Этимъ способомъ удастся убить цѣлые десятки лосей въ осень.

Вишерскіе охотники также практикуютъ этотъ способъ охоты, но тайно, такъ какъ онъ запрещенъ и небезопасенъ для людей.

Приходится сожалѣть, что на эту охоту, какъ и на истребленіе лосей-матокъ и дѣтенышей, смотрятъ сквозь пальцы тѣ, кому надлежитъ вѣдать это дѣло.

Зимой вогулы охотятся на лосей по ту сторону Урала, гоняясь на лыжахъ. Чѣмъ глубже снѣгъ, тамъ удачнѣе охота.

Слѣдующее мѣсто послѣ охоты на лося занимаетъ охота на оленя. У оденеводовъ-вогулъ существуетъ въ высшей степени оригинальный способъ этой охоты съ помощью жоака оленя, т. е. того оленя, которымъ правятъ при ѣздѣ на нартахъ.

Осенью, въ сентябрѣ, начинается любовный періодъ оленя. Къ стаду домашнихъ оленей прибавляются и дикіе олени-самцы. Замѣтивъ дикаря, вогуль беретъ жожака и крадется, прячась за него, держа въ рукѣ короткій поводъ отъ обротки и управляя оленемъ, какъ при ѣздѣ на нартѣ. Приблизившись достаточно къ дикарю, вогуль кладетъ ружье на спину жожака и поражаетъ мѣткою пуль животное. Въ одну осень 1896 года двое братьевъ Бахтіаровыхъ убили такимъ способомъ на горѣ „Козмеръ“ девять оленей. Осенью мясо оленей жирно, шкуры прочны, а потому эта охота небезвыгодна.

Зимую вогулы охотятся за оленемъ, прячась за выступы и камни, или же подѣзжаютъ близко на нартѣ; иногда сгоняютъ его съ оголенныхъ розсыпей на снѣжный склонъ и гонятся за нимъ на лыжахъ. Особенно удачно подкарауливаютъ оленя въ бурю.

Охота на медвѣдя носитъ случайный характеръ; иногда медвѣдя убиваютъ стрѣлы, расположенныя въ проходѣ огорода для лосей.

Пушные звѣри—одно изъ главныхъ богатствъ здѣшняго края, привлекавшее сюда охотничье населеніе. Еще и теперь инородцы платятъ подать отчасти соболиными и другими шкурами. Въ большомъ количествѣ здѣсь водится куница, а бѣлка какъ сильно плодивая, въ такомъ изобиліи, что охотники убиваютъ ея за зиму нѣсколько сотъ штукъ¹⁾. Обиліе бѣлокъ связано съ уро-

1) Не могу обойти молчаніемъ разсказа Альквиста о вогульской охотѣ на бѣлокъ („О мѣстахъ жительства и образѣ жизни вогуль“, стр. 6). Онъ разсказываетъ, что охотникъ, „замѣтивъ бѣлку на деревѣ, вмѣсто того, чтобы употребить ружье, начинаетъ стучать топоромъ о дерево, на которомъ сидитъ бѣлка. Если она, перепрыгивая на другое дерево, не упадетъ на землю, охотникъ продолжаетъ преслѣдовать ее стукомъ топора до тѣхъ поръ, пока звѣрокъ не въ состояніи будетъ больше прыгать и, утомленный, сидеть. Тогда дерево срубается, и при паденіи его собака схватываетъ добычу“. Очевидно А. не понималъ въ чемъ дѣло: никогда охотникъ не утомитъ бѣлку до полнѣйшаго безсилія, скорѣе утомится самъ. А дѣло происходитъ такъ: въ густыхъ вѣтвяхъ дерева охотникъ не видитъ бѣлки; а собака лаетъ на дерево, слѣдовательно тамъ притаилась добыча. Чтобы выгнать ее изъ вѣтвей, охотникъ стучитъ по дереву обухомъ топора; бѣлка при этомъ въ большинствѣ случаевъ перепрыгиваетъ на другое дерево, и если удобно ее убить, то охотникъ кончаетъ съ ней выстрѣломъ. Бываетъ такъ, что убитая бѣлка застрянетъ въ вѣтвяхъ, тогда дерево срубается.

жаемъ кедровыхъ орѣховъ. Охота на пушныхъ звѣрой начинается по выпадкѣ перваго снѣга, когда слѣды звѣрька отпечатываются на снѣгу; по нимъ охотникъ идетъ до тѣхъ поръ, пока не отыщеть убѣжища преслѣдуемаго животнаго. Выпадка свѣжаго снѣга среди зимы всегда желательна для охотника; онъ ждетъ ея съ нетерпѣніемъ: только послѣ нея бываетъ добыча. Изъ какаповъ у вогуль мнѣ пришлось видѣть только одну западную для россомахи, настороженную на старой стоянкѣ, гдѣ всегда остается масса костей, привлекающая этого звѣря.

Живя за Ураломъ, Бахтіаровы занимаются также и рыболовствомъ. Здѣсь же имъ не хватаетъ времени на это занятіе: олени и охота отнимаютъ все свободное время. Очень рѣдко закидываютъ они свой „сырпъ“.

Сырпъ представляетъ изъ себя мѣшкообразную сѣть. При чемъ сырпъ для ловли тайменя дѣлается прочнѣе, чѣмъ сырпъ для ловли хариусовъ. Длинною сѣть дѣлается аршина 4 — 5, глубиною до 2 арш. и высотой вершковъ 10. Чтобы сѣть была не такъ замѣтна для рыбы, ее окрашиваютъ дубильнымъ веществомъ (настояемъ коры черемухи), чрезъ что она пріобрѣтаетъ темно-коричневый цвѣтъ. Сѣть прикрѣпляется къ тонкимъ шестамъ, длиною около 4 арш., которые прикрѣплены собственно къ нижней тетивѣ; благодаря этимъ палкамъ сѣть можно влечь по рѣчному дну. Къ верхней тетивѣ привязываются тонкія бичевки (симы), другой конецъ которыхъ находится въ рукахъ рыбака; по нимъ онъ узнаетъ о попавшей рыбѣ. Ловля сырпомъ производится двумя способами: или плывутъ по теченію рѣки въ двухъ лодкахъ, растягивая сѣть, для чего носы лодокъ направляютъ нѣсколько къ берегамъ, или же, замѣтивъ стаю рыбъ, двѣ лодки останавливаются, растянувъ сѣти ниже замѣченной стаи, а остальные лодки быстро кидаются впередъ и ударами шестовъ о воду пугаютъ рыбу, загоняя ее въ сѣть. Ловля сырпомъ перенята отъ вогуль русскими жителями Вишеры и Косвы, и носить у нихъ названіе „сырпать“.

X.

Слишкомъ короткій срокъ знакомства моего съ вогулами и случайныя встрѣчи не дали мнѣ возможности настолько хорошо познакомиться съ ихъ языкомъ, чтобы уловить грамматическое из-

мѣненіе словъ при построеніи фразъ. Пришлось ограничиться разспрашиваніемъ и записываніемъ отдѣльныхъ словъ, которыя ниже приведены мною.

Замѣчу о произношеніи словъ вогулами слѣдующее: произнося русскія слова, они иногда не выговариваютъ первой согласной, что свойственно, кажется, всѣмъ финскимъ народамъ. Напримѣръ: едра (кедръ), ёмка (съемка), епръ (вепрь) и т. д. Русскую согласную *x* замѣняютъ иногда согласной *k*; напр., Кырстость, козяинъ, но эта замѣна не выдѣляется такъ рѣзко, какъ у пермяковъ.

Нѣкоторыя свои родныя слова вогулы произносятъ двоякимъ образомъ: Тоорм и тором; соорб и сороб; кеерс и керес и т. д. Манчи и манси; моолча и моолся; манзинъ и маншинъ и т. п. Буква *x* въ вогульскомъ языкѣ часто произносится, какъ латинское *k*. Напримѣръ, въ словахъ: тэхом—слушай; Тайтхом—житель Сосьвы; Лоусемъхом—дозвинецъ, и во многихъ другихъ.

Считаю не лишнимъ привести здѣсь слова, даваемые *Гофманомъ* въ его знаменитомъ, къ сожалѣнію ставшемъ рѣдкостью, сочиненіи: „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай Хой“.

Ур—гора вообще.	Группа горъ, т. е. совокупность возвышенностей, принадлежащихъ къ одной системѣ и называемыхъ однимъ именемъ.
Тумп	Большая гора, отдѣленная какимъ бы то ни было образомъ отъ общаго горнаго края и оканчивающаяся вверху макушкой.
Нѣр	Гора, которой вершина или скаты покрыты иглами и утесами.
Нѣль	Гора, выдающаяся изъ горнаго хребта, выступъ, конецъ горнаго хребта.
Чахль	Остроконечная вершина горы, пикъ.
Керес	Утесистый берегъ, отвѣсный береговой утесъ.
Сори	Низкій и ровный отрогъ, соединяющій двѣ горы или вершины, горный проходъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ—долина.
Ахутас	Отторженецъ, скала, камень.
Я	Рѣка, ручей.
Шош	Небольшой ручей.
Я-тольях	Источникъ ручья.

Яхель	Порогъ.
Тур	Озеро.
Яни	Большой.
Мань	Малый.

Юрьевъ—сотрудникъ Гофмана по экспедиціи—даетъ слѣдующія слова въ своемъ „Топографическомъ описаніи Сѣвернаго Урала“:

Али	Верхній.
Ахутас	Камни.
Гѣмсен	Холмы.
Госса	Долгій, далекій, далеко.
Кельх	Болото.
Кѣрес	Каменные скалы, притесы.
Кол	Чумъ, шалашь переносный.
Лѣнг	Дорога, путь.
Лѣок	Курья, глухой заливъ.
Луѣ	Нижній.
Манзси палъ	Восточный склонъ Урала (отъ манзси — вогулы).
Мань—ус	Малый-ая-ое.
Мѣни	Отдѣльная скала, чурокъ.
Нѣль	Конецъ хребта, мысъ, носокъ, отрогъ.
Нѣр	Цѣпь горъ, каменный вряжъ, камень.
Пассель	Островъ.
Пауль	Юрта, зимнія жилища.
Соры	Долина, низменность
Сырян пал	Западный склонъ. Зырянская сторона.
Тит	Устье рѣки.
Тѣсем	Сухой.
Тумп	Отдѣльная значительная гора, если ее обходятъ вершины рѣкъ, или ограничиваютъ долины.
Турр	Озеро.
Чертѣсем урр	Линія раздѣленія водъ.
Чяхль	Сопка или вершина на хребтѣ.
Шоп	Маленькая рѣчка, ручей.
Я	Рѣка. Большая рѣка.
Яни	Большой; великій

Ятоляк   Вершина рѣки; истокъ.
Яхтель   Пороги на рѣжѣ и переборы.

Имѣ же въ его сочиненіи упоминаются:

Пассеръ-я	Р. Вишера.
Япкоанг	Р. Корысеръ.
Лу-нёр, Яхтель-я-нёр	Гора Тулымскій Камень.
Яхтель-я	Р. Лыбья (порожная).
Кассеп-нёр	Березовый Камень.
Каластали-уоль-урр	Пропашенскій Камень.
Лёягва-нёр; Чоуль-Пауль-нёр	Чувальскій Камень.

Въ „Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1874 г., въ статьѣ „Свѣдѣнія объ инородцахъ, обитающихъ въ Пермской губерніи“, на стр. 399, приведены слова:

Торм Пыл	Сынъ Божій
Торм Лили ёмас	Духъ Святой
Торм Анква	Божья Матерь
Торм коль	Церковь
Пернакум	Архіерей
Емин холас	Человѣкъ
Ам	Я
Пэг	Ты
Паух	Онъ
Ман	Мы
Нам	Вы
Ган	Они
Шам	Глаза
Тус	Ротъ
Нель	Носъ
Пэль	Уши
Нелым	Языкъ
Пэнк	Голова

Слѣдующія слова записаны мною. Я привожу здѣсь только тѣ слова, которыхъ не даетъ Сорокинъ ¹⁾, и тѣ, которыя разнятся отъ записанныхъ имъ словъ.

¹⁾ Сорокинъ. Путешествіе къ вогуламъ. На стр. 35—43 имъ перечислено около 280 словъ по своимъ и чужимъ записямъ.

Аанчук	Дѣтъ.
Аахтас	Камень.
Абль	Янца.
Аенъ	Пей.
Айяд	Рога.
Албыл	Утро.
Альнь	Лень (таймень—рыба).
Аргин	Мѣдный.
Атим	Нѣтъ.
Атэнг	Вкусный.
Атэри	Не надо.
Аулла-коль	Шесть для остова юрн-коля.
Вале	Зять.
Ввой	Сало.
Вита	Вода (по Сорокину—Уйтъ).
Воор	Лѣсъ (по Сорокину—Уоръ).
Ворчи	Бѣлый.
Воряго минѣйм	Пойду на охоту.
Выгыр	Красный.
Вырпиль	Грибъ.
Ѣмасъ	Хорошо, отлично (по Сорокину—Эмасъ).
Ѣсса	Лыжа.
Юран	Самоѣдъ.
Юрн-вай	Обувь, носимая вогулами, изъ оленьихъ шкуръ съ длинными голенищами.
Юрн-коль	Переносное жилье оленеводовъ.
Юрн-хур	Мѣшокъ изъ оленьихъ шкуръ.
Ихвэник-пиль	Грибъ, растущій на деревьяхъ.
Ихв	Растущее дерево.
Кааль	Береза (по Сорокину—Кольпъ).
Лам	Черемуха.
Лапаньды	Бабочка.
Лестан	Оселокъ.
Липій	Собака съ бѣлой шерстью.
Луз	Лузанъ. Кусокъ матеріи, служащей частью одежды.
Ма	Земля.
Мани	Сноха.

Манси	Самоназваніе вогуль.
Манси-ма	Сибирь.
Мансин	} Глухарь.
Мавшин	
Манчи	То же, что и манси.
Манч-вай	Суконные чулки.
Маныр	Чего? Что?
Маныр вары	Что хочешь дѣлать?
Минас	Ушелъ.
Мивзен	Идешь.
Мивэйм	Иду.
Мояйх	Скоро (по Сорокину—Мылихъ тыйли).
Монкля	Сова.
Муйлейбъ	Гость.
Нель	Носъ.
Нор	Срубленное дерево.
Нор-коль	Зимнее жильё вогуль, изба.
Нуми сууп	Рубаха.
Нюй	Сукно и одежда изъ сукна.
Нюли	Пихта.
Нюси	Бородатый лишайникъ на деревѣ.
Нэ	Старуха.
Нэпакъ	Бумага (по Сорокину—Нэбакъ).
Оббойка	Тестъ.
Ойка	Мужикъ, также окликъ вогула.
Ойкан	Мужской костюмъ въ видѣ кафтана (по Сорокину—Уайганъ).
Оли	Есть.
Ольн	Деньги.
Осимасусуль	Прощай.
Осягуль	Харіусъ (рыба)
Остыналауен	Кушн.
Палам	Оса.
Пал	Ухо.
Паче	Здравствуй.
Поррых	Пиканъ (растеніе изъ зонтичн.).
Порсь	Свинья.
Пос	Пятно.

Поот ¹⁾	Ясакъ, подать.
Пот	Котель.
Потатем	Стрѣляю.
Потертен	Скажи.
Пунг-ат	Волосы на головѣ.
Поутоп	Острога (по Сорокину—Поутопъ).
Пынг	Сынъ (по Сорокину—Тымъ).
Пэрна	Медаль, крестъ.
Ракт	Песокъ.
Рума	Другъ товарищъ.
Русъ	Русскій, иногда зовутъ „керсенинъ“.
Саан	Посуда изъ коры березы.
Саас	Березовая кора, береста.
Саас-нѣль	Маска изъ березовой коры.
Сака	Очень.
Сак	Бусы.
Семоль	Черный.
Сомьях	Чамья (по-вишерски); срубъ для складки мяса убиваемыхъ лосей. Обыкновенно устанавливается у охотничьихъ избъ.
Сосельн	Наливай.
Ссаих	Коса на головѣ.
Ссых	Налимъ.
Суня	Парта, сани.
Сунъ паче	Будь здоровъ! Здравствуй!
Тааль	Лиственница.
Тан	Жила.
Тауль	Шкура оленя (по Сорокину—Тоуль).
Таен	Ъшь.
Тотан	Сундукъ
Туль	Туманъ (по Сорокину—Тультъ)
Тунчанг	Арканъ для ловли оленей.
Тына-лауен	Продай.
Тына-маныр-лауен	Сколько просишь, во что цѣнишь?
Тэм	Ъмъ.

¹⁾ Поот—повидимому русское слово подать; одноименныя названія котла и подати позволяютъ догадываться, что въ былыя времена котель по стоимости равнялся ясаку, т. е. приблизительно 5 соболямъ.

Тэп	Бѣтъ.
Тэп саали	Оленій мохъ.
Тэхом!	Слушай!
Улипа	Кедръ.
Унделѣль	Садись.
Ханса	Рисунокъ вообще.
Хансимен	Пиши, запиши.
Хоон	Царь.
Хоракти	Ольха.
Хотали минэен	Куда пошелъ?
Хотан	Лобедь.
Хотел	День.
Хот ялцен	Гдѣ былъ?
Хоулим	Зола, пепелъ.
Хоуль	Рыба (по Сорокину—Кууль).
Хоут	Ёлка.
Хультеп	Выдра.
Чааним	Мать.
Чаалольн	Серебряная чарка.
Чаарч	Море.
Часегом	Бабушка.
Човаль	Каминъ вогульскій въ нор-колѣ.
Чопырр	Тетеревъ.
Эква	Баба.
Эрп	Надо.
Ягай	Сестра.
Ягбым	Братъ.
Яльбынг-коль	Часовня (по Сорокину—Гольбунголь).
Ялцем	Ходилъ.
Янг	Ледъ; бѣлый.
Страны горизонта:	
Али вот	Югъ (верхній вѣтеръ).
Люль вот	Сѣверъ (сѣверный вѣтеръ).
Саран-пал вот	Западъ (вѣтеръ съ зырянской стороны).
Холи вот	Востокъ.
Названіе урочищъ:	
Лу-нёр	Тулымскій Камень.
Лингва	Чувальскій Камень.

Сунь-я	Кутимъ рѣка.
Пурап-вѣр	Кваркушъ гора.
Хос-тумп	Өминскій Камень.
Ус	Чердынъ (и, кажется, всякій городъ).
Яльпинг-вѣр	Молебный Камень.
Япкоанг	Корыксеръ.

Вогульскій языкъ, по сообщенію Чупина ¹⁾, обладаетъ той способностью, что онъ не имѣетъ мѣстоименій, которыя замѣняются измѣненіемъ существительныхъ, чѣмъ вогульскій языкъ сходенъ съ венгерскимъ. Напримѣръ:

Лу	Лошадь.
Лум	Моя лошадь.
Лун	Твоя лошадь.
Луае	Его лошадь.
Лумен	Насъ двоихъ лошадь.

Чупинъ ²⁾ даетъ вогульскія слова:

Тусе-тун	Усы (ротовые волосы).
Уй	Волкъ.
Таулин уй	Крылатое животное (т. е. птица).
Вит уй	Водяной звѣрь, рѣчной бобръ.
Ельпинг уй	Святое животное, змѣя.
Нен уй	Матка звѣрь, медвѣдица.
Пурне уй	Кусаящій звѣрь—волкъ.
Шеш	Волкъ-же.

Списокъ вогульскихъ словъ, записанныхъ покойнымъ д-ромъ В. Н. Бензенгромъ на Московской Антропологической выставкѣ, по говору ясачнаго вогула Ивана Платоновича Соловьева, Тобольской губерніи, Березовскаго округа, съ рѣки Лозьвы, именующаго свое племя Гельмъ—Гольсъ ³⁾:

¹⁾ Чупинъ—авторъ многихъ статей о Пермскомъ краѣ, составившій между прочимъ „Обозрѣніе книгъ и статей, въ которыхъ говорится о вогуличахъ и остякахъ, въ хронологическомъ порядкѣ“.

²⁾ Пермскій край, I.

³⁾ Пользуемся случаемъ напечатать этотъ списокъ, извлеченный изъ архива Этнографическаго Отдѣла. (См. протоколъ 83-го засѣданія Этногр. Отдѣла). Ред.

Земля	Ма.	Трава	Пом.
Вода	Вит.	Человѣкъ	Гельм-гольц.
Небо	Торм.	Женщина	Неэ.
Солнце	Кѣтоль.	Отець	Аасим.
Звѣзды	Сау.	Мать	Сяаним.
Луна	Йонгоб.	Дитя	Няурм.
Заря	Постигли.	Дѣвочка	Агый.
Облака	Тулен.	Мальчикъ	Пырх.
Туча	Чохель.	Старикъ	Матам-ась.
Громъ	Чохель каърси.	Старуха	Матам-іэква.
Молнія	Саали.	Братъ	Ягбыйм, ялпых.
Дождь	Раакви, раакви.	Сестра	Ягтайм, яляг.
Снѣгъ	Туит.	Дядя	Асьпыйм.
Градъ	Аахтесен сѣхль.	Тетка	Онъгыйм.
Иней	Сопет-коль.	Кумъ	Кум (русс.).
Морозъ	Айсарм.	Свадьба	Хайта махтем.
Студено	Поллумв.	Голова	Пунг.
Жарко	Рэгн.	Волосы	Пунг, понг от.
Сыро	Вит (ср. вода).	Глаза	Самагм.
Сухо	Тоосм.	Лобъ	Вельтам.
Свѣтъ	Посэн.	Щеки	Пайтагм.
Свѣтаеть	Хѣтли.	Носъ	Ньюлом.
День	Кѣтоль (ср. солн- це.	Уши	Пайягм.
		Языкъ	Нельм.
Ночь	Эйти.	Ротъ	Суопм.
Утро	Кѣли.	Зубы	Понг.
Полдень	Котліат.	Борода	Туоспуи.
Вечеръ	Йелеидими.	Щея	Сыплеу.
Годъ	Тольитуй.	Грудь	Маглам.
Мѣсяць	Уат кѣтоль.	Брюхо	Соры.
Недѣля	Саат.	Руки	Кат.
Гора	Урр.	Ноги	Лагль.
Камень	Аахтѣз.	Ногти	Куаскѣр.
Песокъ	Сегый.	Пальцы	Туйясуль.
Глина	Раахт.	Муж. дѣтор. чл.	Войсг х.
Лѣсъ	Уиргив, уиргый.	Женск. " "	Нунь.
Дерево	Нійв.	Задница	Пуйсем.
Лука	Нюрм.	Шапка	Кэнт.

Рубаха	Суп.	Ружье	Писый.
Штаны	Майнъсуп.	Дробь	Суахняль.
Платокъ	Нунктор.	Порохъ	Сетья.
Поясъ	Уенд-ап куслих.	Свинець	Атвус.
Сапоги	Собох (съ русс.).	Кремень	Уляхтс.
Чулки	Уайя.	Лукъ	Йоут.
Обутки	Кярра.	Стрѣла	Ньяль.
Кафтавъ	Нуй.	Тетиво	Яанту.
Домъ	Куболь.	Неводъ	Толых.
Крыша	Куболь-алла.	Мрежи	Кульп.
Окно	Кенес.	Морда	Камка.
Стекло	Кумыска-кёр.	Сырпъ	Сырп.
Дверь	Ауый.	Удочка	Уандон.
Поль	Куоль-кэн.	Дорожка	Касека.
Столъ	Паазен.	Нарты	Суп.
Скамейка	Уунтангив.	Шестъ	Нарпив.
Порогъ	Аунгап.	Лодка	Кан.
Огородъ	Сэти.	Весло	Туон.
Огонь	Уля.	Тиска	Кольсаас.
Дрова	Ульив.	Желѣзо	Кэр.
Уголья	Лотох.	Мѣдь	Аргин.
Топоръ	Саурп.	Серебро	Сяаль.
Ножъ	Касей.	Золото	Соорна.
Пила	Сартнакёр.	Сосна	Тары.
Ложка	Коп.	Ель	Коут.
Чашка	Ани.	Лиственница	Пах.
Соль	Сольуоль.	Пихта	Нюли.
Хлѣбъ	Нянь.	Береза	Кай.
Каша	Саламт.	Осина	Капха.
Масло	Сайуой.	Ольха	Корохта.
Мясо	Неуыль.	Черемуха	Ямьив.
Молоко	Сяхвулт.	Тальникъ	Тып.
Водка	Орох;	Жимолость	Мехпыльив.
Крупа	Сырген.	Орѣхи	Пааксам.
Горохъ	Нурсях.	Малина	Омесь.
Мука	Голос.	Смородина	Созь.
Щи	Немат.	Крас. смород.	Вырпиль.
Яйца	Монгый.	Клюква	Морех.

Брусника	Сууйшилъ.	Ястребъ	Карпхон.
Черника	Сауни.	Воронъ	Кулах.
Голубика	Тахтыль.	Ворона	Урынеква.
Грибы	Лахс.	Лебедь	Хотын.
Мохъ	Хасли.	Коршунъ	Коральми-уй.
Шашка	Пак.	Гусь	Нунт.
Рыба	Холь, коль, хуль.	Утка	Вас.
Язь	Хуйем-хуль,	Чайка	Калливью.
Окунь	Сыпри.	Рыболовъ	Кольняунт.
Щука	Сорт.	Рябчикъ	Кисуп.
Линь	Ольм.	Глухарь	Маньсин.
Карась	Тор-хуль.	Пеструха	Сёгор.
Нельма	Ус.	Косачъ	Яттры.
Ершъ	Тарко.	Куропатка	Ангка.
Сельдь	Ме-уль.	Бекасъ	Сюльзи.
Хариузь	Освя-хуль.	Журавль	Тары.
Палимъ	Сый.	Синица	Ворзих.
Голецъ	Манья-уль.	Бѣлый	Вяйкэн.
Осетръ	Субы.	Черный	Семль.
Икра	Порр.	Зеленый	Кассым.
Медвѣдь	Торыв.	Красный	Выр.
Волкъ	Уй.	(Не могъ назвать ни голубого, ни желтаго, а также слова: „двѣ-токъ“).	
Лисица	Охсяр.	Много	Сау.
Россомоха	Тульмах.	Мало	Мосьця.
Выдра	Хультеп.	Ничего	Немотра-анем.
Рысь	Рась.	Больше	Яных, сау-майен
Соболь	Нѣхус.	Сколько	Мансамит эльм.
Бѣлка	Лени.	Когда	Коунъ-йохтейм.
Горностаѣ	Сёользи.	Гдѣ	Коот-ольсен.
Бурундукъ	Койсер.	Бѣсть хочу	Тенгуа танкгейм.
Лось	Шор.	Пять хочу	Витаимка танггейм.
Олень	Саали.	Спать	Куй егм.
Лошадь	Луу.	Курить	Конгса хартейм.
Быкъ	Мыс-хоп.	Жевать	Тоутла хтейм.
Корова	Мыл.	Кусать	Таумильм.
Овца	Пайя.		
Свинья	Порось.		
Орель	Йоусеуй.		

Пюхать	Сар хартым.	Шить	Йоунтегм.
Табакъ	Сарр.	Иголка	Йоунтоп.
Ходить	Ямегм.	Нитка	Сээтап.
Вздить	Ямсегм.	Мыло	Мойтах.
Вхаль	Менегм.	Ведро	Петр.
Молиться	Торм госсейм.	Вѣникъ	Пених.
Плакать	Іуонь-си.	Печка	Куур.
Смѣяться	Молнти тегм.	Варить	Ньюльпейти.
Радоваться	Сяагты.	Бѣсть	Ньюльтегм.
Плясать	Йекузгм.	Богатый	Поум.
Пѣть	Йергейм.	Бѣдный	Нюса.
Стрѣлять, изъ лука	Пааталегм, па- ахтегм.	Крестный отецъ	Пернем ягм.
Удить	Унтоглегм.	Креститься	Перпантуль, лу- огм.
Бить	Раатегм.	Бумага	Непх.
Рѣзать	Яхтегм.	Писать	Хансейм.

XI.

Религіозный міръ вогула—самый трудный вопросъ для изслѣдователя. Вогулы скрываютъ свои религіозныя воззрѣнія и на всякій вопросъ на эту тему отвѣчаютъ „не знаю“, и дѣлаютъ видъ, что они васъ не понимаютъ. Только въ минуту откровенности, которая въ большинствѣ случаевъ является подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, вогулъ выскажетъ болѣе того, чѣмъ онъ желалъ бы высказать.

Моя работа въ этомъ отношеніи слишкомъ не полна, но она облегчитъ задачу послѣдующимъ изслѣдователямъ, располагающимъ средствами и болѣе свободнымъ временемъ. Надо отдать справедливость, что наша литература слишкомъ бѣдна по изслѣдованіямъ духовнаго быта этого народа, и о религіи ихъ не имѣется даже смутнаго представленія.

Если нѣкоторые писатели и упоминаютъ о предметѣ поклоненія вогуль, кромѣ Тоорма, то называютъ его почему-то татарскимъ именемъ „Шайтанъ“, а составитель каталога Уральскаго Общ. любит. естествознанія въ Екатеринбургѣ ухитрился даже окрестить вогульскаго идола Шаманомъ ¹⁾. Русскіе, сосѣди вогуль,

¹⁾ Каталогъ Ур. Об. люб., ест. въ Екатеринбургѣ, II, стр. 11. 1889 г. Повторено и въ каталогѣ 1898 г.

называютъ вогульскія божества также шайтаномъ, поэтому названія рѣчекъ Шайтанокъ и горы этого имени указываютъ на то, что въ этихъ мѣстахъ въ былыя времена происходили вогульскія молебствія. На это указывалъ еще Палласъ ¹⁾ (1770): „Въ сей части Сибири (около Лобвы) много ручьевъ, горъ и урочищъ, извѣстныхъ подъ именемъ Шайтанка или Шайтанская, понеже тамо вогульцы идолопоклонствовали, и идолы ихъ отъ росіанъ общимъ нарѣчіемъ „Шайтанъ“ назывались“.

Рельефное подтвержденіе сказаннаго мы видимъ въ названіи вогульского поселка на Сосывѣ—Яльпинг-нѣль-пауль“, въ букввальномъ переводѣ „деревня Молебный Мыс“, который русскими зовется „Юрты Шайтанскія“. Такимъ-же образомъ переводится однозначущее названіе рѣчушки около этого поселенія. Въ настоящій моментъ официально всѣ вогулы числятся христіанами. Чердынскіе вогулы были послѣдними, принявшими христіанство; въ то время, когда ихъ родичи Лозвинскіе вогулы были окрещены (1818 г.), чердынскіе оставались язычниками. Постоянныя сношенія между тѣми и другими вліяли дурно на новокрещенцевъ. Въ 1851 году неутомимый проповѣдникъ христіанства священникъ Верхпелымской волости, Михайль Степановъ, путешествовавшій съ проповѣдью на лыжахъ по самымъ отдаленнымъ вогульскимъ поселкамъ и истребившій въ эти путешествія до 75 языческихъ кумирницъ, донесъ тобольскому митрополиту Сильвестру, что „къ новокрещеннымъ лозвинскимъ вогуличамъ повсягдно прѣзжаютъ чердынскіе некрещенные вогуличи, овы для покупки хлѣба, а другіе для свойства, и уповательно,—прибавляя при этомъ Степановъ,—чтобы отъ оныхъ некрещенныхъ вогуличъ и не воспослѣдовало къ новокрещеннымъ какого отъ христіанской вѣры отвращенія“ ²⁾.

Въ маѣ того-же года Антоніемъ, епископомъ Вятскимъ (въ то время Чердынь состояла въ вѣдѣніи Вятской епархіи), для мисіонерской дѣятельности между вогулами назначенъ былъ игуменъ Чердынскаго Богословскаго монастыря Іовъ, который взялъ въ помощники священника Федосѣева. Вогулы были собраны въ де-

¹⁾ Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россіи. Госуд. II. С. Палласа, ч. II, стр. 332, 1876 г.

²⁾ Нокровскій. Крещеніе Чердынскихъ вогуличей. Пермскія Епархіальныя Вѣдом. 1868 г. № 43.

ревню Сыпучую на Вишерѣ, гдѣ была въ то время часовня, и изъявили готовность креститься. Всего крестилось 76 мужчинъ и 46 женщинъ. Крестившіеся вогулы были награждены, какъ полагалось тогда, за принятіе христіанства, и на три года освобожжены отъ подушныхъ и другихъ сборовъ.

Изъ донесенія Іова Вятской консисторіи 1859 г. видно, что не все вогулы были крещены, а нѣкоторая часть осталась не крещеною, на что указываютъ слова: „въ невѣрствіи осталось напримѣръ съ треть.“

Если принять во вниманіе слишкомъ низкій уровень развитія этого народа, то легко понять, что христіанство не могло приняться къ нему. Вогулы исполняютъ нѣкоторые требуемые отъ нихъ обряды, но остаются прежними идолопоклонниками; завѣты отцовъ живы среди нихъ и свято чтутся ими, чему не мало способствуетъ ихъ изолированность, сохранившійся родной языкъ и подчасъ невысокое развитіе и плохое образованіе священниковъ, назначаемыхъ на окраины.

Вѣрованія вогуль въ настоящее время сводятся къ слѣдующему:

Высшее ихъ божество носитъ имя *Тоормъ*—„Бѣлый богъ“, представленіе о которомъ смѣшалось съ представленіемъ о христіанскомъ Богѣ. Тоормъ, или Торомъ, въ вогульскомъ нарѣчій означаетъ также и небо, которое, по всей вѣроятности, и служило первоначально предметомъ поклоненія этого народа. Представленіе о христіанскомъ Богѣ, высказанное мнѣ Еремѣемъ Бахтіаровымъ, не идетъ далѣе того, что Тоормъ на небѣ; у него три сына: Кырстосъ, Микалай и Иля; ему хорошо молиться.

На землѣ, повидимому, Тоорма замѣщаетъ *Пубыхъ*—божество довольно доброе, спасающее людей отъ болѣзни.

У всякаго вогула имѣется особый сундучекъ, въ которомъ хранятся наипѣннѣйшія шкурки соболя, куницы, выдры и т. д. Къ шеѣ каждой привязаны платки со ввязанными кольцами и серебряными деньгами, надѣты цвѣтные пиджаки, на голову шапка или фуражка, привязанная платкомъ для того, чтобы не слѣзала съ головы. Видъ подобной разодртой шкурки является довольно курьезнымъ. Шкурки эти представляютъ изъ себя Пубыха.

Однажды мнѣ удалось видѣть молитву этому божеству. Степанъ вернулся изъ-за Урала на Чувальскій Камень. Вечеромъ того же дня онъ, сынъ Еремѣй и зять И. В. Досмановъ, захвативъ

съ собою четверть водки и нѣсколько саановъ со съѣстнымъ, вышли изъ юри-коля и отправились къ стоявшей въ отдаленіи нартѣ съ Пубыхомъ. Четверть была торжественно водружена на ящикъ, тутъ-же были поставлены и сааны. Ставъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нарты, лицомъ къ югу, они слегка наклоняли корпусъ и возводили къ небу глаза. Они благодарили божество за благополучное возвращеніе главы семейства. Минута была торжественная, чему немало способствовала окружающая обстановка. Словъ никакихъ не было слышно; кажется, они ихъ не произносили.

Однажды при распросахъ Еремѣй мнѣ сказалъ, что Кырстось—Пубыхъ и Микалай—Пубыхъ.

Далѣе въ миеологіи вогуль слѣдуетъ также доброе божество *Чохрынъ-ойка*, загоняющее потерявшихся оленей, останавливающее течь въ лодкѣ и т. д. Божество это, какъ и всѣ остальные, не равнодушно къ водкѣ; повидимому, оно можетъ превращаться въ предметы. Такъ, на примѣръ, мнѣ пришлось видѣть у своихъ знакомыхъ узкій ножъ, обмотанный цвѣтнымъ шнуркомъ, — это Чохрынъ-ойка. Отправляясь на поиски потерявшихся оленей, вогуль беретъ съ собою этотъ талисманъ. Еслибъ въ лодкѣ появилась течь, то достаточно воткнуть этотъ ножъ, чтобы течь прекратилась. Здѣсь я долженъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что къ имени Чохрынъ добавлено слово ойка, которое въ переводѣ означаетъ мужчина: слѣдовательно, въ миеологіи вогуль существуютъ божества того и другого пола. Полъ Чохрынъ-ойка отмѣченъ и на отлитомъ изображеніи его, какъ это можно видѣть изъ рисунка, помѣщеннаго у Сорокина ¹⁾. Это важно въ томъ отношеніи, что при раскопкахъ такъ называемыхъ чудскихъ городищъ Чердынскаго, Соликамскаго, Пермскаго уѣздовъ, а отчасти въ Вятской и Вологодской губерніяхъ находимыя мѣдныя изображенія людей отлиты съ указаніемъ пола ²⁾.

Подробное описаніе Чохрынъ-ойка сдѣлано у К. И. Носилова въ его статьѣ: „У шайтана“ ³⁾.

Носиловъ познакомился съ этимъ божествомъ на берегу озера

¹⁾ Идолъ, отлитый изъ металла, съ двумя головами. Бахтіаровы по рисунку признали въ немъ Чохрынъ-ойка.

²⁾ „Путешествіе къ вогуламъ“, прил., табл. V, № 1.

³⁾ Новое Время 1897, №№ 7597 и 7604. Жаль, что статья носитъ слишкомъ безлестриятийскій характеръ.

Ельбонь-Туръ (въ переводѣ: Святое озеро), по ту сторону Урала, у старика Сопра, который, по словамъ Носилова, былъ шаманомъ и хранителемъ идола Чохрынъ-ойка. Отъ этого старика онъ узналъ интересныя подробности о божествѣ. Оказалось, что у него между богами были родственники и сваты, превратившіеся въ настоящее время то въ горы, то въ пики горъ, то улетѣвшіе со скучной земли на небо. Самъ Чохрынъ-ойка не то поднялся къ главному божеству Тоорму, не то умеръ и витаетъ только духомъ. Носиллову посчастливилось даже присутствовать при жертвоприношеніи ему и увидѣть идола, находящагося по близости этихъ мѣстъ, сохраняемаго въ особомъ амбарчикѣ. Идолъ представлялъ изъ себя грубой работы чурбанъ съ оловянными глазами, одѣтый въ мѣха, обмотанный шарфами и опоясками, и съ тремя остроконечными шапками на головѣ изъ чернаго, краснаго и сянго сукна. Въ одеждѣ оказалась масса серебра—монеты и старинныя чашечки. Кругомъ идола стояли деревянныя позолоченныя чашки, наполненныя кривделами, пряниками и прочей съѣдобой, уже заплѣсневѣвшей—приношеніе поклонниковъ. По словамъ автора Чохрынъ-ойкѣ приносятся общественныя жертвы черезъ три, семь и двѣнадцать лѣтъ—священныя числа. Тогда собираются не только окрестныя вогулы, но даже пріѣзжаютъ самоѣды изъ отдаленныхъ мѣстъ. Кромѣ приношенія жертвъ божеству, по словамъ того же автора, у вогуль существуетъ еще обычай вырѣзать его изображеніе на стволахъ деревьевъ, то въ видѣ головы съ остроконечною шапкой, то въ видѣ такой же головы съ четырьмя глазами, двумя носами, то еще съ прибавленіемъ ногъ и рукъ въ видѣ бороздокъ¹⁾.

Это сообщеніе даетъ отчасти право предположить, что фигуры на Писанномъ Камнѣ и на Моховомъ по Вишерѣ нанесены вогулами, хотя вогулы при разпросѣ о нихъ отзываются невѣдѣніемъ. Писанный Камень упоминается еще въ XVII вѣкѣ. Въ нижней его части, которая носитъ названіе Бѣлоусовскаго камня, имѣются двѣ интересныя пещеры, одна съ высокимъ входомъ, въ видѣ готической арки, другая съ занесеннымъ пескомъ входомъ, но длиною около тридцати сажень, при чемъ въ концѣ ея пустота представляетъ какъ бы комнату съ куполообразнымъ сводомъ довольно

¹⁾ Желających подробно ознакомиться съ Чохрынъ-ойка отсылаемъ къ статьѣ г. Носилова.

солидныхъ размѣровъ. Пещеры заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны изслѣдователей.

Божество зла представляетъ собою *Мэнкэ* ¹⁾, предъ которымъ также нужно завскивать, чтобы быть здоровымъ. Это божество изображается иногда въ видѣ деревяннаго идола *Ихэмэнкэ* — соотвѣтствуетъ зырянскому Болбану и самоѣдскому Варцапу.

Заимствуя отъ самоѣдовъ оленеводство, жилие (іорн-коль), одежду (іорн-вай) и т. д., вогуль не могъ не заимствовать отчасти и религиозныхъ представленій, по крайней мѣрѣ о тѣхъ божествахъ, которыя близко стоятъ къ оленеводству. Доказательствомъ этому можетъ служить общее поклоненіе вогуль и самоѣдовъ Чохрынъ-ойгѣ. Кроме того у самоѣдовъ, какъ извѣстно, существуютъ „Хеги“ (домашніе боги) двухъ родовъ, искусственные и естественные. Первые дѣлаются самими самоѣдами; вторые представляли изъ себя куски дерева и камня, находимые въ тундрѣ, обвѣшиваемые пѣвными доскутьями. Въ былыя времена были также Хеги, принадлежавшіе цѣлому народу, и состоявшіе обыкновенно изъ скалъ и камней, похожихъ фигуροю на человѣка ²⁾.

То-же самое мы видимъ и у вогуль. Нашедши камень, напоминающій человѣческую голову съ шей, вогуль надѣваетъ на него рубашки и ставитъ на площадку горы. Однимъ изъ служащихъ принсковъ была увезена подобная голова съ Молебнаго камня, на шею которой въ числѣ рубашекъ была надѣта сорочка. Голова представляла валунъ хлоритоваго сланца кварца и принадлежала одному изъ членовъ семьи Бахтіаровыхъ. Во избѣжаніе столкновеній голову пришлось вернуть обратно.

Проводникъ священника Аван. Позднякова ³⁾, открылъ ему, что у нихъ въ вершинѣ рѣки Лозьвы, въ лѣсу, есть сохатый окаменѣлый звѣрь (лось), которому они въ извѣстное время поклоняются, прося его, чтобы онъ посылалъ больше звѣря, но поклоненіе совершаютъ не какъ богу, а какъ ангелу, принявшему на себя видъ звѣря. На вопросъ священника, гдѣ и какъ они достали его, онъ отвѣтилъ, что предки ихъ очень давно нашли его, и что

¹⁾ Не одно-ли это божество съ Мейкомъ, упоминаемымъ Гр. Новицкимъ въ его сочиненіи „Описаніе о народѣ остяцкомъ“?

²⁾ *Эмелъардтъ*. Русскій Сѣверъ.

³⁾ Епархіальныя Вѣдомости 1876, стр. 414. Путешествіе священника къ вогулячамъ и остякамъ, обитающимъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ.

отъ этого звѣря есть слѣды, которые и сейчасъ указываютъ, гдѣ онъ ходилъ. Весьма можетъ быть, что упоминаемый лось играетъ одинаковую роль съ каменными головами.

Вслушиваясь въ вогульскія названія горъ Урала и пиковъ горъ, можно думать, что горы играютъ такую же роль въ вѣрованіяхъ вогула, какую у самоѣдовъ общественные Хеги. Напримѣръ, имена: „Нэ Пубы нѣр“—Пубыхъ старухи; „Нор-ойка“—деревянный мужикъ; „Яльпинг-нѣр“—Молобный камень, и т. д.

По представленію вогуль вершины нѣкоторыхъ горъ представляютъ: „такое дикое мѣсто, что если тамъ ударить топоромъ по палкѣ (дереву?), то изъ нея потечетъ кровь.¹⁾ Когда богъ садилъ людей, то и указалъ такія мѣста, поставивъ стеречь ихъ Мэнква“ (должно быть находимые камни въ видѣ человѣческой головы)²⁾. Изъ вогуль никто не долженъ ходить туда въ невазначенное время подѣ страхомъ смерти. Въ Чердынскомъ Уралѣ имѣется двѣ подобныхъ горы: Молебный к. и Сольвинскій въ верховьяхъ р. Кутима.

„Дикое мѣсто“, играетъ у вогуль роль живого существа. Такъ, въ случаѣ неудачи, они говорятъ, что „дикое мѣсто сердится: нужно закопать въ землю серебряную монету, чтобы умлостивить его“. То-же самое слѣдуетъ продѣлать, чтобы быть здоровымъ. Въ извѣстное время года вогулы съѣзжаются на Молебный камень для общественныхъ жертвоприношеній.

Въ сѣверномъ Уралѣ есть три горы, носящихъ названіе Молебный камень или Яльпинг-нѣръ. Одинъ, частію въ предѣлахъ Чердынскаго уѣзда, составляетъ водораздѣлъ между притоками Вишеры и Лозьвы, приблизительно подѣ 61° 20' с. ш.; почти двумя градусами сѣвернѣе его на восточномъ склонѣ Урала вторая гора этого же имени Госса-Яльпинг-нѣръ. Между этими двумя, также на восточномъ склонѣ, приблизительно подѣ 63° с. ш. Нямс-Яльпинг-нѣръ, съ котораго берутъ начало притоки Сосьвы.

Первое извѣстіе о вогульскихъ жертвоприношеніяхъ даетъ Избрандсонъ, проѣзжавшій мимо Чусовскихъ вогуль въ 1692 г. посланникомъ въ Китай. Вотъ его слова: „Вогуличи родомъ крѣп-

¹⁾ Не сложилось-ли это повѣрье подѣ влияніемъ того, что снѣгъ на вершинахъ нѣкоторыхъ горъ подобно Альпійскимъ горамъ окрашивается въ кровавую цвѣтъ отъ присутствія *protosoccus nivalis*. Ковальскій наблюдалъ окрашиваніе снѣга на Яльпинг-нѣръ.

²⁾ Мэнква происходитъ, кажется, отъ Мэнки зѣва (жащина).

ніе и главу имѣють широкую; вѣра ихъ состоитъ въ жертвѣ, которую они на всякій годъ однажды приносятъ такимъ порядкомъ: они пойдутъ собравшись въ лѣсъ, гдѣ они быють разные звѣри, изъ которыхъ однако же по ихъ обычаю лошадь и козелъ пѣгій за превосходные почитаются; они сдерутъ съ той скотины кожу, и, падая лицомъ на землю, имъ молятся“...

Въ 1773 году вогульскую деревню Копчикъ (на Чусовой же) посѣтилъ извѣстный путешественникъ Георги. Въ это время Чусовскіе вогулы числились уже христіанами, но у нихъ во всей силѣ сохранились обряды жертвоприношеній, которые и описаны подробно этимъ путешественникомъ.

Спустя сто лѣтъ съ того времени экспедиція, снаряженная Казанскимъ университетомъ, застала Чусовскихъ вогуль уже вполнѣ обрусѣвшими, забывшими совершенно свой родной языкъ и языческіе обряды.

У дикихъ вогуль жертвоприношенія и до нашихъ дней играютъ видную роль. Въ жертву, обыкновенно, приносятъ лошадь или оленя, хотя, какъ мнѣ говорили Бахтіаровы, въ жертву можно приносить и другихъ животныхъ. По ихъ словамъ, они празднуютъ три или четыре праздника въ годъ, въ дни которыхъ колютъ оленей. Одинъ изъ праздниковъ совпадаетъ съ Ильинымъ днемъ, послѣ котораго несѣденное мясо оленей вывозится въ деревню Усть-Улъ для продажи.

Жертвы приносятся и при случайныхъ моленіяхъ. Каждую осень Бахтіаровы покупаютъ лошадь или жеребенка, платя порядочныя деньги, и отводятъ ее на Вижай, гдѣ она приносится въ жертву. Мнѣ передавали, будто бы эта лошадь закалывается на могилѣ отца Степана.

При приношеніи жертвы Тоорму—бѣлому богу—животное выбирается бѣлой масти, а изъ деревьевъ необходимыхъ при жертвоприношеніи—береза, какъ имѣющая бѣлый цвѣтъ коры.

Здѣсь мы имѣемъ интересное объясненіе культа деревьевъ, принявшее христіанскую подкладку. Вогуль объяснилъ мнѣ, что береза—нога Кырста, елка—Микалая; поэтому ихмѣнка можно сдѣлать изъ кедр, но ни въ коемъ случаѣ изъ березы или елки. Легко догадаться, что первоначально вогуль считалъ небо божествомъ, а березу его ногою.

Жертвоприношеніе оленей Чахрынъ-ойкѣ описано въ упомя-

нutoй статьѣ Цосилова: „У шайтана“. Мнѣ лично, при всемъ моемъ желаніи, не удалось ни разу присутствовать при этомъ обрядѣ. Мой помощникъ по службѣ, вѣкто С., случайно попалъ на жертвоприношеніе вогуль на Чувальскомъ камнѣ (2 августа 1897 г.). Поводомъ къ жертвоприношенію, кажется, послужило ненастное лѣто этого года. Въ жертву приносились олени.

У нарты съ Пубыхомъ была воткнута березка, къ вѣтвямъ которой были привязаны два платка со ввязанными въ углахъ серебряными деньгами. На сундукѣ были поставлены двѣ бутылки водки и въ берестяныхъ коробкахъ крендели. Жертва приносилась „бѣлому богу“, поэтому-то у нарты стояла береза, и олень былъ выбранъ бѣлый. Къ березѣ или нартѣ (С. хорошо не помнитъ) былъ привязанъ арканъ: за него держались всѣ шесть человекъ мужчинъ и кланялись на югъ. Послѣ поклоновъ послѣдовало шесть протяжныхъ криковъ, за ними шесть поклоновъ съ произношеніемъ словъ и опять три раза крикъ; въ это время работникъ зажечь заранѣе приготовленный костеръ изъ сучьевъ у лежавшей ели, взялся за конецъ аркана—всѣ встали на колѣни и, поднявъ голову вверхъ, какъ бы цѣловали воздухъ, затѣмъ кланялись въ землю. Еремѣй взялъ топоръ, ударилъ по темени привязаннаго къ нартѣ бѣлаго оленя и вслѣдъ за этимъ вонзилъ ножъ въ сердце. Сейчасъ же были заколоты и другіе олени. Кромѣ упомянутаго костра, горѣлъ другой еще костеръ изъ сучьевъ; на первомъ варили мясо, второй, очевидно, предназначался для другой цѣли. Къ сожалѣнію, конца обряда С. не дождался ¹⁾.

При совершеніи религіозныхъ обрядовъ вогулами употребляются металлическія фигурки лошади. Одинъ изъ Бахтіаровыхъ просилъ меня привезти ему оловянную или вообще металлическую статуэтку лошади, говоря, что она имъ необходима для моленій. Болѣе подробнаго назначенія ея мнѣ узнать не удалось.

Интересно, что въ Чаньвенской пещерѣ Сергѣевымъ найдена была литая фигурка лошади изъ серебристаго состава—быть-можетъ оловянная. Въ Чудскихъ ямахъ близъ гор. Вельска Вологодской губерніи встрѣчаются „мѣдные коньки“ ²⁾.

¹⁾ Въ № 42 „Нивы“ за 1896 г. помѣщенъ рисунокъ принесенія оленя въ жертву.

²⁾ К. А. Поповъ. Зыряне и зырянскій край. М. 1874 г. (Извѣстія И. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр., т. XIII в. 2).

Къ религіознымъ обрядамъ относятся также маскированіе и пляска вогуль по убитіи медвѣдя. Мнѣ не пришлось видѣть са-мого обряда, но знаю о немъ изъ слѣдующаго случая. Однажды я сидѣлъ въ юрн-колѣ и разговаривалъ со Степаномъ. Входитъ туда выпившій Василій Бахтіаровъ, одѣтый въ порху и замаски-рованный въ маску изъ березовой коры съ громаднѣйшимъ носомъ саас-нель (берестянный носъ) и начинаетъ измѣненнымъ голосомъ шутить съ присутствующими. Не преминувъ выпросить нѣсколько чарокъ вина, онъ, припрыгивая на согнутыхъ колѣняхъ удалился изъ колы при общемъ смѣхѣ вогуль. Затѣмъ маску надѣла его сестра и начала плясать. Пляска вогуль довольно своеобразна: она состоитъ изъ порывистыхъ движеній съ выкрикиваніемъ словъ и выбрасыванія рукъ впередъ въ тактъ съ вывернутыми ладо-нями ¹⁾. Она напоминаетъ гимнастическое упражненіе. Вогулы объяснили мнѣ, что они маскируются и пляшутъ, когда убьютъ медвѣдя—таксава ихъ вѣра ²⁾. При этомъ обрядѣ употребляется инструментъ „сангульи“, описанный Сорокинымъ подъ именемъ шангура.

Относительно вогульскихъ шамановъ, при всемъ моемъ стараніи, мнѣ ничего узнать не удалось, весьма можетъ-быть, что они у нихъ носятъ собственное вогульское имя.

Также не удалось мнѣ собрать отъ вогуль какихъ либо свѣдѣній относительно культа умершихъ. По разсказамъ вишерца Зырянова—проводника геолога Федорова—за Ураломъ, при впаденіи рѣчки Коль въ р. Тошемку (притокъ Вижая) находится вогульскій могильникъ. По его словамъ, вогулы хоронятъ умершихъ поверхъ земли въ деревянныхъ прямоугольныхъ срубкахъ „сомьяхъ“, какіе обыкновенно устраиваются при каждой охотничьей избѣ для храненія мяса убиваемыхъ лосей, причеиъ тѣло обернуто въ березовую кору и обращено головою на сѣверъ. вмѣстѣ съ умершимъ кладутся его домашнія вещи. Повидимому, способъ погребенія тотъ же, что и у самоѣдовъ. Это показаніе Зырянова про-

¹⁾ Въ № 8 журнала „Природа и люди“ за 1896—97 годъ помѣщенъ рисунокъ, изображающій танецъ вогуль. Рабо ошибочно назвалъ ихъ остяками, такъ какъ онъ былъ въ вогульскомъ паулѣ Шерья (Ляпцанскихъ остяковъ)

²⁾ О культѣ медвѣдя у вогуль см. статью *Н. Л. Гондатти* въ VIII т. „Трудовъ Этнографич. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.“, а также статью *Н. Н. Харулина* „Медвѣжья присяга“ въ „Этногр. Обзорѣни“ за 1899 годъ. *Ред.*

творѣчиво съ мнѣніемъ изслѣдователей вогуль, которые утверждаютъ, что у вогуль нѣтъ кладбищъ, и что они хоронятъ своихъ умершихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застигнетъ смерть. По рассказамъ другихъ лицъ, Степанъ Бахтіаровъ ежегодно справляетъ тризну, закалывая лошадь на могилѣ своего отца Кирилла, который схороненъ гдѣ-то по Тошемѣ, весьма можетъ - быть на вышеупомянутомъ кладбищѣ.

З а к л ю ч е н і е.

Знакомство и сношенія русскихъ съ сѣверо-восточными инородцами—вогулами, остяками и самоѣдами—началось въ отдаленныя отъ насъ времена.

Уже въ XI вѣкѣ, какъ повѣствуютъ лѣтописи, новгородцы ходили на притоки Печеры и за Уралъ, гдѣ вымѣнивали у кочевниковъ на желѣзо дорогіе мѣха. Колонизація русскихъ въ Прикамскій край началась въ IV вѣкѣ и приняла прочную основу съ перенесеніемъ Строгановыми солеваренія на рр. Чусовую и Каму. По заявленію Строгановыхъ, испрашиваемыя ими для заселенія земли по Камѣ были въ то время пустопорожними, хотя можно считать доказаннымъ, что въ это время въ краѣ были инородческія и отчасти и русскія поселенія. Вопросъ о томъ, кто были аборигены Прикамскаго края (сѣверной части), кто населялъ этотъ богатый дичью, звѣрями и рыбными ловлями край до появленія въ немъ русскаго элемента, остается и до сихъ поръ загадкою.

Исчезнушіе аборигены нынѣшними русскими обитателями объединяются въ общемъ названіи—„Чудь“, которая, по легендамъ, съ появленіемъ въ краѣ русскихъ, уходила въ ямы, подпиливала столбы, поддерживающіе землю, и такимъ образомъ сама себя погребала. Изслѣдователи Пермскаго края видятъ въ Чуди—одни предковъ нынѣшнихъ пермяковъ (коми), другіе—предковъ вогуль, и наконецъ третьи—предковъ того и другого народа вмѣстѣ.

Само названіе Чудь мало способствуетъ вырѣшенію даннаго вопроса. За этимъ словомъ признается почему-то русскій корень—„чуждый“, „чужой“, хотя это слово скорѣе принадлежитъ языку одного изъ народовъ финскаго племени. Такъ, на языкѣ лопарей

слово *čud*—чудь ¹⁾ означаетъ разбойникъ; оно примѣнялось къ народамъ, грабившимъ ихъ. У этого народа существуетъ масса легендъ относительно Чуди, и даже теперь во всякомъ грозномъ проявленіи стихій лопарь видитъ исчезнувшую Чудь... Это слово существуетъ, кажется, и въ языкѣ самоѣдовъ.

Отъ исчезнувшихъ аборигеновъ сѣверной части Пермскаго края осталась масса вещественныхъ памятниковъ въ видѣ костяныхъ, бронзовыхъ и каменныхъ орудій, литыхъ изображеній людей и животныхъ (чудскихъ образковъ), птицъ и гадовъ, бусъ и массы глиняныхъ черепковъ посуды; находимыхъ въ мѣстахъ былого поселенія ихъ—такъ называемыхъ чудскихъ селищахъ и городищахъ. Подобныя находки одного и того же типа захватываютъ также часть Вятской и Вологодской губерній. По этимъ находкамъ, о назначеніи которыхъ въ домашнемъ обиходѣ Чуди можно догадываться, является возможность возстановить отчасти незатѣйливый бытъ ихъ хозяевъ. Пробѣгая предложенный очеркъ религіознаго быта вогуль, нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ вогуль и того народа, отъ котораго въ наслѣдіе намъ остались городища и селища.

Находимыя при раскопкахъ металлическія изображенія людей, по большей части съ указаніемъ пола, представляютъ изъ себя идоловъ. Подобное же изображеніе съ показаніемъ пола мужчины имѣется и у вогульскаго народа—Чохривъ-ойка. Само слово ойка указываетъ на мужчину. Фигуры лошади, употребляемыя вогулами при моленіяхъ, также часто встрѣчаются въ „чудскихъ ямахъ и городищахъ“. Чудскія отливки животныхъ, лисицы, соболя и т. п., напоминаютъ вогульскаго „Пубыха“, который является покрытымъ шкурами этихъ звѣрковъ. Что подобныя отливки существовали ранѣе у вогуль, доказываетъ тотъ фактъ, что при находкѣ подобныхъ литыхъ изображеній въ Вологодской губерніи зыряне объяснили губерн. Мигунову, что эти вещи отливались вогулами для принесенія въ жертву богамъ. Часто встрѣчаемое при раскопкахъ изображеніе какого-то животнаго, названнаго Теплоуховымъ „чудскимъ ящеромъ“, весьма сходно съ добытымъ Сорокинымъ вогульскимъ отливкомъ животнаго, котораго Бахтіаровы назвали мнѣ хультеп'омъ, т. е. выдрю. Весьма можетъ быть, что чуд-

¹⁾ *Островскій*. „Лопари и ихъ преданія“. Извѣстія. Импер. Рус. Географическ. Общ., т. XXV, стр. 321.

скій ящеръ долженъ изображать изъ себя или выдру или бобра ¹⁾, такъ какъ очевидно, что изображаемое животное обладало одинаковою способностью движенія по сушѣ и въ водѣ. Часто встрѣчаемая между чудскими находками фигура медвѣдя даетъ право вывести заключеніе, что этотъ почтенный звѣрь игралъ видную роль у чудскаго племени, весьма можетъ быть такую же, какъ у вогуль и остяковъ. Небольшія глиняныя чашечки и глиняная посуда, черепки которой попадаютъ въ большомъ количествѣ въ мѣстахъ стоянки Чуди, служили по всей вѣроятности для приношенія богамъ съѣдобы, какъ это продѣлываютъ вогулы. Другое практическое примѣненіе чашечки едва ли могли имѣть. Большинство чудской посуды украшено орнаментами. Вогульскія сааны также снабжены орнаментами. Узоры въ елочку сходны на сааняхъ и глиняныхъ черепкахъ. Разница въ матеріалѣ саана можетъ быть обусловлена мѣстными условіями.

Указавъ на кажущееся сходство въ отправленіи религиозныхъ обрядовъ пермской Чуди и вогульскаго народа, я далеку отъ мысли строить изъ этого какіе нибудь выводы, тѣмъ болѣе, что древняя религія другихъ инородцевъ сѣвера мало отличалась въ наружныхъ отправленіяхъ отъ вогульской. Такъ, мы знаемъ историческій фактъ совмѣстнаго поклоненія вогульскихъ, пермскихъ и остяцкихъ князей дереву, находившемуся около р. Муллянки (см. стр. 23). Носиловъ приводитъ фактъ совмѣстнаго поклоненія вогульскому божеству Чохрынъ-ойка остяками и самоѣдами, которые за сотню верстъ пріѣзжаютъ на озеро Ельбонъ-Туръ.

Въ наукѣ существуетъ теорія, по которой угры - вогулы и остяки имѣли своими предшественниками на Уралѣ самоѣдовъ, поселенія которыхъ простирались довольно далеко на югъ отъ нынѣшнихъ кочевокъ. Большинство теорія эта не признается въ виду отсутствія въ краѣ самоѣдскихъ названій. Въ началѣ настоящаго очерка выяснено, что многія деревни носятъ имена, производимыя отъ имени самоѣдовъ і о р а п ѣ, какъ на примѣръ: Яраничи въ Орловскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, въ Глазовскомъ уѣздѣ Ярань-Шудзи и т. д., которыя даютъ нѣкоторое право предпо-

¹⁾ Бобръ въ отдаленную эпоху водился и въ Пермскомъ краѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ кости этого животнаго, встрѣчаемыя въ числѣ другихъ костей при раскопкахъ.

лагать о присутствіи здѣсь когда-то самоѣдовъ. Близкое сосѣдство селеній Югринскій, Яраничи и Мадьярово Орловскаго уѣзда доказываютъ о сосѣдствѣ собрата гордаго мадьяра—вогула (угра) рядомъ съ самоѣдомъ. Масса позаимствованій въ вогульскомъ быту изъ самоѣдскаго обихода—іорн-вай, іорн-коль, іорн-хур и пр.—доказываетъ, что вогулы стояли когда-то въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ самоѣдамъ, чѣмъ теперь.

Около селеній, носящихъ имя, доказывающее обитаніе въ нпхъ когда-то вогульскаго племени, мы совсѣмъ не встрѣчаемъ урочищъ, носящихъ названія на языкѣ этого народа. Даже въ искони югорскомъ краю, какъ напр. Вишерскомъ, гдѣ и понынѣ кочуютъ еще вогулы, всѣ горы, рѣки и проч. носятъ названія на пермскомъ нарѣчьи, вогульскихъ же никто не знаетъ. Поэтому отсутствіе самоѣдскихъ названій въ краѣ не можетъ служить доказательствомъ, что въ немъ не жили самоѣды. Разъ, по названіямъ селеній Вогуличи, Мадьярова, Югринова, Остѣцкая и т. д., мы приходимъ къ заключенію, что обитатели ихъ въ былыя времена были угры, мы вправѣ также вывести заключеніе, что обитатели селеній Яранята, Яраничи и т. д. были первоначально яраны (іораны), т. е. самоѣды. Самоѣды, также какъ и вогулы, не оставили по себѣ памяти въ названіяхъ урочищъ на своемъ языкѣ.

Исторія застаётъ еще въ Прикамскомъ краѣ остяковъ, вогуловъ по Сылвѣ, Косвѣ и проч., но о самоѣдахъ не упоминаетъ ни одинъ письменный источникъ. Повидимому, вогулы—поздніе пришельцы сравнительно съ самоѣдами. Мы видимъ массу заимствованій вогулами отъ самоѣдовъ, судя по упомянутымъ названіямъ вещей домашняго обихода, въ которыхъ участвуетъ приставка „іорн“. Выше было высказано мною предположеніе, что вліяніе самоѣдовъ могло коснуться и религіозныхъ отправленій этого народа. По нашему мнѣнію, самоѣдская теорія имѣетъ прочную основу въ существованіи селеній съ производными именами отъ слова іоран и наводитъ на мысль, что самоѣды скорѣе всего представляютъ аборигеновъ сѣвера части Пермской, Вятской и Вологодской губерній. Воспоминаніе объ аборигенахъ страны при-норавливается только къ племени Чуди; самъ собою нарождается вопросъ, не представляютъ ли самоѣды загадочную Чудь, исчезнувшую съ приходомъ сюда русскихъ. Не будетъ ли въ переводѣ названіе селенія Ярань-Шудзи значить Самоѣды-Чудь? Съ другой

стороны, повидимому и вогулы обитали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рядомъ съ самоѣдами одновременно, на что указываетъ названію Югринскій рядомъ съ названіемъ Яраничи.

Къ сожалѣнію, ни на одинъ вопросъ мы не можемъ отвѣтить положительно. Мы слишкомъ мало знаемъ вогуловъ и еще менѣе самоѣдовъ. Вырѣшенія въ высшей степени интересныхъ вопросовъ о взаимныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находились наши сѣверные инородцы къ племени Чуди, можно ожидать лишь послѣ всесторонняго изученія этихъ народовъ въ связи съ археологіею края. Поэтому матеріалъ, даваемый настоящимъ очеркомъ, думаемъ, принесетъ долю помощи тѣмъ изслѣдователямъ, которые будутъ работать въ указанномъ направленіи.

И. Н. Глушновъ.

Свадьба у великоруссовъ.

(Вологодской губ.) ¹⁾

IV.

а) Свадебные обычаи и пѣсни у крестьянъ Стрѣлицкой волости, Тотемскаго уѣзда Вологодской губерніи ²⁾.

Свадьбы у крестьянъ обыкновенно бываютъ осенью, около Покрова, а больше всего—зимою, послѣ Новаго года, передъ масленицей, когда у нихъ меньше работъ и больше свободного времени пировать.

Прежде, до введенія всеобщей воинской повинности, самый обыкновенный возрастъ для женитьбы считался 18 лѣтъ. Съ наступленіемъ этого возраста, бывало, парень на гуляньяхъ и играхъ подмѣчаетъ уже себѣ невѣсту, и родители его перечисляютъ дома, съ которыми они могутъ породниться. Когда выборъ сдѣланъ, посылается въ домъ невѣсты свать или сваха (чаще сваха). Свать и сваха выбираютъ изъ близкихъ родныхъ жениху, или же сосѣдей, сосѣдокъ по деревнѣ, которые посмѣтливѣе и порасторопнѣе, побойчѣе на словахъ.

Пріѣхавъ въ деревню, въ которой живетъ невѣста, для сватовства, сваха останавливается въ избѣ, сосѣдней къ дому невѣсты, и ожидаетъ вечера, пока засвѣтятъ огонь. Тогда, постучавъ

¹⁾ См. Этногр. Обзор. XLII, 160.

²⁾ Описаніе это составлено по рукописной тетради, писанной въ 1848 г., провѣрено мною и дополнено устными разсказами уже пожилой женщины, известной въ свое время пѣсенницы и причѣтницы. По ея словамъ: „теперь (1891 г.) все уже нѣсколько измѣнилось противъ прежняго“. (Прим. автора).

подъ волоковымъ окномъ, сваха спрашиваетъ: „дома ли хозяйева?“ Родители невѣсты, предупрежденные уже этимъ обычаемъ ¹⁾ о приходѣ свахи, отвѣчаютъ ей: „добро пожаловать!“ и выходятъ встрѣчать ее въ сѣни. Войдя въ избу, сваха молится Богу, привѣтствуетъ родныхъ невѣсты словами: „здорово живете!“ и садится по приглашенію ихъ на лавку въ передній уголъ избы, въ сутки (1), гдѣ стоятъ иконы. Хозяйка дома, по обыкновенію, соблюдаемому во всякое время дня и ночи для каждаго приходящаго изъ другой деревни, накрываетъ столъ скатертью, кладетъ на немъ хлѣбъ и соль, пироги, если есть—ставитъ какое-нибудь и горячее блюдо, и проситъ гостя покушать ихъ хлѣба-соли. Но сваха, не дотрогиваясь ни до какого кушанья, прежде всего исполняетъ свое порученіе и говоритъ: „любезные други! у васъ есть дочка, у насъ сынокъ; отдайте-ко вашу дочку за нашего сыночка!“ Родители невѣсты высылаютъ всѣхъ своихъ домашнихъ изъ избы. Затѣмъ сваха называетъ жениха по имени и отчеству, выхваляетъ его проворство въ работѣ и дородство, хвастаетъ его имуществомъ и, наконецъ, спрашиваетъ у родителей невѣсты, чѣмъ они награждать ее. Послѣдніе, не отвѣчая свахѣ, просятъ ее откушать хлѣба-соли ихъ, а сами отходятъ къ печи и шепчутся между собою—совѣтуются. Потомъ высказываютъ свахѣ желаніе свое породниться съ домомъ жениха словами: „милости просимъ посмотрѣть невѣсту!“ Несогласіе же на родство передаютъ словами: „спасибо на любви!“ Въ первомъ случаѣ родители невѣсты объясняютъ свахѣ о количествѣ приданаго за своею дочерью, назначаютъ день, въ который они могутъ пріѣхать смотрѣть имущество жениха и сдѣлать рукобитье. Затѣмъ сваха уѣзжаетъ и передаетъ родителямъ жениха о всемъ видѣнномъ ею и слышанномъ.

Пришелъ день, назначенный родителями невѣсты для поѣздки въ домъ жениха, и они начинаютъ одѣваться въ самое лучшее праздничное платье. Увидавъ это, невѣста оставляетъ свою работу, садится на голбецъ (2) и, подперши голову руками, начинаетъ причитать, покачиваясь изъ стороны въ сторону и заливаясь слезами:

¹⁾ Должно замѣтить, что обыкновенно чужіе люди входятъ прямо въ избу, не справляясь, дома ли хозяйева, или же стучать въ наружную дверь кольцомъ, если она заперта. (Примѣч. автора).

Ужъ охти-то, да охти мѣ,	Ко чужому чуженину. (6)
О'хти мѣ, да тошнѣхонько! (дважды)	Ты спросись, сударь батюшко,
Погляжу я молодешенька	На пути на дороженькѣ
Во всю свѣтлую свѣтлицу, (3)	Старова, да и мѣлова,
Во столовую горницу.	Человѣка бывалова;
Того больше я погляжу	Ужъ ты будешь, сударь батюшко,
На родимаго батюшка,	На чужую, на сторону,
На родимую матушку	Ко чужому чуженину,
И на всю родню сердешную. (4)	Смотрѣть мѣста крестьянскаго,—
Они куды собираются,	Ты смотри, да высматривай
Они куды снаряжаются,	Это мѣсто крестьянское.
Ко которому праздничку.	Тебя стануть, сударь батюшко,
Мѣ какъ кажется, глянется, (5)	Что садить-то садить
Что о эту пору-времечко	За столы бѣлодубовы,
Не живетъ въ году праздничковъ.	Да за яства сахарныя,—
Вижу я молодешенька,	Ты не кидайся, сударь батюшко,
Вамъ таить—не утаится,	Ты на пивушко пьяное
Можно мѣ догадаться,	Да на вино зелѣное,
Вы куды наряжаетесь,	Не мѣняя на винну чарочку
Вы куды собираетесь.	Ты меня молодешеньку.
Ты собираешься, батюшко,	Ты попомни, сударь батюшко,
Смотрѣть мѣста крестьянскаго,	Ты мое докучаньце. (7)

Но родители, не дослушавъ ея плача, уѣзжаютъ.

Въ домѣ жениха родителей невѣсты встрѣчаютъ съ радушіемъ, садятъ ихъ въ „сутки“ и потчуютъ хлѣбомъ-солью. Отецъ съ женихомъ садятся также рядомъ за столъ съ гостями и во время стола знакомятся съ ними, разговаривая о своихъ достаткахъ, заработкахъ и проч. По выходѣ изъ-за стола родители жениха показываютъ пріѣзжимъ гостямъ свое имущество и богатство, какъ-то: запасы хлѣба въ житницахъ, домашній скоть, одежду и другія хозяйственныя принадлежности, объясняя при этомъ, какая доля изъ всего будетъ принадлежать ихъ сыну послѣ свадьбы; вслѣдъ затѣмъ та и другая сторона окончательно условливаются въ приданомъ жениха и невѣсты, и въ обезпеченіе условія назначаютъ между собою, въ случаѣ неустойки, уплату известнаго количества хлѣба или скота, смотря по достатку каждой стороны. При столѣ бьютъ по рукамъ, и руки ихъ разнимаютъ близкіе родственники или сосѣди по деревнѣ, приглашаемые на рукобитье, какъ свидѣтели. Этотъ обрядъ носить названіе „запоручить невѣсту, сдѣлать рукобитье“. Во время заключе-

нiя условiя о приданомъ женихъ не имѣеть голоса. Послѣ рукобитья всѣмъ присутствующимъ въ избѣ женихъ подноситъ по большому стакану водки, начавъ очередь съ будущаго тестя. При этомъ каждый пьетъ водку не прежде, какъ осѣнивъ себя крестнымъ знаменiемъ и пожелавъ жениху и невѣстѣ стоять подъ вѣнцомъ; самъ женихъ послѣ всѣхъ долженъ выпить за здоровье будущихъ своихъ родственниковъ. Затѣмъ родители невѣсты просятъ родныхъ жениха назначить день сговора, въ который они могутъ быть у нихъ въ домѣ и, получивъ отвѣтъ, уѣзжаютъ домой.

Невѣста, противъ обыкновенiя, не встрѣчаетъ своихъ родныхъ на улицѣ, а садится на голбець и при входѣ въ избу причитаетъ:

Ужь охти-то, да бѣти мнѣ,
Охти мнѣ, да тошнѣхонько!
Прострѣлило-то ў меня
Мое сердце ретiвое,
Приусмикло-то (8) ў меня
Мое личико бѣлое,
Опустились-то ў меня
Мои бѣлыя рѣченьки,
Что подскло-то ў меня
Мои рѣзвыя поженьки,
Какъ ужъ идетъ-то мой батюшко
Со родимой со матушкой
Съ чужедальныя стороны
На весельѣ, на радости.
Ужь ты, государь мой батюшко,
Мое красное солнышко!
Я спрошу у тебя, батюшко,
Единѣва словечушка,
Единѣва не тайнова,
Во всю свѣтлую свѣтлицу,
Во столовую горницу.
Ужь ты былъ, мой батюшко,
На чужой-дальней сторонѣ,
Тебѣ що (9) погленулося, (10)
Тебѣ що показалося?
Тебѣ хорѣмы (11) ли высокiя,
Тебѣ сусѣки (12) ли горбатые,
Или скотника рогатая,
Или чужой-то чуженинъ,
Или чужбѣи отецъ—мати,

Или сусѣди-то ближнiе,
Или сусѣдки голубушки?
Такъ тебѣ Богъ судитъ,
Богъ судитъ, да и заплатитъ,
Опрѣчь меня молодешеньки.
Не поглядѣлъ ты, сударь батюшко,
На мене молодешеньку,
Не подержалъ, сударь батюшко,
Ты меня молодешеньку
Одного лѣта теплова,
Одныѣ весны красныя,
Вмѣсто козачiхи (13) наѣмныя,
Вмѣсто козакѣ, полулѣтника.
Развѣ я молодешенька
Много я надосадила
Много я напрокучила,
Что запоручилъ, сударь батюшко,
Ты меня молодешеньку,
Мою буйную голову
За поруки за крѣпкiя,
За заклады великiе;
Вамъ не выкупить, не выручить
Ни златѣмъ, ни сѣребромъ,
Ни имѣнiемъ, богатствомъ.
Токо часъ (14)—и теперече
Все прошло, миновалося,
Вся гульба потерялася.
Въ гульбѣи нѣга-то нѣжная.
Какъ я жила молодешенька
У родимова батюшка,

У родимой-то матушки,	Была нѣга-то вѣжная
Какъ сырѣ въ маслѣ купалася.	Была воля-то вольная,
Мнѣ была молодешенькѣ,	Вольнѣе воды вѣшная.

По окончаніи сего причета, или, вѣрнѣе сказать, плача, отецъ и мать объявляютъ дочери-невѣстѣ, что дѣло уже сдѣлано,—она запоручена за такого-то. При этомъ описываютъ ей наружность жениха, домъ, имущество и вообще передаютъ дочери все, что видѣли и слышали въ день рукобитья. Этими свѣдѣніями и ограничивается знакомство невѣсты съ домашнимъ бытомъ жениха до дня свадьбы. Родители не спрашиваютъ у невѣсты согласія на бракъ, и она съ своей стороны, въ случаѣ неудовольствія на выборъ родителей, не смѣетъ высказать его предъ ними, а обнаруживаетъ свою печаль только горькими слезами, изливаемыми во время причитанія. Особенное неудовольствіе невѣсты на выборъ жениха обнаруживается въ случаѣ выдачи ея замужъ въ деревню далеко отъ родительскаго дома.

Со времени рукобитья до дня сговора та и другая сторона старается секретно собрать поболѣе свѣдѣній о своихъ будущихъ родственникахъ отъ знакомыхъ имъ, совѣтуется со своими близкими, и если слухи о женихѣ или невѣстѣ весьма неблагоприятны, то свадьба разстраивается, при чемъ первая отказывающаяся сторона должна прислать другой поруку, т. е. то количество хлѣба или скота, которымъ обезпечивалось условіе о свадьбѣ.

Въ день, назначенный для сговора, невѣсту одѣваетъ мать или близкая родственница въ праздничное платье, закрываетъ ей голову и лицо большимъ платкомъ (фатой) и садится на лавку въ куть, т. е. за занавѣсь, которая отдѣляетъ собою уголъ избы съ окномъ противъ устья печи.

Женихъ привѣзжаетъ въ домъ невѣсты съ родителями своими и сватомъ или дружкой (15), а если богатъ, то привозитъ съ собой священника. Ихъ просятъ садиться за накрытый скатертью столъ, предоставляя первое мѣсто жениху, по правую руку его дружкѣ. Послѣдній, немного времени спустя, ведетъ жениха въ куть, взявъ его за лѣвую руку. Женихъ называетъ невѣсту по имени и отчеству, кланяется ей и выводитъ закрытую фатой на средину избы, держа за правую руку. Всѣ гости встаютъ изъ-за стола, и священникъ совершаетъ обрядъ обрученія; въ слу-

чаѣ отсутствія его—кольца перемѣняетъ друга. Послѣ этого всѣ гости садятся снова за столъ, сговоренные въ красный уголъ (въ сутки), и начинается пиршество въ полномъ смыслѣ слова.

Послѣ сговора со стороны жениха и невѣсты готовятся къ свадьбѣ. Родители сговоренныхъ ѣдутъ въ ближайшее торговое село закупать провизію, платки, кушаки для подарковъ, а братъ или близкій родственникъ невѣсты ѣдетъ звать дѣвицъ, подругъ ея, погостить у нея до свадьбы и помочь приготовить нужное приданое, а вмѣстѣ и попричитать о дѣвѣй красотѣ.

Дѣвицы-гости съ этого времени, чуть смеркнется, оставляютъ работу, невѣста покрывается фатой, садится въ куть и начинаетъ плакать. Подруги, окруживъ ее, причитаютъ. За недостаткомъ причетовъ, поютъ подъ конецъ вечера до ужина и другія пѣсни меланхолическаго характера. Впрочемъ, веселое или скучное препровожденіе времени зависитъ отъ настроенія духа невѣсты. Она обыкновенно не осушаетъ глазъ отъ слезъ, если выдается въ домъ жениха далеко отъ родины или слышала дурные слухи о семействѣ его. Въ прѣтивномъ случаѣ причитаетъ безъ лишнихъ слезъ и охотно позволяетъ своимъ подругамъ вмѣсто причетовъ пѣть пѣсни. Самой же невѣстѣ пѣть пѣсни вмѣняется въ укоръ: какъ будто она радуется, что выходитъ замужъ и оставляетъ родительскій домъ. Причеты, которыми обыкновенно начинается каждый вечеръ у невѣсты, слѣдующіе:

Благослови-ко, Христось истинный,	Поглядите, голубушки,
Миѣ-ко съѣсть молодешенькѣ,	На широкую улицу.
Миѣ во куть, за занавѣсу,	Какъ на широкой на улицѣ,
На кручинную лавочку,	На дворѣ день вечеряется,
Подъ печально окошечко.	Солнышко закатѣется
Приудвину (16) я молодешенька	За лѣса-то за темные,
Стекляную оконенку,	За грязі-то за черныя,
Погляжу я молодешенька	За болота вязучія,
По деревнѣ, по городу,	За озера тоучія,
По широкой по улицѣ,	За горы за высокія,
По набамъ, какъ по теремамъ.	За Спасá Милостіваго, (17)
И приудвиныте вы голубушки	За всю волость красивую.
Стеклянныя оконенки.	

Какъ вечеръ о эту пѣру,
Поранѣе малешенько,
Пролеталъ младъ-ясея соколъ

Мимо нашу-то сторону,
Мимо батюшкинъ широкой дворъ,
Мимо матушкинъ высокъ теремъ,

Мимо моей куты, окошечка.
 Онъ махнулъ правымъ крылышкомъ,
 Онъ черкнулъ снзымъ перышкомъ.
 Говорилъ да наказывалъ:
 „Ты не плачь, не плачь, дѣвица,
 Не плачь, дочь ты отецкая,
 Тебѣ нѣ о чемъ плакати,
 Тебѣ нѣ о чемъ тужити:
 На чужой-то на сторонѣ
 Три поля хлѣба насѣяны
 Медою (18) исполваны,
 Радостью огорожены“.
 Какъ вечеръ о эту пору,
 Поранѣе малешенько
 Пролетѣла бѣлая лебедь
 Мимо нашу-то сторону,
 Мимо батюшкинъ широкой дворъ
 Мимо матушкинъ высокъ теремъ,
 Мимо моей куты, окошечка;

Она махнула правымъ крылышкомъ,
 Она черкнула снзымъ перышкомъ.
 Говорила, да наказывала:
 „Ты поплачь, поплачь, дѣвица,
 Поплачь, дочь ты отецкая;
 Тебѣ есть о чемъ плакати;
 Тебѣ есть о чемъ тужити:
 На чужой-то на сторонѣ
 Три поля горя насѣяны,
 Слезами исполваны,
 Печальей огорожены.
 И что пьетъ чужой чуженинъ
 Зеленѣе вино русское,
 Да играетъ чужой чуженинъ
 Онъ во карты нѣмецкия;
 Что проиграетъ чужой чуженинъ
 Мою скрутушку (19) добрую,
 И пропьетъ чужой чуженинъ
 Мою буянную голову“.

Наканунѣ дѣвичника (20) невѣста ѣздитъ по утру на могилы умершихъ своихъ родственниковъ, какъ бы испрашиваетъ у нихъ позволенія ко вступленію въ бракъ. Вечеромъ того же дня она моется въ банѣ, и по возвращеніи оттуда невѣста *пенничаетъ*, т. е. поются причеты, въ которыхъ она пеняетъ своимъ родителямъ:

Доживете вы, сударь батюшко
 И родимая матушка,
 Вы до лѣта до теплова,
 До весны матки красныя,
 До страды сѣнокосныя.
 Вы пойдете, сударь батюшко
 И родимая матушка,
 На страду сѣнокосную,
 Пойдете, да оглянитесь,
 Постоите, да подумаете
 Про меня молодешеньку:
 Что нейдетъ чадо милое
 На работу на пѣльную,
 На страду сѣнокосную.
 Ты не увидишь, сударь батюшко,

Ты меня молодешеньки
 На работкѣ на пѣльной.
 Въ тѣ поры, да во то время,
 Растоскуется у тебя
 Твое сердце ретивое,
 Что расплачутся у тебя
 Твои очи-то ясныя.
 Ты уйдешь, сударь батюшко,
 На тихую утѣшинку, (21)
 Гдѣ бы вѣтры не вѣяли,
 Добры люди не видѣли,
 Соловьи гнѣзда нѣ вили.
 Въ тѣ поры, да во то время
 Ты помянешь, сударь батюшко,
 Ты меня молодешеньку.

Дѣвичникъ особенно богатъ слезами и причетами. Поутру, когда невѣста умоется, дѣвицы вмѣстѣ съ нею начинаютъ причитать, оплакивая дѣвичью красоту:

Государева (22) ты моя
 Честна дѣвья-то красота,
 Золотая жемчужина!
 Что сидитъ дѣвья красота
 Поверхъ буйныя головы,
 По конецъ свитыхъ волосовъ.
 Это хочеть дѣвья красота
 Вспрохнуті, да улѣтѣти
 Во далече чисто поле,
 Въ трои лузи зеленые,
 Во травы, во шелковыя.
 Не садись, дѣвья красота,
 Во травы во шелковыя;
 Тутъ не мѣсто, не мѣстечко:
 Туто есть у чуженина
 Коваки-то наемные,
 И что есть у чуженина
 Есть и косы булатныя,
 Подкосять дѣвью красоту.
 Ужъ ты сядь, дѣвья красота,
 На березу кужлявую;
 Тутъ не мѣсто, не мѣстечко:

И что есть у чуженина
 Топоры-то укладные: (23)
 Подсѣчетъ чужой чуженинѣ
 И березу кужлявую;
 Какъ береза повалится,
 Красота да расплачется.
 Полети, дѣвья красота,
 Ты на матушку Сухону. (24)
 Поплывуть три суденышка;
 На первомъ-то суденышкѣ
 Туто старыя старицы,—
 Не садись, дѣвья красота,
 На первое суденышко.
 На второмъ-то суденышкѣ
 Туто кика-то (25) шитая,—
 Не садись, дѣвья красота,
 На другое суденышко.
 На третьемъ-то суденышкѣ
 Душекрасныя дѣвицы,—
 Ужъ ты сядь, дѣвья красота,
 На третье суденышко.

Потомъ невѣсту одѣваютъ въ лучшее платье, во всю скруту;
 она при этомъ причитаеть:

Государь-то мой батюшко,
 Мое красное солнышко!
 Отпусти, сударь батюшко,
 Ты меня молодешеньку
 Со милыми подружками,
 Со снаymi голубками;
 На роду-то не въ первыя,
 На вѣку не въ послѣднія;
 Лишь только въ послѣднія
 Во душахъ красныхъ дѣвицахъ,
 Это слава, слава Богу,
 Слава Богу истинному,
 Что смыкалась желанная

У государя у батюшки,
 У родимой у матушки.
 Благослови, Христось истинный,
 Миѣ-ка встать молодешенькѣ
 На свои на рѣзвыя ноги,
 На чулочки бумажныя,
 На башмачки зеленъ-сафьянъ,
 На гвоадья полужонныя.
 Миѣ-ка выдти, да выступить
 Вонъ изъ свѣтлыя свѣлицы
 На мостоцки калиновы,
 На крылечушко красное.

Подруги выводятъ невѣсту, закрытую фатой, на крыльцо, держа
 подъ-руки; она продолжаетъ:

Вы не гнитесь, половецки,
 Не трещите, переводоцки. (26)
 Не тяжеле я старова,
 Не грузвѣе я прежняго,

Тяжела ли то у меня
 Моя буйная голова;
 Не съ великія радости,
 Все со горя, со кручины,

Со печали великія
 Я подамъ свой змчей голосъ
 Высоко по-поднѣбесью,
 Широко по святой Руси,
 По деревнѣ, по городу,
 По избамъ, какъ по теремамъ:
 „Вы сусѣди порядные, (27)
 И сусѣдки голубушки!
 Токо вы обрядилися, (28)
 Хорошо нарядилися,
 Приудвиньте, голубушки,
 Стекляныя оконенки.
 Поглядите, голубушки,
 На широку на улицу,
 На крылечушко красное.
 На крылечушкѣ красномъ
 Стоитъ тынъ-то серебряная.
 Во тynu во серебряномъ
 Стоитъ яблонь кудрявая,
 Она безъ вѣтру шатается,
 Безъ дождя уливается.
 Вы извольте послушати

Про этотъ тынъ-то серебряный.
 Я вамъ буду рассказывать,
 По словечку раскладывать.
 Кое тынъ-то серебряный—
 Тое красныя дѣвицы.
 Макавѣшки золочены—
 Тое дѣвья-то красота.
 Кое яблонь кудрявая—
 Тое я молодешенька:
 Я безъ вѣтру шатаюся,
 Безъ дождя уливаюся.
 Мои голубушки сныа,
 Вы сусѣди порядные
 И сусѣдки голубушки!
 Вамъ добро-то пожаловать
 Къ государю-то батюшку,
 Ко родимой-то матушкѣ,
 Къ нимъ на пирь, да на брат-
 цину, (29)
 А ко мнѣ молодешенькѣ
 На горе, да на круцину,
 На живое разставаньице.

Съ крыльца дѣвицы ведутъ невѣсту въ сѣни и причитаютъ:

Слава, слава Богу,
 Слава Богу истинному!
 Хотя поодѣла, погудяла,
 Хотя по́красовѣлася

Со милыми подружками.
 Я пойду молодешенька
 По своимъ по новымъ сѣнямъ.

Потомъ ведутъ ее въ сарай (повѣть), гдѣ обыкновенно стоитъ ея кровать, на которой она спитъ лѣтомъ, и продолжаютъ причитать:

Какъ я спала, высыпалася
 На кровати на тесовой,
 На этой мягкой постѣлюшкѣ.
 Что будила меня матушка,
 Меня поугру ранешенько,—
 Она ходитъ помалѣшеньку,
 Говоритъ потихошеньку.
 Что первѣй-то разъ побудить—
 Теплою шубой окутаетъ,
 Что другѣй-то разъ побудить—
 По головѣшкѣ поглядитъ,
 Она третѣй-то разъ побудитъ
 Со молитвой Иисусовой:
 Ты вставай, чѣдо милое,

Вставай дочка любезная,
 Полно спать, высыпатися,
 Пора вставать, пробужатися.
 А какъ я молодешенька
 На чужѣй дальней стѣронѣ,
 Во домѣ у крестьянина,
 Подъ гровой у чуженина;
 Какъ я лягу молодешенька
 На кроватку тесовую
 Со чужимъ-то чужениномъ,
 Такъ богоданная матушка
 У насъ заходитъ, затопаетъ,
 Она дверями захлопаетъ
 И ключами забрякаетъ:

Ты вставай-ко, лѣзвивая,
 Ты вставай-ко, лежливая,
 Полно спать, высматися,
 Пора вставать, пробужатися.
 До поры, да до времени
 Прострѣлило-то ў меня
 Мое сердце ретивое.
 Какъ я подумаю молодешенька

Про государя про батюшку,
 Про родимую матушку,
 Такъ уйду я молодешенька
 На тихую утішинку,
 Гдѣ бы вѣтры не вѣяли,
 Добры люди не видѣли.
 Поразмычу молодешенька
 Свое горе, да кручину.

По окончаніи этого причета подруги вволяютъ невѣсту въ избу и, переодѣвъ ее, сами накрываютъ на столъ обѣдать, а невѣста садится на голбець и причитаетъ:

Ужъ государь ты мой батюшко
 И родимая матушка!
 Придвигай-ко ты, матушка,
 Ты столы бѣлодубовы,
 Ты стели, моя матушка,

Бѣды скатерти бранья. (30)
 Ты неси, моя матушка,
 Что и яства сахарныя,
 Да и пивушка пьянова
 И вина-то зеленюва.

Когда на столѣ будетъ собрано, невѣста сходить съ голбца и подносить подружкамъ пива; онѣ обращаются къ ней съ слѣдующими словами:

Не хотимъ, лебедь бѣлая,
 Ты подруженька мѣлая,

Безъ тебя мы ѣсть хлѣба бѣлова
 И пить пива-то пьянова.

Невѣста имъ отвѣчаетъ:

Какъ не та пора-времечко
 Пить мнѣ пива-то пьянова,

Ѣсть и хлѣба-то бѣлова
 Съ вами, милыя подруженьки.

Дѣвицы пьютъ пиво и обѣдаютъ иногда вмѣстѣ съ родителями невѣсты, а она, сѣвъ на голбець, въ продолженіе обѣда причитаетъ слѣдующее:

Государь ты мой батюшко,
 Мое красное солнышко!
 У себя во честномъ дому
 Мнѣ бы въ очи васъ увидѣти
 И челомъ бы ударити,
 Объ чемъ почелобитовать.
 Я спрошу у васъ, батюшко,
 Единюва словечушка
 Единюва, по тѣйнова,
 Тайнова, да не явнова.
 У васъ есть ли, мой батюшко,
 У васъ служки вѣрныя
 И послышки-то (31) скорыя,

Сыновья ясны соколы?
 Наряди ты имъ, батюшко,
 Ты имъ службу не долгую
 Работку не тяжелую.
 Ты вели, сударь батюшко,
 Запряци ты добра коня
 Ты во сани дубовыя.
 Ты мой молодой ясея соколъ,
 Голубоцкѣ мой сизинькой,
 Ты мой братецъ родименькой!
 Я о чемъ тебѣ, братецко,
 Я поплачу, побую челомъ,
 Объ чемъ почелобитую:

Не оставь ты, мой братецко,
 Моево докучавница
 Слезаюна и горькова.
 Ужь ты съѣди, сударь братецко,
 На чужу дальну стѣрону,
 На злодѣйку несвѣдому.
 Ты прїѣдешь, мой братецко,
 На чужу дальну стѣрону,
 Ко избѣщѣ, ко башнищѣ.
 Ты возьми-ко, мой братецко,
 Ты дубинку дубовую,
 У избещи, у башнищи
 Колотись ты безъ милости,
 Говори ты безъ жалости:
 ы не надѣйся, чужой чуженищѣ,
 На свою жену-супружницу,

На мою, чужой чуженищѣ,
 На родимую сестрицу.
 У моей-то у сестрицы
 Три зарокъ великіе:
 Что первѣй-то зарокъ скажу—
 Она годами не вырослая.
 Я другой-то зарокъ скажу—
 Она и головой-то угарчива, (32)
 Да и сердцемъ зажимчива. (33)
 Я третїй-то зарокъ скажу—
 Голова у ней не поклончива,—
 Не хочу поклониться,
 Не хочу покориться
 Чужому отцу-матери,
 И чужому чуженищѣ,

Послѣ обѣда отецъ неврѣсты посылаетъ своего сына или ближайшаго изъ родственниковъ на лошади звать къ себѣ въ домъ жениха съ его родными. Подруги неврѣсты, выйдя изъ-за стола, берутъ неврѣсту подѣ руки, ходятъ съ ней по избѣ и снова оплакиваютъ дѣвью красоту причетомъ, какъ утромъ на дѣвичникѣ:

Государева ты моя
 Честна дѣвья-то красота,—
 Золотая жемчужина! и т. д.

Посланный звать гостей возвращается и объявляетъ, что званые уже ѣдутъ ¹⁾ Подруги уводятъ неврѣсту въ куть, и когда завидятъ ѣдущихъ еще издалека, причитаютъ слѣдующее:

Потянули буйны вѣтры
 Что со всѣ четыре стѣроны,
 Взволновалася погодушка
 Со восточную сторону.
 Что идетъ туча грозная
 Къ намъ на нашу на сторону.
 Какъ вставала туча грозная
 Да на батюшкинѣ широкѣй дворѣ,
 Да на матушкинѣ высокѣй теремѣ.
 Да на мою свѣтлу свѣтлицу.
 Какъ изъ тучи изъ грозныя

Выпаладѣ бѣль-горючѣ камень,
 Что расшибѣ бѣль-горючѣ камень
 Жолобѣчикъ у кровельки,
 Жолобчатую кровельку.
 Изъ горюча-то камешка
 Выпалада каленѣ стрѣла.
 Пролетала каленѣ стрѣла
 Что во свѣтлую свѣтлицу,
 Во столовую горницу.
 Заходила каленѣ стрѣла
 Что по свѣтлой по свѣтлицѣ,

¹⁾ Нужно замѣтить, что если женихъ изъ дальней деревни, то прїѣзжаетъ со своими родными еще наканунѣ дѣвичника и останавливается у кого-нибудь въ ближайшей отъ жительства неврѣсты деревнѣ.

По столовой по горнищѣ,
 Это всѣхъ Богъ помиловалъ:
 Государя-го батюшку
 И родимую матушку,
 Что родимыхъ-то братьевъ,
 И родимыхъ-то сестрицъ;
 Лишь только не помиловалъ
 Одной меня молодешеньки.
 Что расшибло-то у меня
 Мою буйную голову,
 Прострѣлило-то у меня
 Мое сердце ретивое,
 Опалило-то у меня
 Мое личико бѣлое.
 Вижу я молодешенька,
 Что не самъ-то высокъ теремъ,
 Стоя растворяется,
 Што не цѣвоцка (34) золота
 Кругъ скобы развивается,
 Съ косякѣ двери на-пята, (35)
 На пятау на желѣзную.
 Да не яблонь кудрявая
 Клонить буйную голову
 Къ намъ во свѣтлую свѣглицу,
 Во столовую горницу.
 Середь избы становилася
 На кирпичную сѣреду,
 Передь святыне-го образы:
 Къ намъ идутъ, да и жалуютъ
 Съ чужедальныя стороны,
 Со злодѣйки несвѣдомой

Въ это время женихъ съ родными уже пріѣхали, поздоровались съ родными невѣсты и, по приглашенію ихъ, сидятъ за столомъ. Дѣвицы выводятъ подъ-руки невѣсту изъ кути и, ходя съ нею по избѣ, причитаютъ:

Благослови, Христось истинный,
 Мнѣ сойти съ лавки дубовыя,
 Со любимыя лавочки
 На свои рѣзвыя ноги.
 Вы служите, рѣзвыя ноженки,
 Вѣрою да и правдою
 Безъ измѣны великія:
 Скобы (37) не подломитесь,

Дорогіе честныя гости.
 Я не знаю молодешенька
 Этихъ дорогихъ гостей,
 Со которую сторону
 Они родней называются,
 Родаши причитаются,
 Родовствомъ причисляются, (36)
 Во кумовствѣ, или въ сватовствѣ,
 Или въ крестовомъ братовствѣ.
 Какъ дотолѣ, дотолева
 Я не знала молодешенька
 Этовѣ роду племени.
 Государь, ты мой батюшко,
 Мое красное солнышко!
 У тя что сударь батюшко
 Пошла вѣра по новому?
 А дотолѣ, дотолева
 Этывѣ вѣры нѣ было,
 У тя не было, батюшко,
 Что въ эту пору-времечко
 Годовѣ честна прѣадничка.
 У тя не было, батюшко,
 Что въ эту пору-времечко
 Этовѣ роду племени.
 Вижу я молодешенька,
 Мнѣ сидѣть не усидѣтися,
 Другомъ вѣ замѣнитися,
 Стыдомъ нѣ устыдѣтися.
 Мнѣ вставать молодешенькѣ
 На свои рѣзвыя ноги.

Гвоздья не подскользнитесь;
 Вы не гнитесь половочки,
 Не трещите переводочки;
 Не тяжелше я старова,
 Не грузнѣе я прежнева.
 Тяжела лишо у меня
 Моя буйная голова;
 Она безъ вѣтру шатается,

Мое бѣло-то личико
 Безъ дождя уливается.
 Разступитесь, честны гости,
 Разодвиньтесь, голубушки,
 Мои милыя подруженьки,
 Дайте путь да дороженьку
 Мнѣ ка выйти, да выступатьъ
 Середь свѣтлыя свѣтлицы
 Середь столовыя горницы.

Ужъ вы зрите, ясны очи,
 Зрите не тупитесь,
 Горючі слезы не катитесь.
 У себя въ честномъ дому
 Государя-то батюшку
 Мнѣ бы въ очи увидѣти,
 И челомъ бы ударити:
 Мнѣ-ка дай, сударь батюшко,
 Братыню со пьянымъ пивомъ...

Отецъ подаетъ дочери-невѣстѣ братыню пива, и подружки подводятъ ее къ столу, продолжая причетъ:

Приступаются казаки
 Ко Смоленску, ко городу.
 Смиѣ ли мнѣ приступитися
 Ко столу бѣлодубову,
 Со милыми подружками?
 Ужъ я глупая, глупая,
 Глухая, неразумная,
 Не съ ума слово молвила,
 Не съ великаго дѣгаду.

Надо мнѣ молодешенькѣ
 Мнѣ назадъ воротитися.
 Ужъ ты дай, сударь батюшко,
 Ужъ ты дай благословеньице,
 Ужъ ты дай повелѣньице
 Приступитися молдешенькѣ
 Ко столу бѣлодубову,
 Со милыми подружками
 Со сными голубками.

Дѣвицы ведутъ невѣсту отъ стола къ отцу, который стоитъ въ противоположномъ углу избы. Онъ креститъ дочь трижды съ молитвою про себя:—Во имя Отца и Сына и Святаго Духа—и невѣсту ведутъ къ столу, разливаютъ пиво въ стаканы, ставятъ ихъ на подносъ и подаютъ ей. Невѣста подноситъ пиво каждому гостю со стороны жениха, исключая его самого. Потомъ подружки даютъ ей въ руки подарки для гостей (платки, кольца, серьги, полстенца), и она раздаетъ каждому изъ нихъ, низко кланаясь и продолжая причитать:

Ты корись, корись у меня,
 Мое сердце ретное,
 Ты клонись, клонись у меня,
 Моя буйная голова,
 Ниже шелкова пояса.
 Не хотѣлось молодешенькѣ,
 Ужъ какъ мнѣ покоритися
 Этому роду, племени,

Низко мнѣ поклонитися
 Этимъ дорогимъ гостямъ.
 Я не знаю молодешенька
 Этихъ дорогихъ гостей,
 Какъ родней называются,
 Родовствомъ причисляются,
 Въ кумовствѣ или въ сватовствѣ,
 Или въ крестовомъ братовствѣ?

По окончаніи этихъ словъ подруги ставятъ на подносъ большой стаканъ, кладутъ полотенце, вышитое на концахъ узорами

и обшитое кружевами, и, подавъ ей поднось въ руки, подводятъ къ жениху. Она обращается къ нему съ слѣдующими словами:

Не умѣю молодешенька
Не называть, да не взвѣличать
Этова дорогá гостя,
До поры, да до времени,
До вѣнца влачонова.
Бакъ добро тебѣ жаловать,
Дорогой, честной, аваный гость.
Ужъ ты пей на здоровьице,
Головъ на весельеце,
Сердцу на радость великую.
Послѣ пива-то пьянова,
Тебѣ добро-то пожаловать
Тебѣ тонкое полотеньце.
Ты не будь да обсудити

Ты мое рукодѣльнице,
Мелкое щепотнѣще,
Что не тонко я выпряла,
Что не сично (38) я выткала,
Не бѣло и убѣлила;
Что не привелось у молодешеньки
Ни атласу, ни бархату,
Не бывалъ сударь батюшко
Во Сибирску Украинну
По атласъ-то, по бархатъ,
Такъ ужъ нѣтъ, не лучилося
У меня молодешеньки
Ни атласу, ни бархату.

Женихъ выпиваетъ стаканъ пива, беретъ полотенце и кладетъ на поднось золотую или серебряную монету. Невѣста благодаритъ его поклономъ и словами:

Благодарствуй, чужъ чуженинъ,
На дорогихъ на гостиничикахъ,
На честныхъ на подарочкахъ,
На златѣ, да на серебрѣ,
На полтинѣ серебряной,
На гривнѣ на золотѣ.

Хоть не злато, не серебро,
Таково-жъ имя царское,
Мудрено-то написано,
Высоко-то поставлено
Противъ царскаго имени...

Всѣ эти обряды исполняются со всею точностью и совершеннымъ безмолвиемъ не участвующихъ въ нихъ лицъ. Затѣмъ подружки уводятъ невѣсту въ куть, а женихъ со своими родными, кончивъ обѣдъ, уѣзжаетъ домой. Дружка съ его стороны и брать невѣсты или ближайшій родственникъ ѣдутъ звать гостей на свадьбу каждый съ своей стороны особо.

Когда засвѣтятъ огонь въ избѣ невѣсты, подружки ея идутъ къ банѣ „торить дорожку“. У дверей бани останавливаются и причитаютъ:

Государева ты наша,
Наша банюша-паруша!
Раскатись, баня-паруша,
До единова бревнышка.
Раскатись, баня-каменка,
До единова камешка,

Всѣ по старымъ по мѣстечкамъ.
Не бывать, да не хаживать
Во старой порѣ-времечкѣ
Въ тебя красной-то дѣвицѣ,
Нашей милой-то подруженькѣ.

Возвращаются домой, но не входя въ избу, въ сѣняхъ оставливаются и, хлопнувши избяными дверями, причитають:

Государева ты наша,	Проторили путь-дороженьку
Наша милая подруженька!	Тебѣ въ банюшу парушу,
Ты встрѣчай, лебедь бѣлая,	Наносили ключевой воды,
Своихъ милыхъ-то подруженекъ.	Бѣлыхъ дровъ-то березовыхъ.

Невѣста отворяетъ избяныя двери и подаетъ дѣвицамъ черезъ порогъ братнюю пива съ опущеннымъ въ нее ковшомъ, со словами:

Вамъ добро-то пожаловать	Вы идите, да жалуйте
Вамъ, милыя подруженьки,	Къ намъ въ свѣтлую свѣтлицу,
Отъ меня молодешеньки	Во столовую горницу.
Братнюю пива пьянова.	

Дѣвицы принимаютъ пиво и, черная ковшемъ, пьютъ его. Невѣста садится въ куть; тамъ окружаютъ ее бабы, сосѣдки по деревнѣ, и родственницы. Оporожнивъ братнюю, дѣвицы входятъ въ избу и, ставъ посрединѣ ея, поютъ на мотивъ причета слѣдующее:

Благослови, Христось истинный,	Во лѣвой-то рукъ держать
Намъ-ко выдти, да выступить	Она цѣвоцку золота.
Середь свѣтлыя свѣтлицы,	Она шьетъ да вышиваетъ
Передь святыне-то образы,	Три узора мудреные:
Помолиться поклоняться	Какъ первой узоръ вышила
Богу Спасу Милостивому,	Она краснаго солнышка,
Пресвятой Богородицѣ,	Со лучами со ясными,
Чтобы Вогъ-то помиловалъ	Съ обогривами (40) теплыми.
Нашу милую подруженьку,	Какъ другой узоръ вышила
Государь-то пожаловалъ	Она свѣтлова мѣсяца,
Старой пражней-то милостью,	Со звѣздами со мелкими,
Честной дѣвѣй-то красотой.	А третьей узоръ вышила
Намъ сказали добры люди	Она всю подвселенную.
Про милую подруженьку,	У насъ нѣтъ, не лучилося
Что сидитъ наша голубушка	Нашей милой-то подруженьки.
Въ суткахъ подь окошечкомъ,	Въ суткахъ подь окошечкомъ...
Во старой порѣ-времечкѣ	Старыя враговатыя,
На колѣночкахъ держать	Малыя мы бѣсоватыя (41)
Полужонья (39) пялечки,	Обернитесь, голубушки,
Во правой-то рукъ держать	Мы во куть, за занавѣсу.
Она иголку серебряну,	

Оборачиваются назадъ и подходятъ къ кути, гдѣ спрашиваютъ у бабъ о невѣстѣ слѣдующими словами:

Ужъ вы бабицы, бабицы,
Бабы красныя головы,
Ваши отрѣпные колобы!

Вы скажите, голубушки,
Про милую подруженьку.

Бабы отвѣчаютъ.

Ужъ вы дѣвицы, дѣвицы,
Вы дѣвицы не умныя!
У насъ нѣтъ, нелучилося
Вашей милоя подруженьки;

Что ушла ваша голубушка
На гуляція ярмарки,
На качели веселыя.

Дѣвицы.

Ужъ вы бабицы, бабицы,
Бабы красныя головы,
Ваши отрѣпные колобы,

Ваши лобы смоленые!
Вы скажите, голубушки,
Про милую подруженьку.

Бабы.

Ужъ вы дѣвицы, дѣвицы
Дѣвицы не просужія! (42)
У насъ нѣтъ, нелучилося
Вашей милоя подруженьки;
Что ушла ваша голубушка

Ко Спасу Милостивому
Она Богу молитися,
Чтобы Богъ-то помилуалъ
Старой Божьей-то милостьюй.

Дѣвицы.

Что вы, бабицы, бабицы,
Ваши лобы смоленые,
И глаза-то долбленые,

Ваши коздри-то рваныя!
Вы скажите, голубушки,
Про милую подруженьку.

Бабы.

Ужъ вы дѣвицы, дѣвицы,
Дѣвицы не просужія!
У насъ нѣтъ, нелучилося
Вашей милоя подруженьки;

Что ушла ваша голубушка
По грибки въ лѣсъ, по ягодки,
По зеленые вѣнички.

Дѣвицы.

Ужъ вы, бабицы, бабицы,
Всѣ жены, какъ боярыни!
Вы скажите, голубушки,

Про милую подруженьку
Всю былъ, правду великую.

Бабы.

Ужъ вы дѣвицы, дѣвицы,
Вы дѣвицы всѣ умныя!
У насъ есть, да лучилася

Ваша милая подруженька
Во кути, за занавѣсой
Запоручная голова.

Съ этими словами бабы выходятъ изъ кути и расходятся по домамъ. Дѣвицы переодѣваютъ невѣсту въ домашнее платье, открываютъ ей лицо и садятся съ ней за столъ ужинать. Пока идутъ приготоленія, невѣста причитаеть:

Ужь ты дай мѣ-ка, батюшко
 И родимая матушка,
 Изъ мѣсть мѣсто любимое,
 Свѣтлое подоконьце,
 Со милыми подружками,
 Со сизыми голубками.
 На роду ужъ не въ первыя,
 На вѣку не въ послѣднія,
 Лишь только въ послѣднія
 Во душахъ красныхъ дѣвцахъ,
 Со милыми подружками,
 Со сизыми голубками.
 Посмотрите, голубушки,
 На меня молодешеньку:
 Каково я нарядилася,
 Бѣло ли набѣлилася,
 Румяно ли намазалася,
 Хорошо ли наложила
 Свою дѣвью-то красоту.

Государь ты мой батюшко
 И родимая матушка!
 Ужь вы дайте, сударь батюшко
 И родимая матушка,
 Любимова-то чашничка,
 Родимова-то братецка.
 Голубчикъ мой сизенькой,
 Ты родименькой братецко!
 Походи, да почашничай.
 Кругъ меня молодешеньки
 Со милыми подружками.
 На роду ужъ не въ первыя,
 На вѣку не въ послѣднія,
 Лишь только въ послѣднія
 Во душахъ красныхъ дѣвцахъ.
 Поднеси-ко, мой братецко,
 Ко младымъ-то подруженькамъ
 Много пива-то пьянова.

Братъ или ближайшій родственникъ невѣсты при этихъ словахъ подносить всѣмъ пива.

Послѣ ужина невѣста благодаритъ своихъ родителей за хлѣбъ-за соль слѣдующими словами:

Много я тебѣ благодарствую,
 Родимый ты мой батюшко
 И родимая матушка,
 Я вамъ на хлѣбъ на соли,
 На вашей добродѣтели.
 Отпила да откушала,
 Въ любомъ мѣстѣ отсидѣла,
 Какъ моя-то вѣдь ножечка
 Она въ сухъ пролежала.
 Какъ мои бѣлы рученьки
 Все у сердца пролежали.
 Награди тебѣ, Господи,
 На мою проторь (43) великую,
 Мой родимой-то батюшко,

И родимая матушка,
 Тебѣ хлѣба хорошаго,
 Тебѣ ржи грядистой,
 Ячменю колосистова,
 И овса-то брунистова, (44)
 И пшена бѣлоярова,
 Тебѣ ишеницы хорошия.
 Народи тебѣ, Господи,
 Тебѣ ржи-то хорошия—
 По три колоса на волоти (45)
 Во всякомъ колосочикѣ
 По семи-сотъ зерняткокъ,
 Изо всякаго зернятка
 По короваю хлѣба бѣлова.

Въ день свадьбы невѣста, вставъ съ постели, тотчасъ послѣ молитвы уходитъ въ куть и здѣсь, закрывъ лицо фатой, причащаетъ вмѣстѣ съ подружками.

Я спала-высыпалася,
 Ото сна пробуждалася,

Ото сна богатырскаго,
 Отъ бѣду королевскаго.

Я ждала-дождалася
 Батюшкина побужаньца,
 Матушкина покликаньца,
 Я по утру ранешенько,
 Что не будить меня батюшко,
 Не покликаетъ меня матушка.
 Что не знать они жалѣючи,
 Не знать меня изживаючи.
 Вамъ жалѣть—не ужалѣть будетъ,
 Вы избыть—скоро избудете
 Вы меня молодешеньку.
 Ужъ я дождалася отъ матушки
 Отъ нея наряжаньца. (46)
 Что не будить меня матушка
 Не наряжаетъ мнѣ матушка
 Мнѣ работки утряны,
 Что не посылаетъ меня матушка
 На улицу на широкою,
 По дровца по березовыя,
 По водицу ключевую,
 Такъ не знагъ меня жалѣючи,
 Не знать меня изживаючи.
 Вамъ жалѣть—не ужалѣть будетъ,
 Вы избыть—скоро избудете
 Вы меня молодешеньку.
 Безъ меня молодешеньки
 Не два свѣта разсвѣнутъ,
 Не два солнышка взойдутъ,
 Не два свѣтлые мѣсяца;
 Вамъ не вдвое свѣтитъ будутъ,
 Васъ не вдвое и грѣтъ будутъ
 Безъ меня молодешеньки.
 Я гораздо была, батюшко,
 Лѣтомъ я не работница,
 Зимой не водоносница.
 Я гораздо тебѣ, батюшко,
 Грозно слово говорила,
 Худу славу приводила,
 Да худу славу недобрую,
 Пусторѣчье великое...

—
 Я спала, высыпалася,
 Ото сна пробужалася,
 Ото сна богатырскаго.
 Отъ буду королевскаго.
 Ты скажи, сударь батюшко

И родимая матушка,
 Про свою ноцку темную,
 Про свое ночеваньеце,
 Что мягка ли постеляшка,
 Высоко ли зголовьце,
 Что тепло ли одѣялышко.
 Хоша вы мнѣ не скажете
 Про свое ночеваньеце,
 Про свою ноцку темную,
 Такъ я скажу молодешенька
 Про свое ночеваньеце,
 Про свою ноцку темную,
 Про свою мягку постеляшку,
 Про свое высоко зголовьце,
 Про свое соболюно одѣялышко.
 Какъ мою мягку постеляшку
 Буйны вѣтры развѣяли,
 Соловьи на гнѣзда извили.
 Мое высоко-то зголовьце
 Во слезахъ все пролежало.
 Мнѣ ночесъ молодешенькѣ
 Нехорошъ сонъ привидѣлся:
 Потеряла молодешенька
 Со своего шелкова пояса
 Три ключа-то замочные.
 Что первымъ ключемъ заперта
 Моя волюшка вольная,
 Что другимъ ключемъ заперта
 Моя нѣга-то нѣжная,
 Что третьимъ ключемъ заперто
 Мое платьеце цвѣтное,
 Да платье подвѣшное.
 Не въ лѣсу я заблудилася,
 Не въ росѣ замочилася.
 Я дошла—доблудилася
 До горы до высока,
 До щоры, (47) да до камня.
 На щорѣ, да на каменьѣ
 Стоить избище, ровно башнище,
 У избища, у башнища
 Три окошка прогроханы, (48)
 Какъ садина (49) овинныя,
 Середъ избищи-то, башнищи
 Муравьища кипучія.
 Въ суткахъ, подъ окошечкомъ
 Что медвѣдь со медвѣдницей.

Подъ среднемъ окошечкомъ
 Тутъ вороны черныя,
 Во куть, за занавѣсой
 Тутъ сороки-то вѣщицы,
 На печномъ-то на столбикѣ
 Тутъ заеыко биленькой,
 У кирпичнаго шесточку
 Тутъ ноценька темная,
 Подъ полатямъ, на лавочкѣ
 Тутъ змѣя извивается.
 Кое муравьящѣ кипучее—
 То ватага сведена,
 Кое медвѣдь со медвѣдицей—
 То богоданой-то батюшко
 Съ богоданой со матушкой,

Кое вороны черныя—
 То богоданые братьецы,
 Кое сороки-то вѣщицы—
 То богоданныя сестрицы,
 Кое заеыко биленькой—
 Тое чужой-то чуженинъ,
 Кое ноценька темная—
 Тое я молодешенька,
 Кое змѣя-то извивается—
 Тое плетка шелковая,
 На меня молодѣшеньку.
 Что возьметъ чужой-чуженинъ
 Эту плетку шелковую,
 Онъ учить будетъ по-своему.

По утру въ домъ невѣсты прѣзжаетъ со стороны жениха сваха отъ него съ подарками для невѣсты, которые состоятъ изъ шали, башмаковъ, чулковъ, гребня, зеркала, бѣлиль, румянь и пряниковъ. Подруги невѣсты просятъ у свахи кроянова, (т. е. мелкихъ пряниковъ, нарѣзанныхъ изъ одного большого), припѣвая слѣдующую пѣсню:

Соберемся дѣвицы въ пичицу, (?)
 Мы пойдемъ дѣвицы на ричку,
 Изопьемъ дѣвицы водицы—
 У насъ въ горлышкахъ пересохло;
 Мы два дни пива не пивали

Княжескихъ пироговъ не ѣдали;
 Намъ сказали, что свахонька богата,
 Намъ сказали, что сваха торовата,
 Ворота рублемъ запираетъ,
 Полтиной ворота отпираетъ.

Сваха даетъ дѣвицамъ кроянаго и, передавъ невѣстѣ дары, уѣзжаетъ въ домъ жениха. Тамъ уже готовится свадебный поѣздъ. Всѣ участвующіе въ немъ надѣваютъ лучшее праздничное платье, убираютъ лошадей своихъ въ лучшую сбрую, привѣшиваютъ къ ушамъ ихъ бубенцы, подъ шею маленькіе звонки. Женихъ подвязываетъ подъ дугу звонкій колокольчикъ и украшаетъ сбрую лошади красными лентами. Самъ онъ, въ отличіе отъ поѣзжанъ, надѣваетъ на голову шляпу, перевязанную по срединѣ широкою красною лентою. Дружка сверхъ верхней одежды перевязываетъ черезъ плечо платокъ шелковый или красный бумажный, смотря по состоянію. Женщины, участвующія въ поѣздѣ, повязываютъ головы красными шерстяными платками.

Когда поѣздъ сберется, отецъ и мать благословляютъ жениха. Это совершается слѣдующимъ образомъ. Накрываютъ столъ бѣ-

лою скатертью, кладутъ на нее пироговъ и ковригу (коровай) хлѣба, въ которой врѣзана солонка съ солью. Передъ образами зажигаютъ восковую свѣчку. Всѣ находящіеся въ избѣ садятся на лавки и, вставъ, молятся Богу. Потомъ отецъ и мать жениха идутъ за столъ; первый изъ нихъ беретъ въ руки съ божницы образъ, послѣдняя со стола ковригу хлѣба и, обойдя столъ кругомъ, становятся рядомъ по срединѣ избы. Въ это время крестный отецъ жениха съ дружкой берутъ его за руки и заставляютъ кланяться отцу родному въ ноги. Когда женихъ поклонится и встанетъ, они наклоняютъ ему голову, и отецъ крестообразно благословляетъ его образомъ, который, поцѣловавъ сначала самъ, даетъ цѣловать сыну, а потомъ цѣлуетъ жениха. Тѣмъ же порядкомъ и мать благословляетъ сына образомъ, взявъ его отъ мужа. Затѣмъ отецъ благословляетъ сына хлѣбомъ-солью, а за нимъ тѣмъ же и мать. По совершеніи этого обряда, всѣ присутствующіе въ избѣ цѣлуются съ женихомъ. При этомъ замѣтны на глазахъ у всѣхъ непритворныя слезы, въ особенности обильныя, если женихъ оставляетъ навсегда родительскій домъ и переходитъ на жительство въ домъ невѣсты.

Свадебный поѣздъ обыкновенно отърываетъ дружка, за нимъ ѣдетъ женихъ со своими родителями и свахой, а потомъ всѣ гости, приглашенные на свадьбу со стороны жениха. Весь поѣздъ отправляется въ домъ невѣсты. Его можно услышать издали по звонкамъ и бубенчикамъ, тѣмъ болѣе, что поѣзжане люди большею частію молодые, навеселѣ и, желая показать себя, ѣдутъ очень скоро, молодецествуютъ, по мѣстному выраженію.

Въ домѣ невѣсты, заслышавши звонъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, подруги невѣсты начинаютъ одѣвать ее къ вѣнцу и вмѣстѣ съ нею причитаютъ:

Это отъ лѣсу, отъ лѣсу,
 Какъ отъ лѣсу отъ темнова
 Ваволновалась погодушка,
 Накопилась туча грозная,
 Что со всѣ четыре стороны,
 Да на батюшкинъ широкъ дворъ,
 Да на матушкинъ высокъ теремъ.
 Что не синь-то засинѣла,
 Что не крась-то закрасила,
 Что не биль-то забилѣла:

Кое синь-то засинѣла —
 То тулупы-то синіе;
 Кое биль-то забилѣла —
 Тое полсти (50) бумажныя;
 Кое крась-то закрасила —
 Тое кнѣжая свахонька...
 Да ужъ охти-то, да охти мнѣ
 Охти мнѣ, да тошнехонько!
 Да не пуцай, сударь батюшко,
 Этихъ дорогихъ гостей

На сараи тесовые,
 На мосты на калиновы.
 Не давай, сударь батюшко,
 Этимъ добрымъ конямъ
 Ты имъ сѣна зеленова
 Да и овса-то едрѣнова,
 Не пушай, сударь батюшко,
 Этихъ дорогихъ гостей
 Къ себѣ во свѣтлую свѣтлицу,
 Во столовую горницу...
 Ужъ ты дружка, дружка вѣжливый,
 Вѣжливый, да очесливый! (51)
 Ты не хробоско (52) ступай,
 Ты не громко говори;
 Не надсажай, дружка вѣжливый,
 Моево ретива сердца;
 Не сади, сударь батюшко,
 Этихъ дорогихъ гостей
 За столы бѣлодубовые
 Да за скатерти бранныя.
 Да за яства сахарныя;
 Не давай, сударь батюшко,
 Этимъ дорогимъ гостямъ
 Имъ я пива-то пьянова,
 И вина-то зеленова.
 Не носи, моя матушка,
 Много яства сахарнова.
 Ужъ я глупая, глупая,
 Глупая, неразумная,

Дѣвица не просужая,
 Не съ ума слово молвила,
 Не съ великаго дѣгаду,
 Все со горя, со кручины,
 Со печали великія.
 Ты пушай, сударь батюшко,
 Этихъ дорогихъ гостей
 На сараи тесовые.
 Ты давай, сударь батюшко,
 Этимъ добрымъ конямъ,
 Ты имъ сѣна зеленова,
 Да и овса-то едрѣнова.
 Ты пушай, сударь батюшко,
 Этихъ дорогихъ гостей
 Ко себѣ во свѣтлу свѣтлицу,
 Во столовую горницу.
 Ты сади, сударь батюшка,
 Этихъ дорогихъ гостей
 За столы бѣлодубовые,
 Да за скатерти бранныя,
 Да за яства сахарныя.
 Ужъ ты пой, да упаввай
 Этихъ дорогихъ гостей.
 Ты неси, сударь батюшко,
 Много пива-то пьянова
 И вина-то зеленова,
 Чтобы меня адѣсь позабыли
 На родимой сторонѣ.

Женихъ и поѣзжане входятъ въ избу, молятся Богу, раскла-
 ниваются съ родными невѣсты и, по приглашенію ихъ, садятся
 на лавки, въ безмолвіи дожидаясь, пока одѣнуть невѣсту. Она про-
 должаетъ свой причетъ:

Погляжу я молодешенька
 По всей свѣтлой-то свѣтлицѣ,
 По столовой-то горницѣ,
 На гостей да на гостеекъ.
 Поглядите, голубушки,
 Мои милыя подруженьки,
 Изъ кути, изъ занавѣси
 Вы на весь-то на весь
 Княжевоѣ поѣздъ.
 Того больше посмотрите

На чужова чужевина,
 Да на сваховьку княжую.
 Это есть ли чуженина
 Съ похвальбу молодецкую,
 И съ ухватку бурлацкую?
 До поры, да до времени
 Похвалялся чужь-чуженинъ:
 Подберу я свой княжой поѣздъ
 Все пошовъ, да и дьяконовъ,
 И младыхъ-то поповичей,

И младыхъ-то церковниковъ,
 Это нѣтъ-то чуженина
 Ровно заря утренняя,
 Съ похвальбу молодецкую
 И съ ухватку бурлацкую.
 Ужъ ты прибралъ, чужой чуженинъ,
 Старые да и малые,
 Старики бородатые,
 Тяжеуки висковатыя, (53)
 Бушаки-то отрешные.
 У нихъ локти обнялися,
 Молотить нарядилися.
 А какъ на нашей на сторонѣ
 И гумны-то не чищены,
 И овины не сажены...
 Ахъ, я глухая, глухая,
 Глухая неразумная!
 Не съ ума слово молвила,
 Не съ великаго догаду,
 Все съ горя, съ кручины,
 Со печали великія.
 Это есть вѣдь чуженина
 Съ похвальбу молодецкую,
 И съ ухватку бурлацкую,
 Ужъ ты прибралъ, чужой чуженинъ,
 Ужъ ты свой княжевой поѣздъ,
 Все поповъ да и дьяконовъ
 И младыхъ-то поповичей,
 И младыхъ-то церковниковъ.
 Ужъ какъ тысяцкій сидитъ,
 Ровно красное солнышко.
 А большой-то бояринъ
 Ровно младъ ясенъ свѣтель мѣсяцъ.
 А какъ весь-то княжевой поѣздъ
 Ровно частыя звѣздочки.
 А какъ сваховька княжая
 Ровно заря утренняя
 Передъ краснымъ-то солнышкомъ
 Весела, да и радощна.
 А какъ чужой-то чуженинъ
 Ровно соколъ во поиманьи,
 Молодецъ во погибели;
 Онъ повѣсилъ буйну голову
 Ниже шелкова пояса
 На весельѣ, на радости,
 Потушилъ онъ ясны очи

Въ мать сырую-черну землю.
 А только свату лесливому (54)
 Тебѣ Богъ судить, Богъ судить,
 Богъ судитъ, да и запластитъ
 Опрятъ меня молодешенька.
 Отъ тебя-гой, мой сватушка.
 Всѣ огни загорался,
 Всѣ дѣла составлялися,
 Всѣ искры разсыпалися,
 Тебѣ подай Христось истинный
 Тебѣ свату лесливому
 Кумоха-то (55) тресливая,
 Да три чирья въ бороду,
 Четвертый подъ горлышко,
 вмѣсто краснаго солнышка.
 Тебѣ подай Христось истинный
 Тебѣ свату лесливому
 На дворѣ заблудитися
 И столбу поклонитися.
 Тебѣ подай Христось истинный
 Молокомъ захлебнутися,
 Киселемъ подавитися...
 . . . . .
 Тебѣ подай Христось истинный
 Тебѣ свату лесливому
 Ровно тридцать сыновей,
 Полтретьядцать дочерей.
 Сыновей тебѣ не женивать,
 Дочерей не отдавывать.
 Тебѣ подай Христось истинный
 Тебѣ свату лесливому
 Съ Шуенскаго волока (56)
 Коробца тебѣ своробу. (57)
 Со всея тебѣ волости
 Половина тебѣ болести..
 Это княжая сваховька,
 Толста, какъ мякинница,
 Черна, какъ медвѣдица...
 А поѣжане-то бравые,
 Что собаки-то драныя,
 Нагонили, наѣтали
 На клюкахъ да пожогахъ. (58)
 У насъ нѣтъ припашогаго,
 Нѣтъ овина сушогаго;
 У насъ есть припашоное.—
 Одна душа красна дѣвица.

По окончаніи этого причета невѣста обыкновенно уже одѣта: на ней изъ красной штофной матеріи сарафанъ, бумажная воротушка, волосы собраны по-дѣвичьи—въ одну косу и лицо закрыто фатой. Женихъ съ дружкой и свахою идутъ въ кутъ и, поклонившись невѣстѣ, первый беретъ ее за правую руку, а сваха за лѣвую, дружка же, взявъ за руку жениха, ведетъ за собою его къ гостямъ. Невѣста кланяется всѣмъ присутствующимъ въ избѣ и садится рядомъ съ женихомъ за столъ на подостланныя въ суграхъ шубы. Вслѣдъ затѣмъ садятся за столъ всѣ поѣзжане, и гости начинаютъ обѣдать; но женихъ съ невѣстою ничего не ѣдятъ и не пьютъ. Когда подадутъ на столъ третье блюдо, случается, подходитъ къ столу посторонній мужикъ или паренъ, кланяется гостямъ и, обратясь къ тысяцкому, проситъ у него на „мячъ“, слѣдующими словами:

Господи Исусе Христе,
 Боже нашъ, помилуй насъ!
 И велѣно мнѣ молодцу
 На сегодняшний бѣлый день
 Къ вамъ приступиться,
 Пониже поклонитися,
 Съ вами поздороваться:
 Здравствуйте, господа сенаторы!
 Я не вашей конторы.
 Вышелъ я, господа,
 Изъ нижняго земскаго суда...
 Я не шведскій и не турецкій,

Я человекъ російскій ¹⁾
 .....
 .....
 Тысяцкій, князь молодой,
 Большой баринъ околичинъ,
 Свать, сваха, дружка, съ по-
 дружьемъ,
 Вершнички, запешнички
 Чашнички, наливальнички,
 И весь вашъ княжевоѣ полоть!

¹⁾ Здѣсь часто вставляютъ нѣсколько реченій не удобныхъ къ печати, единственною цѣлю которыхъ служить разсмѣшить слушателей; иногда же слышится пустой наборъ словъ, не относящихся къ дѣлу и ничего не выражающихъ. Наприм., въ родѣ слѣдующаго:

Былъ же я молодецъ
 Въ Токаревѣ концѣ,
 Погостилъ на крыльцѣ.
 Пришелъ Сырцовъ,
 Принесъ пироговъ концовъ.
 Хотъ ѣшь, хотъ гложь,
 Хотъ такъ положи,
 Я поѣлъ, поглоталъ,
 Остатки такъ же сжалъ.
 Вышелъ подъ лѣстницу,
 Стоить площадка яшницъ;

Взошелъ на крыльцо,
 Исусову сотворилъ моляту,
 Безъ дѣла дверей не отворилъ.
 Токо есть дѣло,
 Толкайся смѣло;
 Есть ключи, такъ постучись,
 На словахъ не вертись,
 А за лишнія словеса
 За двери, да и за волоса...
 (Прим. автора).

Мы на сегодняшній бѣлый денекъ
 По утру рано вставали,
 Горы, доли сѣкали,
 Пенья, колоды ломали,
 За быстрыя рѣки мосты стлали,
 Ухабы верстали,
 На широкую улицу отвода отворяли,
 Широку улочку разметали,
 По краямъ палочку разбросали,
 На широкой дворъ ворота отворяли,
 Вашихъ лошадей пропускали,
 И надавали имъ сѣна зеленова
 И овса-то едрѣнова.
 И пожалуйста господа
 Намъ на трудъ, на работу,
 На мячъ, на рогозу
 Небольшую честь,
 Рубликовъ шесть.

А мы, господа, были всѣ братья бѣл-
 ные,

И пожалуйста намъ денежки мѣдныя,
 Нѣтъ мѣдныхъ—давай серебра,
 Нѣтъ серебра—давай бумажки.
 Мы бумажки размѣнимъ
 По своей братьѣ раздѣлимъ...

.....
 .....
 Еще, господа, дайте намъ штофъ вина,
 Да пива ушать,
 Больше не станемъ у васъ ничего
 просать.

Ни свѣтъ свѣтается,

Ни утренняя заря знаменается,
 Не красное солнышко изъ-за горъ
 выкатается

Со лучами со ясными,
 Со маревами (59) теплыми,
 Это нашъ князь молодой
 Встаетъ на рѣзвы ножки,
 На сафьяные сапожки,
 На полуженные гвоздочки.
 Не береза шатается,
 Слезами улизается,
 Нашъ князь молодой
 Ко родимому батюшку приступаетъ,
 Тако-жъ и родимой ко матушкѣ.
 Родимый ты мой батюшко,
 Тако-жъ и родимая матушка!
 Я у васъ на сегодняшній бѣлый
 день

Не прошу я у васъ ничего,
 Я ни злата, ни серебра.

Я прошу у васъ на сегодняшній
 бѣлый день

Платя самоцвѣтнаго,
 И ковя самолучшаго,
 Еще благословенья великаго,
 Ъхать мнѣ на чужу-дальну сторону
 По супругу-супружницу,
 Ъхать по дѣвину,
 Чтобы мнѣ съ ней жить,
 На любовь, да на совѣтъ,
 На тайныя рѣчи
 На кудряватыя дѣти.

По окончаніи обѣда родители невѣсты дарятъ жениха, дружку, тысяцкаго и сваху кумачемъ на рубашки, плисомъ на брюки, кушаками, полотенцами, платками, а прочихъ гостей потчуютъ пряниками и орѣхами. Затѣмъ дружка со стороны жениха, положивъ въ стаканъ вина какую-нибудь монету, проситъ брата невѣсты выпить, обращаясь со словами: „Ну-ка, братецъ, выпей, да отдай намъ сестрицу; а какъ еще попьешь, такъ и грошъ найдешь!“ Братъ, выпивъ вино и взявъ себѣ монету, отвѣчаетъ: „берите и къ себѣ везите!“ Потомъ отецъ и мать благословляютъ невѣсту образомъ и хлѣбомъ-солью такимъ же порядкомъ, какъ прежде было сказано о благословеніи жениха его родителями. По оконча-

нѣ этого обряда родственники невѣсты и посторонніе со слезами прощаются съ нею. Наконецъ, дружка, взявъ въ руки образъ, которымъ благословляли невѣсту, беретъ ее за руку и выводитъ на улицу, гдѣ садитъ въ сани съ одной изъ близкихъ родственницъ, называющейся свахою, участвующею въ поѣздѣ. Женихъ съ свахою съ своей стороны садится въ другія сани и ѣдетъ вслѣдъ за дружкой впереди невѣсты. Дружка съ образомъ въ рукѣ занимаетъ особыя сани и первый открываетъ свадебный поѣздъ. Въ поѣздѣ принимаютъ участіе также гости со стороны жениха и невѣсты. Они за столомъ, по обыкновенію, порядкомъ выпили, и потому ѣдутъ скоро, шумно, съ веселыми пѣснями, сливающимися съ звономъ колокольчиковъ, звонокъ и бубенцовъ, даютъ знать о свадебномъ поѣздѣ на большое разстояніе.

Пріѣхавъ къ церкви, дружка идетъ со священникомъ, женихъ съ невѣстою ожидаютъ его на церковной паперти. Сюда приходитъ священникъ съ крестомъ въ рукѣ и, давъ имъ приложиться къ кресту, открываетъ входъ въ церковь. Предъ началомъ вѣнчанья сваха расплетаетъ косу невѣсты и оставляетъ волосы ея распущенными по плечамъ. Передъ тѣмъ временемъ, когда священникъ долженъ накладывать на голову невѣсты вѣнецъ, сваха снимаетъ съ нея фату. Послѣ вѣнчанья она заплетаетъ волосы невѣсты по-бабьи, въ двѣ косы и подъ платокъ на голову ея надѣваетъ повойникъ (родъ круглой шапочки съ разрѣзомъ на одной сторонѣ и тесемками). Въ это время дружка раздаетъ изъ короба всѣмъ, находящимся въ церкви, крожное, т.-е. пряники и орѣхи.

Послѣ вѣнчанья свадебный поѣздъ направляется обыкновенно въ то селеніе и къ тому дому, гдѣ новобрачные будутъ жить, если женихъ и невѣста были прихожане одной церкви; въ противномъ случаѣ всегда къ дому невѣсты, такъ какъ вѣнчанье бываетъ въ церкви на ея родинѣ. Въ обратный путь новобрачныхъ сопровождаетъ священникъ въ эпитрахили и съ крестомъ въ рукѣ и ѣдетъ впереди свадебнаго поѣзда вмѣстѣ съ дружкой, у котораго въ рукахъ образъ. За ними слѣдуютъ новобрачные въ однихъ саняхъ, а тамъ и прочіе поѣзжане.

Въ домѣ встрѣчаютъ новобрачныхъ отецъ и мать жениха съ лукошками ячменя, пшеницы и хмѣля. На послѣдней ступени крыльца молодые, выйдя изъ саней, кланяются родителямъ въ ноги и входятъ на крыльцо; послѣдніе, чтобы жить но-

новобрачнымъ богато, осыпаютъ ихъ на пути сначала зерномъ и потомъ хлѣбомъ. Въ избѣ цѣлуютъ новобрачныхъ въ щеки родители ихъ, родственники и гости, не бывшіе въ церкви, поздравляя съ законнымъ бракомъ. Потомъ молодые садятся за столъ на разостланныя на лавкѣхъ вверхъ шерстью шубы; подлѣ, съ правой стороны, садится священникъ съ причтомъ, а съ лѣвой—родители новобрачнаго, если свадебный столъ въ домѣ невѣсты, или наоборотъ. Родственники и гости занимаютъ остальные мѣста за столомъ. Дружка разрѣзываетъ лежащій посреди стола большой пряникъ, въ $\frac{3}{4}$ арш. длиною и $\frac{1}{2}$ арш. шир., средину его съ изображеніемъ рыбы даетъ новобрачнымъ, которые дѣлятъ ее пополамъ и ѣдятъ, и прочія части пряника дружка рѣжетъ на куски и раздаетъ всѣмъ сидящимъ за столомъ. Въ это же время хозяева дома подносятъ всѣмъ гостямъ, начиная со священника, по стакану вина. Каждый изъ нихъ, вставъ на ноги, кланяется новобрачнымъ и, выпивъ вино, закусываетъ пряникомъ. Съ этимъ вмѣстѣ церемонія кончается и каждый гость начинаетъ ѣсть. Послѣ каждой перемѣны блюдо хозяева въ домѣ обносятъ гостей пивомъ или виномъ. Такимъ образомъ, пиршество продолжается два и три часа. Кромѣ обязанности хозяевъ потчевать гостей, сидящихъ за столомъ, они должны привѣтливо обойтись съ каждымъ приходившимъ въ это время въ избу, и поднести стаканъ вина или пива каждому сосѣду, который приноситъ въ это время новобрачнымъ коровой (ковригу) ржаного хлѣба.

По выходѣ изъ-за стола священникъ, держа въ правой рукѣ крестъ, съ пѣніемъ: „О Тебѣ радуется, Благодатная...“ ведетъ новобрачныхъ за руки на подклѣтъ, т.-е. въ лѣтнюю горницу, гдѣ приготовлена для нихъ постель. Гости большею частію ночуютъ въ томъ же домѣ, гдѣ пировали. На утро ходитъ дружка будить молодыхъ, по мѣстному выраженію: „поднимать съ постели“. При этомъ нѣтъ никакихъ особенныхъ обрядовъ. Весь первый день свадьбы молодые проводятъ вмѣстѣ съ гостями въ пиршествѣ. На второй день частію продолжается также пиршество, только менѣе замѣтно уже разгула и молодечества. На третій день послѣ свадьбы новобрачные съ своими родственниками и всѣми гостями ѣдутъ пировать въ домъ родителей молодого, если свадьба происходила въ домѣ жены его; въ противномъ случаѣ—наоборотъ. Пиршество это носитъ названіе „хлѣбнѣ“; продолжается

иногда два дня, и имъ заканчиваются всѣ свадебныя пиршества крестьянъ Тотемскаго уѣзда.

б) Свадебныя обычаи и пѣсни въ Шонгско-Николаевской волости, Никольскаго уѣзда.

Нѣсколько иначе справляется свадьба въ Никольскомъ уѣздѣ; но въ главныхъ чертахъ, конечно, есть все-таки много общаго.

Здѣсь я хочу описать кратко процессъ свадьбы, записанной мною нынѣшняго лѣта со словъ и по рассказамъ причѣтника-крестьянина, живущаго въ Шонгско-Николаевской волости.

Думаю, не лишнимъ будетъ, если я напередъ скажу о немъ нѣсколько словъ. Это въ настоящее время уже довольно пожилой крестьянинъ, такъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, средняго роста съ курчавыми, мелко-вьющимися, наполовину сѣдыми волосами, почему и извѣстенъ почти во всѣхъ окрестныхъ волостяхъ, куда его часто возятъ на свадьбы для причетовъ, подъ именемъ „Максима Кудряша“. Грамоты онъ не знаетъ—не учился, но обладаетъ большою памятью. Напримѣръ, онъ знаетъ, говорятъ, наизусть всѣхъ святыхъ въ году. Прошлаго лѣта, побывавши на богомольѣ въ Кіевѣ, онъ запомнилъ имена всѣхъ угодниковъ, почивающихъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ томъ порядкѣ, какъ мощи ихъ лежатъ и какъ они перечисляются въ синодикѣ. Кого не знаетъ Максимъ Кудряшъ и въ смежныхъ окрестныхъ волостяхъ и не назоветъ по имени и отчеству? А также—кто не знаетъ и его?.. На разговорахъ онъ находчивъ и словоохотливъ: „безумолку говорить, только его слушайте!“ Голосъ у него совершенно женскій, контръ-альтъ, особенно, когда запоетъ; а пѣть онъ прежде любилъ, и въ хороводахъ дѣвичьихъ былъ первымъ запѣваломъ. Причеты, помѣщенные ниже, записаны отъ него изъ слова-въ слово.

Свадьба, обыкновенно, по его словамъ, справляется слѣдующимъ образомъ:

Когда придетъ парень въ возрастъ и не подлежить отбыванію воинской повинности, его стараются поскорѣе женить, чтобы не избаловался; для этого посылаются свать или сватья къ родителямъ намѣченной невѣсты. Если родители невѣсты согласны от-

дать за него свою дочь, назначаются смотры. Къ этому дню, т.-е. ко дню смотровъ, у неvěсты варится пиво и созываются гости—своя родня. Въ день смотровъ прїѣзжаетъ женихъ со своими родными и привозятъ съ собою пиво и стряпню. Невѣсту наряжаютъ, и она обноситъ родныхъ жениха водкой. Женихъ смотритъ ее, а родные неvěсты смотрятъ жениха. Когда она обнесетъ всѣхъ водкой, уходитъ въ кутъ, а родные жениха и онъ уходитъ на улицу, унося съ собою все привезенное ими. Потомъ свать со стороны жениха снова приходитъ въ избу и снова здоровається, и затѣмъ говоритъ: „Поглянулись ли мы вамъ, а неvěста ваша намъ понравилась? Если мы не понравились, отказывайте“. Родители неvěсты если не поглянулся женихъ, отказываютъ, а если понравился, говорятъ: „Милости просимъ!“ Тогда всѣ родные жениха и самъ онъ входятъ опять въ избу, молятся снова Богу и начинается пиршество. Если же неvěста не понравилась жениху, то, вышедши изъ избы, всѣ тотчасъ же уѣзжаютъ домой,—и это называется: „уѣхали съ мосту“.

У жениха и родныхъ его, когда они возвратятся съ улицы, обираютъ все верхнее платье и шапки и уносятъ въ другую, особую комнату, а ихъ садятъ за главный столъ, неvěстины же родные и гости садятся за другимъ столомъ, пониже. Сама неvěста садится рядомъ съ женихомъ. На столахъ сначала собираются кушанья съ неvěстиной стороны, а потомъ прикладываютъ свои кушанья и родные жениха; со стороны же жениха подается и водка. Потчуетъ всѣхъ гостей свать. На смотрахъ же неvěста даритъ жениха и родныхъ его. Пируютъ съ вечера и до другого вечера. Послѣ смотровъ, какъ у жениха, такъ и у неvěсты варится пиво.

За вѣсколько дней до свадьбы или самъ женихъ, или кто-либо изъ его родныхъ прїѣзжаетъ „укладывать срокъ“; т.-е. условливаются относительно дня свадьбы. Когда женихъ прїѣдетъ въ домъ, посылаютъ за дѣвушками, подругами неvěсты. Жениха садятъ за столъ и угощаютъ, а дѣвушки-подруги приходятъ къ неvěстѣ въ кутъ и тамъ поютъ:

Не съ помѡрю по мѡрюшку,
Да не съ помѡрю-то сїнему,
Завеслѡ-то погѡдушка,
Кораблѡ-те расплавались

Какъ не съ пѡ полю, пѡ полю
Соколы разлетались.
Залетѣлъ младъ—ясень соколь
Къ батюшкѣ на широкїя дворъ.

Какъ забѣхалъ незнамый гость
Къ матушкѣ во высокъ теремъ.
Дѣ суда, дѣ суда,
До суда-то до Божьяго.
Я не знаю-то, какъ назвать,

Не знаю, какъ завеличать.
Назову—чужой чуженинъ,
Взвеличаю—отецкій сынъ...
Перейди, да переступи
За одну половочку!..

Женихъ приходитъ въ куть къ невѣстѣ и получаетъ отъ нея дары, и въ свою очередь самъ дарить ее, большею частью деньгами.

Когда заварять пиво у невѣсты, дѣвушки каждый день ходятъ къ ней съ работою, а то и такъ просто, преимущественно вечерами, и причитаютъ:

Заварилъ-то мой батюшко,
Заварилъ пиво пьяное,
Перевару зеленова;
Пропустилъ-то кудрявый дымъ,
Что низко по сырой землѣ,
Широко по святой Руси,
Высоко по поднебесью.
Какъ вставала я мѣлода
По утру-то равешенько,
Выходила я мѣлода
На крылечко красивое.,
Навалилась я мѣлода
На перильца дубовыя,
Посмотрѣла я мѣлода
На всѣ чѣтыре стороны.
Какъ варить-то мой батюшко,

Что варить пиво пьяное,
Перевару зеленова.
Я спрошу тебя, батюшко:
Ты къ которому празднику?
Чась (60) Покровъ-то у насъ про-
шель,

А Ильинъ-то (61) день нѣ дошель.
Мнѣ-ка чуется-слышится,
Что варишь ты, мой батюшко,
Ты варишь пиво пьяное
Про своихъ, про любыхъ гостей,
Про моихъ про разлучниковъ,
Которые-то гости хотятъ
Разлучить меня мѣлоду
Со родомъ, да со племенемъ,
Со родимой сторонушкой.

Въ каждый вечеръ причитаютъ разное.

Утромъ наканунѣ свадьбы женихъ или его отецъ прѣзжаетъ на погостъ къ своему приходу съ гостинцами церковно-служителямъ (лагунъ (62) пива, каравай хлѣба, баранины и пироги); платятъ имъ деньги за вѣнчаніе, если женихъ одного прихода съ невѣстою, дарятъ священнику на рубашку полотна и два полотенца: ему и его женѣ, также діакону и псаломщику по полотенцу.

Вечеромъ, наканунѣ же свадьбы, въ домѣ невѣсты бываетъ дѣвешникъ, на который созываютъ всю свою родню и подругъ невѣсты. Когда всѣ соберутся, начинаются причеты. Гости пьютъ и ѣдятъ, а невѣста сидитъ въ кути и плачетъ, причитая:

Всѣ рѣчки, всѣ рѣченьки
Въ одно мѣсто сбѣгались,

Всѣ гости, всѣ гостейки
Въ одинъ домъ-то сбѣзжались,

Ко родимому батюшкѣ
 На пиры на почетные,
 Ко родимой-то матушкѣ
 На столы снаряженые,
 Ко родиму милу братцу
 На подачи на частыя,
 Ко любой-то невѣстушкѣ
 На поклончки низкіе,

Ко мнѣ молодешенькѣ
 На горѣ, да на кручину,
 На печаль на великую,
 На разстань на широую.
 Завтра-то по утру равѣ
 Ставу я разставатися
 Со всѣмъ родомъ, да племенемъ,
 Со родимой сторонущкой.

Дѣвишникъ обыкновенно продолжается всю ночь почти до свѣту. На свѣту поютъ:

Спасибо тебѣ, подруженька,
 За хлѣбъ за соль великую,
 За гостебу любимую!
 Посмотри-ко, подруженька,—
 На широкой то улицѣ

Бѣлой свѣтъ-то свѣтается,—
 Дивій вѣкъ коротается,
 На чужой-то на стѣонѣ
 Торолятся, да ладятся
 По меня молодешеньку...

Въ день свадьбы по утру бываетъ „бѣлая баня“.

Послѣ дѣвишника выходятъ не надолго изъ избы, затѣмъ возвращаются и поютъ:

Мы не сами собой пошли,
 Посылала наряжала
 Да любая подруженька.

Невѣста:

Мои служки, вы служки,
 Вы рѣзвыя ноженки!
 Доведите, подруженьки,
 До родимаго батюшки.—
 Я пришла къ тебѣ, батюшко,
 По поруку-то крѣпкую,—
 Поручися, мой батюшко,
 По моей по косѣ русѣ,
 По моей дивьей красотѣ,—

Итти въ баню въ опарушу,
 Въ новую, устроѣнную,
 Въ бѣлую подвѣнчную.—
 Мнѣ родимой-то батюшко
 Мнѣ порука крѣпкая,
 Мнѣ имѣна великая;
 Измѣнилъ мнѣ батюшко
 До поры да до времени...

Такимъ же образомъ водятъ и къ матери за *порукой*.

Затѣмъ невѣсту ведутъ въ баню, т. е. въ другую избу, при-
 готовленную и, стукнувъ кулакомъ въ дверь, отворяютъ и поютъ:

Что сказали во банюшкѣ,
 Есть и столбики тѣчены.
 Что на первомъ-то столбикѣ
 Лежитъ мыло-то бѣлое,
 На другомъ-то на столбикѣ
 Лежитъ шелковый вѣничекъ.
 Обманули подруженьки—

Это только изъ банюшки
 Не укусный-то духъ несетъ;
 Тутъ-то мьется, да парится
 Злодѣй кика бѣлая;
 Она моется, парится
 Да меня дожидается,
 Говорить—похваляется:

Я сшибу, сшибу съ дѣвушки,
Сшибу дивью-то красоту,
И я сяду ко дѣвицѣ

Повертъ буйныя головы,
По конецъ тонкихъ волосовъ!

Невѣста уходитъ куда-нибудь, чтобы переодѣтъ нижнее бѣлье, — а молодежь — дѣвицы пляшутъ и поютъ. Сюда приносятъ и пиво. Гости въ это время остаются въ старой избѣ. Переодѣвшись, невѣста приходитъ, садится и плачетъ. Дѣвицы берутъ ее подъ руки; она встаетъ передъ образами, крестится и говоритъ:

Спасибо тебѣ, баня паруша.—
Я помылась попарилась.

Потомъ невѣсту ведутъ изъ бани къ гостямъ въ избу и поютъ:

Раскатись, баня паруша,	Не пройди, не проѣхати!..
На всѣ на три стороны,	Ужъ мнѣ дай-ко ты, батюшко,
На четвертую сторону—	Перевозы-то легкіе,
На широкую улицу,	Переброды-то мелкіе,
Ко родимому батюшкѣ,	Со любимъ-то подруженькамъ
Ко крылечку красивому,	Перейти, переѣхати!
Чтобы князьямъ-боярамъ	

Когда приведутъ невѣсту въ старую избу къ гостямъ, садятъ въ куть. Въ это время къ дому невѣсты уже приближается поѣздъ жениха. Дѣвушки поютъ:

Что не синь-то синѣется,
Что не чернь-то чернѣется,—
Это черень-то чернѣется—
Добрыѣ воронъ кони;

Это синь-то синѣется
Да князь-то все бѣяре,
Это красъ-то красѣется
Это сваховъки княжевы*.

Между тѣмъ поѣздъ жениховъ подѣхалъ къ дому; дружка подходитъ къ окну и стучитъ, приговаривая: „Сватъ сватя, наѣхала свадьба: давай аминь. А во свадьбу такъ не ходи!..“ Потомъ всѣ поѣзжане входятъ въ сѣни, и въ сѣняхъ дожидаются, пока не встрѣтятъ ихъ съ пивомъ. Въ это время въ домѣ дѣвицы поютъ:

Это что у тебя, батюшко,
Что за вѣра за новая,
Что за гости наѣхали?..
Ужъ какъ нынче, да нынче
У родимаго батюшки
Среди широка двора,
На мосту на калиновомъ

Не два ясные сокола
На мосту солеталися,
Высоко подымалися;
Не двѣ друженьки княже
Поблизку соходилися,
Да пивомъ помѣнялися.
Мой ты свѣтъ, да ясенъ соколъ,

Ты родимый мой батюшко!
Промѣняль ты, мой батюшко,
Ты на пиво на пьяное,

Промѣняль меня молоду
На чужу дальнюю сторону,
За чужова чуженна.

Также причитають и свахамъ:

Не двѣ ласточки-касаточки
На мосту солетались,
Высоко подымались;

Не двѣ сваховки княжя
Поблизку сходилися и т. д,
до конца: за чужова чуженна.

Жениха съ гостями встрѣчаютъ на сѣняхъ, обносятъ ихъ пивомъ, и они входятъ въ избу. Дѣвицы поютъ:

Мой ты свѣтъ, да ясенъ соколь,
Мой родимый ты, милый братъ!
Ты соями, соями, милый братъ,
Соями волю и большую
Со родимаго батюшки
И со родимой матушки!
Призадержи-ко, милый братъ,
На стѣнѣ святы образы,
Да чтобы князьямъ-боярамъ
Не чему перекстится,
Не чему поклонится.
Да чтобы князья-бояра
На то бы осердились,
Назадъ-бы воротилися,
Да меня бы оставили
У родимыя матушки
Во высокомъ-то теремѣ!..
— „Ужь какъ ныче, да нычече,
Мой ты свѣтъ, да ясенъ соколь,
Ты родимый мой батюшко!
Призадержи-ко, батюшко,
На стѣнѣ святы образы,
Да шелковыя пѣлены,

Чтобы князьямъ-боярамъ
Есть чему перекстится,
Есть чему поклонится;
Да чтобы князья-бояра
На то не разсердились,
Назадъ не воротилися,
Да меня не позабыли;
Да чтобы мнѣ-ка молодѣ
На чужой-то на сторонѣ
Мнѣ укору-то не было
— Выдвигай-ко ты, матушка,
Ты изъ сутокъ по лавочкѣ
Ты своихъ-то милыхъ гостей!
Ты давай-ко-ся мѣстечко
Князьямъ-то, да боярамъ,
Чтобы князья-бояра
На то не разсердились,
Назадъ не воротилися
Да меня не позабыли;
Да чтобы мнѣ-ка молодѣ
На чужой-то на сторонѣ
Мнѣ укору-то не было“.

Невѣстины гости выходятъ изъ-за стола и даютъ мѣсто жениху съ поѣзжанами; женихъ садится въ передній уголъ въ рукавицахъ. Дружка обноситъ пріѣзжихъ и всѣхъ гостей пивомъ. Потомъ призывается мать невѣсты, или кто-нибудь изъ родныхъ одѣвать невѣсту къ вѣнцу. Дѣвушки поютъ:

— Это какъ, моя матушка,
Твои рѣзвыя ноженьки
Рѣзво приступаются?

Твои бѣлыя рученьки
Легко подымаются?—
Наряжаешь ты, матушка,

Меня молодешеньку
Ты не въ гости-то гостейкой.—
Ко златому вѣнцу вѣхати,

Какъ отъ златова вѣнца
На чужу-дальну сторону!

Одѣвши, закрываютъ ее платкомъ. Дѣвицы поютъ:

Какъ закрыли, завѣсили
У родимаго батюшки,
Во высокомъ-то теремѣ,
За которую за-пеню, (63)
За какую проступочку.
Это будто я молода
Шибко не проступилася,
Шибко не провинилася.
Ужъ мнѣ дайте-ко на очи

Мнѣ родимова батюшку
Поскорѣ—наускорѣ,
При пути—при дороженькѣ
Мнѣ съ нимъ хочется видѣться,
На роду-то не въ первые
На вѣку не въ послѣднѣе
Мнѣ-то только въ послѣднѣе
Душею красной дѣвицей!

Такъ же призываютъ потомъ мать, братьевъ и сестеръ.

Послѣ этого невѣсту ведутъ изъ кути за столъ и поютъ:

Не моги ты, мой батюшко,
Со мной торопитися,
Моги подорожитися.
Не сдавай меня, батюшко,
Со шелковыхъ-то рученекъ
Меня на бумажныя!..
Отставала было лебедь
Отъ стада лебединого,

Приставала было лебедь
Ко стаду ко сѣрымъ гусямъ.
—Не щиплите, сѣры гуси,
Вы лебедушки бѣлыя;
Не сама я залетѣла
Завели-то подруженьки,
Завели, да оставили“.

Невѣста садится за столъ къ жениху. Вскорѣ родители благословляютъ дочь образомъ и хлѣбомъ-съ солью, сначала отецъ, потомъ мать. При благословеніи поютъ:

Не прошу у тебя, батюшко,
Я ни злата, ни серебра,
Ни большова приданова;
Я прошу у тебя батюшко
Благословенія великаго.
Благослови меня, батюшко!..

Твое-то благословеньице
Изъ синя-моря вынесетъ,
Изъ темна-лѣса выведетъ,
Отъ людей будетъ молодѣ
Оборона великая!..

Послѣ благословенья выводятъ невѣсту на улицу и садятъ въ сани. Дѣвицы въ это время поютъ:

Мой ты свѣтъ, да ясенъ соколь,
Ты родимый мой, милый братъ!
Ты мнѣ вѣкъ не досаживаль,
Какъ теперь-то мнѣ досадилъ:
Посадилъ меня, милый братъ,

На чужова добра коня;
Чужова я добра коня
Не поила, не кормила,
Бѣдить не обязалася!..

Весь поѣздъ ѣдетъ на погость. Иные прѣзжаютъ прямо въ церковь и тамъ дожидаются вѣнчанья, а иные первоначально къ

дому священника, а потомъ уже въ церковь. Въ церковь невѣсту приводятъ завѣшенную фатой. Передъ совершеніемъ таинства брака сваха расплетаетъ невѣстѣ косу и снимаетъ съ нея фату, а затѣмъ женихъ беретъ ее за руку и ведетъ подъ вѣнецъ.

Послѣ вѣнчанья всѣ ѣдутъ въ домъ жениха. На крыльцѣ новобрачныхъ встрѣчаютъ отецъ и мать невѣсты и бросаютъ имъ подъ ноги пшеницу и овесъ, чтобы имъ жить богато. Когда они войдутъ въ домъ, на средину избы выходитъ дружка и громкимъ голосомъ говоритъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Есть ли въ этомъ домѣ, во свѣтлой свѣтлицѣ, во новой горницѣ родимый батюшка и родимая матушка? а нѣтъ родимаго батюшки и родимой матушки, то родимый братъ, вмѣсто отца, или родимая сестра?“ На этотъ зовъ его выходятъ отецъ и мать жениха, или замѣняющіе ихъ, и благословляютъ сначала иконою, а потомъ хлѣбомъ-солью; поздравляютъ съ законнымъ бракомъ и садятъ въ передній уголъ—въ сутки, на подостлавныя на лавкахъ шубы—тоже, чтобы имъ жило богато. По ту и другую сторону новобрачныхъ дружка усаживаетъ родныхъ невѣсты и свахъ, а также и родственниковъ жениха. Вообще, во время брачнаго стола дружка главный распорядитель пиршества. Всѣ усядутся, дружка снова становится по срединѣ избы и говоритъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Есть ли въ этомъ домѣ, во свѣтлой свѣтлицѣ, во новой горницѣ родимый батюшка и родимая матушка? а нѣтъ родимаго батюшки и родимой матушки, то родимый братъ, вмѣсто отца, или родимая сестра?.. Пора подавать яства!“ На столъ ставятъ кушанья и всѣхъ обносятъ пивомъ и виномъ. Передъ каждою переменною кушанья дружка выходитъ изъ-за стола и повторяетъ свои слова, замѣняя слово „подавать“ словами „перемѣнять яства“.

Брачный столъ продолжается до полуночи, и затѣмъ сваха и тысяцкій подъ предводительствомъ дружки ведутъ новобрачныхъ на подклѣтъ. Но гости еще долго пируютъ. Сваха же, тысяцкій и дружка по-утру идутъ будить новобрачныхъ, и если они долго не встаютъ, то ихъ оканиваютъ холодною водою. Когда новобрачные встанутъ, начинается снова пиршество до поздняго вечера. Вечеромъ въ этотъ день дружка и тысяцкій отправляются созывать сосѣдей въ гости, къ такъ называемому „красному столу“, который бываетъ въ слѣдующій день. Для этого дружка беретъ

въ руки помело и навязываетъ къ нему колоколець, а тысяцкій мѣтлу; идутъ она по деревнѣ и стучать подь окнами тѣхъ домовъ, хозяева которыхъ приглашаются въ гости.

На слѣдующій день (третій послѣ вѣнчанья) гости-сосѣди приходятъ и приносятъ съ собою новобрачнымъ хлѣбъ-соль (пирогои и пряники). Пиршество продолжается дня четыре. Потомъ молодые со своими родными и близкими родственниками ѣдутъ въ гости, на такъ называемые „хлибины“, къ родителямъ невесты и тамъ гостятъ дня два. Этимъ пиршество свадебное и кончается. Возвратившись оттуда домой, молодые принимаются за свои домашнія работы,—и жизнь пойдетъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Вологда.

Мих. Нуклинъ.

16 Сентября 1891 г.

Объясненіе мѣстныхъ словъ и выраженій.

1. *Сутки*—передній уголъ избы, гдѣ находится божица; въ другихъ мѣстахъ называютъ красный уголъ. *Стѣтъ съ сутки*—сѣсть подь образа.—
2. *Голбець*—необходимая принадлежность каждой крестьянской избы. Онъ устраивается такимъ образомъ: на разстояніи $1\frac{1}{2}$ арш. отъ бока печи внутрь избы дѣлается загородка вышиною на $\frac{1}{2}$ арш. менѣ высоты печи, и верхнее пространство между загородкой и печью настилается досками. Внутри голбца часто устраиваютъ входъ въ подполье или же для послѣдняго случая поднимается одна изъ половыхъ досокъ. Внутреннее помещеніе голбца служитъ вмѣсто чулана.—
3. *Сотлѣница*,—тоже, что горница, комната съ косячатымъ окномъ.—
4. *Сердѣшый, сердѣчный*—любезный, близкій къ сердцу.—
5. *Глѣнется, мѣняется*—видится, кажется.—
6. *Чужбій чуженикъ*—такъ называется женихъ до совершенія брака.—
7. *Докучанѣице* умен. отъ сл. докучанье—усиленная, неотступная, частая просьба.—
8. *Приусмѣкло*—сдѣлалось мягкимъ.—
9. *Що*—вм. что.—
10. *По-мѣнулось и показалося* употребляется часто въ значеніи слова—понравилось.—
11. *Хорѣмы*—жилое деревянное строеніе.—
12. *Сусѣкъ горбатый*—закромъ въ амбарѣ, насыпанный хлѣбомъ выше краевъ, съ верхомъ.—
13. *Казачѣха, козачѣха*—работница, наѣмная женщина, батрачка. *Козакъ*—работникъ. *Козакъ молуѣтничекъ*—работаетъ 3 дня въ недѣлю на хозяина, 3 дня на себя.—
14. *Токѣ*—вм. только. Здѣсь должно понимать: пришелъ часъ—и вдругъ все прошло и миновалось.—
15. *Дружка*—другъ, пріятель жениха, распоряджающійся угощеніемъ на свадьбѣ.—
16. *Приудѣицнуть окнѣнку*—значитъ немного открыть окно. Оконная рама въ крестьянскихъ избахъ раздѣляется на двѣ половины: одна утверждается неподвижно, другая движется въ пазахъ, сдѣланныхъ въ верхнемъ и нижнемъ косякѣ.—
17. *Церковь Всемилоствигаю Спаса* есть приходская въ волости.—
18. *Медѣ. ѿ, с. ж.*—вода, подслащенная медомъ, сѣта.—
19. *Скрутушка* умен. отъ *скрута*—всѣ принадлежности одежды; проиходитъ отъ гл. возвр. сов. вид. скрутиться—одѣться. Слово скрута нерѣдко употребляется и теперь. Говорятъ: „вотъ моя скрута!“ показывая на одежду.—
20. *Двейничекъ, двейничекъ, с. м.*—день наканунѣ свадьбы, въ который дѣвѣнцы прощаются съ невестой, своей подругой, при пѣніи свадебныхъ

пѣсьонъ. Въ этотъ же день невѣста обязана мыться въ банѣ.—21. *Утишка*, с. ж. умен. слово отъ *утишище*—покойное, тихое мѣсто, гдѣ ничѣмъ не нарушается спокойствіе природы.—22. *Государевъ*, а, употребляется и нынѣ въ. словъ: дорогой, любимый. Говорятъ, наприм. „Государаво дятатко, обращааясь къ дятати.—23. *Укладные топоры*, которыхъ лезвія стальныя, а стороны и обухи желѣзныя.—24. *Сѣхона*—рѣка въ Вол. губ., по которой расположенъ Тотемскій уѣздъ.—25. *Кика, кита*—старинный женскій головной уборъ, шитый золотомъ, съ тульею нѣсколько расширенною къ верху. Кики носили однѣ только бабы, т. е. выданныя замужъ. Словомъ *китию* называютъ и теперь въ Новгород. губ. головной уборъ, шитый золотомъ, похожій на уланскій киверъ.—26. *Перевѣдочка, переводышка* с. ж. умен. отъ переводина—перекладина, брусъ. Онѣ кладутся параллельно, и на нихъ настилается полъ.—27. *Сусѣды порядные*, которыхъ дома по одному порядку, по одной линіи въ улицѣ.—28. *Обрядитъел*—слово употребляемое во всей Волог. губ., значитъ собственно заниматься хлопотами по домашнему хозяйству, т. е. истопить печь, приготовить обѣдъ, ужанъ, вымыть посуду. Всѣ дѣйствія кухарки или повара въ отношеніи отправленія ихъ обязанностей носятъ названіе *обрядовъ*.—29. *Братчина, братчина*, ы, с. ж. старин. сл.—семейное или общественное пиршество.—30. *Браная скітерт*—при тканьи такой скатерти выбираются различныя узоры, и потому она называется *браною*.—31. *Посѣлка*, и стар. человѣка, котораго можно послать куда, нарядить.—32. *Уйрчица*—бойкая, бѣдовая, какъ говорятъ заугаръ-дѣвка.—33. *Зажимчивъ*, а, о—неподатливъ, несговорчивъ, непреклоненъ. *Зажимчиво сердце*—неподатливо на любовь.—34. *Цѣвочка, цѣвка*—трубочка, валикъ, на который навиваютъ нитки при тканьи.—35. *Пята*—петля желѣзная, на которой виситъ дверь. Выраженіе: „съ косяка двери на пятю“—значитъ: отворить, распахнуть дверь.—36. *Родаши причитаются*, т. е. родными считаются.—37. *Скѣбы, скѣбки* приколачиваются къ каблукамъ сапоговъ, башмаковъ для крѣпости.—38. *Не сично*—неплотно, не какъ сито.—39. *Полужбныя*—вылощенные, гладкія.—40. *Съ обокривами*—съ густой бахромой, съ кружевами.—41. Обращаясь къ бабамъ, сидящимъ въ кути съ невѣстою, дѣвицы называютъ ихъ—*сраговѣттыми* т. е. злыми, сварливыми, а себя бѣсоватыми, шаловливыми.—42. *Просужій*—умный, скромный.—43. *Прѣторъ*—надержки, расходы.—44. *Брунѣстова*—многовернистаго.—45. *На волоти*—на себлѣ, на волокнѣ.—46. *Наряжнѣише*—умен. отъ слова *наряжанье*, отъ гл. *наряжать*—распорядиться послать на работу.—47. *До шерѣ*—до мелкаго камня, до хряща.—48. *Прорубаны*—прорублены.—49. *Сидина* овинныя—окна, въ которыя садятъ снопы на овнѣ сушишь.—50. *Пѣсти*—покрывала, попоны на лошадахъ.—51. *Очѣсленый*—отъ слова *честь*, честный, благородный.—52. *Не скрѣбоско ступій*—тихо ступай, не стучи.—53. *Тяжѣсѣхи висковѣттыя*—шапки съ наушниками.—54. *Лѣсливый* отъ сл. *лѣсть*—значитъ лѣстивый, обманчивый.—55. *Кумога*—лихорадка.—56. *Съ Шуѣнскаго волокна*—съ волокна близъ села Шуѣнскаго, находящагося въ 90 в. отъ г. Вологды.—57. *Свѣробу*—коросты, хруны.—58. *Пѣжонъ*—обгорѣлые багоги, которыми въ печкахъ шевелятъ загребають уголья.—59. *Мѣрево*—въ зарево, заря.—60. *Уась*—здѣсь въ значеніи теперь.—61. *Покровъ и Ильинъ день*—мѣстные праздники въ волости.—62. *Ланунъ*—боченокъ.—63. *Зѣ пеню*—за виню, за преступленіе.

Иранскіе богатыри въ средѣ Армянскаго народа.

Если всмотрѣться въ политическую карту древней Арменіи, то легко замѣтитъ невыгодное ея положеніе среди двухъ могущественныхъ державъ, попеременно оспаривавшихъ другъ у дружки вліяніе на своего ближайшаго сосѣда. Вся исторія Арменіи носитъ на себѣ глубокій отпечатокъ этой борьбы между Восточной Римской имперіей и Персидской монархіей, борьбы, ослаблявшей политическій устой этого государства, потрясавшей его цѣлымъ рядомъ войнъ то съ Западомъ, то съ Востокомъ, постоянно поддерживавшей непокорный духъ „нахараровъ“ (князей) въ ихъ распряхъ и усобицахъ съ властителемъ страны.

Но вліяніе этихъ сосѣдствъ сказалось не въ одномъ политическомъ состояніи Арменіи: оно шло гораздо глубже, захватывало самую культурную жизнь народа и на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ дало свои оригинальные плоды. Греческая образованность вызвала здѣсь энергичное умственное движеніе, произвела рядъ замѣчательныхъ писателей, трудамъ которыхъ мы обязаны цѣнными свѣдѣніями не только о прошлыхъ судьбахъ Арменіи, но и по исторіи Востока вообще ¹⁾.

Болѣе раннее и близкое сопрیکосновеніе съ Персіей запечатлѣлось несравненно сильнѣе на жизни армянскаго народа. Знаменательнъ уже тотъ фактъ, что персидское вліяніе ощутительно и въ древнемъ и еще болѣе въ современномъ народномъ армянскомъ языкѣ. Съ другой стороны, въ лицѣ Персіи Востокъ широко раскрывалъ передъ Армянами двери своего сказочнаго царства, гдѣ фантазія человѣческая такъ дивно развернулась во всей роскоши восточной природы. Разказы о славныхъ герояхъ Ирана,

¹⁾ На такое значеніе арм. письменныхъ источниковъ было обращено вниманіе сравнительно недавно, и вопросъ этотъ далеко еще не исчерпанъ; къ свидѣтельству арм. языка, къ сожалѣнію, также мало обращались; что же касается устныхъ преданій, изобилующихъ доселѣ въ народѣ, то источники этотъ, какъ мы увидимъ ниже, совершенно еще непочаты.

ласкавшіе слухъ не одной народной толпы, но и самихъ падишаховъ, легко могли плѣнить воображеніе армянъ, ближайшихъ сосѣдей персовъ. Это въ природѣ вещей. Каждый народъ въ колыбели своей жизни боготворитъ все то, что сверхъестественно, что выходитъ за предѣлы человѣческой возможности. Онъ охотно *отрываетъ* въ побѣды своихъ богатырей надъ разными чудищами, дѣвами, цѣлыми непріятельскими войсками и проч., приписываетъ имъ особенныя преимущества, окружаетъ ихъ имена все новыми, болѣе грандіозными подвигами. Онъ жадно ловитъ каждую эпическую новизну, легенду, „былину“, будь она чужая, лишь бы удовлетворяла его постоянно возбужденной фантазіи. Таковая же потребность является у дѣтей, когда они каждый разъ передъ сномъ требуютъ отъ няни рассказывать имъ сказки, чтобы уснуть убаюканнымъ подвигами царевича, несущагося на крыльяхъ Жарь-Птицы.

Несомнѣнно, всякое эпическое сказаніе, заимствованное извнѣ, прежде чѣмъ утвердиться въ народѣ, сначала должно приравниваться къ его быту, нравамъ, обычаямъ, всему міросозерпанію, и когда съ теченіемъ времени оно становится уже достояніемъ его, то послѣднему уже не трудно смѣшать чужихъ героевъ съ своими собственными, приписать имъ тѣ же качества, которыя были свойственны лишь его любимымъ богатырямъ.

Явленіе это, ставшее почти закономъ для всѣхъ народовъ вообще, получило свое оригинальное освѣщеніе въ армянской средѣ. Въ настоящее время пока трудно судить о количествѣ и характерѣ живущихъ въ ней *заимствованныхъ* преданій: армянская этнографія еще только зарождается; однако появляющіяся день ото дня въ печати многочисленныя сказки, былины, апокрифы, притчи, и проч. представляютъ уже солидный и цѣнный *матеріалъ* для специалиста, желающаго обратиться къ ихъ свидѣтельству ¹⁾; съ другой стороны, ему дастся случай ознакомиться

¹⁾ Дѣлу собранія устной народной традиціи было положено основаніе еще въ 40-хъ годахъ. Съ тѣхъ поръ рядъ періодическихъ изданій и специальныхъ журналовъ (*Базмаганъ*, *Арцвей Васпураканъ*, *Арменскіе Мамуль т. е. Восточная Пресса*, *Крункъ*, *Араратъ*, за послѣднее время: *Бюраканъ*, *Лумъ* и проч.) стали имъ удѣлять весьма почетное мѣсто. Однако, далѣе этого дѣло еще не пошло: собранный матеріалъ остается до сихъ поръ неразработаннымъ, даже не приведенъ въ известную классификацію.

съ нѣкоторыми характерными чертами творчества армянскаго народа: какъ оно разрабатываетъ чужое наслѣдіе, въ какой цвѣтъ, какую форму облакаетъ его. При этомъ, конечно, слѣдуетъ принять во вниманіе а) тѣ *историческія* условія, которыя способствовали широкому притоку инородческихъ сказаній; б) изучить тѣ разнообразныя *жытійныя* условія, которыя даютъ извѣстную редакцію преданію, налагая свою печать; наконецъ, в) уяснить, какимъ образомъ наслѣдуетъ то или иное сказаніе самъ *рассказчикъ*, какія измѣненія вноситъ его личность въ готовый уже матеріалъ, гдѣ и въ какой степени она выступаетъ изъ общей рамки и проч. Затѣмъ остается показать, что возростило чужое сѣмя, попавшее на армянскую почву.

Съ этой точки зрѣнія не лишены интереса варианты объ иранскихъ герояхъ, вращающіеся въ устахъ армянскаго народа.

Мнѣ довелось предпринять двѣ экскурсіи въ Эриванскую губ. (Закавказье), сначала въ Абаранъ (зимой 1899 г.) и затѣмъ въ Кульпу (весной 1899 г.; Кульпа славится между прочимъ своими соляными копами), которыя не безъ основанія считаются центрами народнаго творчества въ названной губерніи. И дѣйствительно, въ этихъ жалкихъ деревушкахъ, гдѣ неподатливая каменистая почва иногда отказывается удовлетворить самымъ необходимымъ нуждамъ земледѣльца (въ особенности въ Абаранѣ), еще процвѣтають различные виды пѣсень, переходятъ изъ устъ въ уста былина, сказка, пословица, шутка и проч., словомъ, все то, что краситъ бѣдное существованіе крестьянина съ малыхъ лѣтъ до могилы, сопровождаетъ въ его постоянныхъ странствованіяхъ, утѣшаетъ на чужбинѣ. Въ особенности здѣсь распространены сказанія о народныхъ любимцахъ: Давидъ и Мхеръ, и о богатыряхъ персидскихъ. Правда, вѣковое переселеніе изъ турецкой и персидской Арменіи, не прекращаемое и нынѣ, отнимаетъ у армянскаго народа часть его устной сокровищницы, постепенно ослабляетъ его память среди новыхъ заботъ, новыхъ условій жизни, однако же, несмотря на столь неблагоприятныя условія, Абаранецъ или Кульпинецъ еще хорошо помнитъ все то, что было имъ унаслѣдовано отъ отца, дѣда или знаменитаго „сказителя“ своего времени, самъ же передаетъ слышанное имъ въ свободные зимніе вечера толпящимся въ полутемномъ „одѣ“ крестьянамъ.

Кромѣ того, разъ въ годъ сюда являются, преимущественно,

мужчины изъ Мокса и Муша ¹⁾ за мелкимъ заработкомъ („стегать шерсть“, „работать войлокъ“) и во время своей работы рассказываютъ и поютъ преданія своей родины.

Такимъ образомъ, нить устныхъ сказаній не только не ослабляется, но постоянно поддерживается и возобновляется, благодаря притоку новыхъ переселенцевъ или случайнымъ гостямъ изъ турецкой Арменіи.

Персидскій эпосъ извѣстенъ въ армянскомъ народѣ подъ общимъ названіемъ „Рустами Заль“. Несмотря на заглавіе, содержаніе вариантовъ захватываетъ не одни подвиги знаменитаго иранскаго богатыря, но и другихъ пехлевановъ; во многихъ преданіяхъ даже вовсе отсутствуетъ Рустемъ, или выступаетъ въ самыхъ незначительныхъ роляхъ, какъ бы предоставляя поприще для болѣе юныхъ богатырей.

Изъ числа послѣднихъ наибольшей популярностью въ названной губерніи пользуется Бурзэ, совершающій рядъ подвиговъ въ странахъ „Оцмандага и Карадага“: онъ побѣждаетъ дэва-сэхрибаза, т. е. колдуна царя Полади Дарбанда, убиваетъ Катрана-пехлевана, освобождаетъ цари Оцмандага отъ дани и проч. ²⁾; цѣлая серия другихъ пехлевановъ (Фахрамазъ, Тхбурэ-Шэранъ, Катль-Ках-раманъ, Аршакъ Еранели, Хоіо Екдасти и др.) продолжаютъ еще поляковать въ странахъ дэвовъ, единоборствовать на майданѣ палицами стальными, сокрушать цѣлыя войска и проч.

Варианты эти, одно время несомнѣнно существовавшіе отдѣльно, слились у армянскаго народа подъ общимъ названіемъ въ цѣлую эпопею, рассказываются обыкновенно *въ связи* (хотя связь эта довольно разнообразная), а нѣкоторые изъ богатырей вошли даже въ кругъ его любимцевъ.

Явленіе это уже само по себѣ характерно, но еще важнѣе

¹⁾ Моксъ находится на южномъ и Мушъ на западѣ. побережьи Ванскаго озера (Турецкая Арменія).

²⁾ Въ виду несомнѣннаго интереса этихъ вариантовъ я счелъ нужнымъ перевести одинъ изъ нихъ, въ видѣ образчика, на русскій языкъ, хотя въ принципѣ и признаю нецѣлесообразность подобныхъ переводовъ, никогда въ точности не передающихъ всѣхъ оригинальныхъ чертъ творчества того или другого народа.

то освѣщеніе, которое благодаря имъ получаетъ армянскій народный эпосъ, въ особенности варианты о Мхерѣ; интересна та связь, которой народъ скрѣпляетъ имена *своихъ* и *чужихъ* героевъ.

Я отнюдь не имѣю намѣренія въ краткомъ очеркѣ подвергнуть вопросъ этотъ подробному анализу: его огромный интересъ требуетъ болѣе спеціальнаго труда; къ нему я вернусь при разработкѣ армянскаго народнаго эпоса, здѣсь же приведу нѣсколько интересныхъ сравненій.

Сначала отмѣтимъ, какъ народъ самъ смотритъ на поколѣніе новыхъ пехлевановъ. Одинъ изъ сказителей (Мурадъ Мхитаровъ) родъ ихъ ведетъ прямо отъ *Мхера*, которому наследуетъ сынъ его—Рустами Заль, побѣждающій бѣлаго дѣва. Это уже доказываетъ, что народъ пытается примирить столкнувшихся въ его памяти различныхъ богатырей, одаренныхъ необычайной силой, голосомъ, физической тяжестью и проч., арменизируя ивродцевъ. Въ другомъ вариантѣ (Василій Арутюянцъ), какъ *братъ* Зала упоминается *Давидъ*, котораго „15-пудовую палицу“ наследуетъ сынъ его Бурза. Въ томъ же вариантѣ *Дзэновъ Ованъ* вмѣстѣ съ Рустемомъ и Хопо помогаетъ вывести изъ ямы своего племянника Бурза и разрушить городъ плѣнившаго его царя. Интересно то, что въ подобныхъ же роляхъ (выведенія изъ ямы, разрушенія неприятельскихъ городовъ) мы встрѣчаемъ Ована и въ арм. эпосѣ; вся разница лишь въ томъ, что его могучій голосъ здѣсь является уже не индивидуальнымъ, но *родовымъ* даромъ. Дѣйствіе былинны беретъ свое начало изъ города Сасуна ¹⁾, почему и ея герои продолжаютъ еще носить общее прозвище „сасунскіе полоумные“.

Но это лишь одна сторона вопроса. Идя далѣе, мы найдемъ, что нѣкоторыя черты иранскихъ пехлевановъ наслоились на армянскихъ богатыряхъ и прежде всего на Мхерѣ, котораго образъ и подвиги во многомъ напоминаютъ Бурза. Отмѣтимъ такіе общіе эпизоды, какъ, напр.:

а) Встрѣча Мхера со старухой, которая въ вариантахъ Бурза принимаетъ образъ дѣва.

б) Странствованіе обоихъ богатырей внѣ предѣловъ Сасуна.

¹⁾ Это названіе до того укоренилось въ памяти народа (особ. жителей Турецкой Арменіи), что неизменно является во всѣхъ почти сказаніяхъ, въ родѣ Кіева въ русскихъ былинахъ.

в) Пребываніе въ подкопѣ (Срв. Давида Сасунскаго, Илью Муромца).

г) Разрушеніе враждебныхъ городовъ.

д) Защита оказываемая ими различнымъ государямъ.

Все это значительно сближаетъ наши варианты. Еще рѣзче бросается въ глаза ихъ сходство при сравненіи физической силы, богатырскихъ приемовъ, привычекъ и проч. обоихъ пехлевановъ:

а) Раздираніе на двое—обычная расправа у того и другого съ встрѣчнымъ дѣвомъ (старухой).

б) Любимое оружіе у обоихъ—вырванное съ корнемъ дерево.

в) Любимое занятіе—охота.

г) Армянскій и персидскій богатыри, подобно Святогору, грузинъ тѣломъ: Мхѣра не держитъ земля, подъ Бурзэ ломается ступь.

д) Наконецъ, оба героя представляются народному воображенію непобѣдимыми титанами, которыхъ не смѣетъ коснуться сама смерть.

Замѣчательнѣе всего то, что самъ народъ, какъ бы признавая ихъ сходство, видитъ въ нихъ обоихъ прямыхъ потомковъ Давида.

Несмотря на такое разительное сходство ролей и качествъ, съ которыми выступаютъ оба богатыря, однако думаю, это обстоятельство не должно отнюдь разрушить самостоятельность армянскихъ сказаній о Мхѣрѣ. Достаточно принять во вниманіе:

а) *Имя* этого героя, которое безъ измѣненія, конечно, не случайно, повторяется въ его многочисленныхъ вариантахъ.

б) Послѣ Давида Мхѣръ является любимѣйшимъ народу пехлеваномъ; во многихъ преданіяхъ его еще окружаютъ сасунскіе витязи.

в) Бой Мхѣра съ крылатымъ Астхикомъ, который, по моему, и есть древнѣйшая и основная часть этихъ вариантовъ, удѣляетъ имъ совершенно особое мѣсто въ ряду армянскихъ былинъ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ вкратцѣ содержаніе этого эпизода, который былъ приведенъ въ моемъ „общемъ очеркѣ арм. богатырскаго эпоса“ въ другой вариаци: по смерти Давида Мхѣръ мститъ за измѣнническое убійство отца, разрушая города Чмешникъ-султана. Въ одномъ городѣ онъ находитъ лишь старика съ дочерью: всѣ поразбѣжались отъ ужаса. Мхѣръ выдаетъ дѣвушку (Дехданъ) за сопровождавшаго его дядю—Могучаго Воина, а самъ женится на дочери одного царя. Жена (Говаръ Ханумъ) знала звѣздочетство; однажды она предупреждаетъ

г) Наконецъ, народъ и до сихъ поръ вѣрить, что Мхѣръ по Божьему повелѣнію запертъ въ знаменитой Ванской скалѣ и выйдетъ снова на свѣтъ для разрушенія міра.

Если разложить былины о Мхѣрѣ на составныя части, то увидимъ, что онѣ обыкновенно состоятъ изъ ряда подвиговъ этого богатыря въ его безпрестанныхъ странствіяхъ на чужбинѣ; въ нихъ совершенно отсутствуетъ та общая идея, которая ярко выступаетъ въ вариантахъ о Давидѣ и служить ихъ огромнымъ преимуществомъ. Несомнѣнно, эпическія сказанія о Мхѣрѣ съ теченіемъ времени разложились, и мы имѣемъ отъ нихъ лишь немногіе, значительно искаженные остатки.

Такимъ образомъ, не увлекаясь далеко, мы можемъ установить лишь то сильное влияніе, которое персидскія сказанія, и болѣе всего, повидимому, варианты о Бурзѣ, наложили на преданія о Мхѣрѣ, глубоко зарывъ ихъ первоначальное зерно.

Личность *Бурзэ*—одна изъ самыхъ оригинальныхъ во всѣхъ иранскихъ сказаніяхъ, и самостоятельность его вариантовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Необыкновенный даръ голоса, въ которомъ кроется его сила, помимо силы чисто-физической, сразу выдѣляетъ его изъ цѣлаго ряда персидскихъ пехлевановъ и даетъ ему особое, весьма почетное мѣсто. Правда, качество это приписывается *всему его роду* (въ этомъ согласны все варианты), но однако ни одинъ его родичъ не выступаетъ на богатырское поприще съ подобнымъ атрибутомъ. Въ этомъ отношеніи иранскій богатырь напоминаетъ собой Соловья русскаго и Зычнаго Ивана армянскаго эпоса, хотя роли ихъ далеко не схожи. Его громовый голосъ оказывается еще сокрушительнѣе, чѣмъ свистъ разбойника, сидящаго на семи дубахъ, или далеко раскатистый голосъ дяди

Мхѣра объ опасности, грозящей одному изъ его рода. Мхѣръ съ женой идетъ къ старику Пермусу, отцу Дехдзонъ. На утро является Астхикъ (въ перев. „Звездочка“) Еранцацъ и начинаетъ бой съ Мхѣромъ, *разя его сверху*. Гоаръ, чтобы спасти мужа, раскрываетъ „груди бѣлыя“ и общается въ нихъ покоить Астхика, если онъ не слишкомъ будетъ тѣснить „еще неопытнаго“ Мхѣра. Астхикъ, прельщенный, останавливается на минуту, но, пораженный въ грудь Мхѣромъ, падаетъ внизъ мертвымъ. На вопросъ Мхѣра о причинѣ злобы на него Астхика старикъ отвѣчаетъ, что Гоаръ была *невестой* Астхика.—Вариантъ этотъ, надо полагать, весьма древній и заключаетъ въ себя миеологическую основу.

Давида: отъ его богатырскаго покрику рушатся 12 пригорковъ, и цѣлое войско обращается въ бѣгство.

Но въ Бурзэ есть еще одно весьма оригинальное качество—*крузность тѣла*, свойство въ народномъ воображеніи Востока, какъ бы нераздѣльное съ истинной богатырской силой: и Рустема, и Мхера, и Святогора земля не держитъ. Такимъ образомъ, въ персидскомъ героѣ сосредоточены:

а) огромная физическая сила,
 б) громовый голосъ,
 в) необыкновенная тѣлесная тяжесть,—качества, совокупность которыхъ въ одномъ богатырѣ дѣлаетъ его личность весьма интересной.

Варианты о Бурзэ и другихъ пехлеванахъ, прежде чѣмъ перейти къ армянамъ, прошли несомнѣнно еще одну редакцію, именно *курдскую*; на это явно указываетъ рядъ собственныхъ именъ, какъ то: Мирджанэ Джазо, Тх'бурэ-Шѣранъ, Хонд, Факхэ (Фах'рамазъ) и др. Персидскіе герои, повидимому, нашли въ этой средѣ благодатную почву, продолжая манить воображеніе этого еще полудикаго, преданнаго разбоамъ народа. Какъ еще увидимъ, въ особенности популярнень здѣсь величайшій иранскій богатырь, мало измѣнившійся въ чуждомъ ему народѣ.

Затронутый выше вопросъ вызываетъ еще одно сравненіе: персидскаго пехлевана съ персидскимъ же, именно Бурзэ съ *Рустемомъ*. Обще эпизоды: а) сватаніе на чужбинѣ, б) бой съ дѣвомъ, в) встрѣча отца съ сыномъ на полѣ брани, поединокъ, кончающійся побѣдой отца,—эпизоды, весьма схожіе въ главныхъ чертахъ, даютъ основаніе видѣть здѣсь несомнѣнное вліяніе Рустеміады. Такимъ образомъ, послѣдняя часть вариантовъ о Бурзэ, начиная съ его поѣздки въ „чужую страну“ (слабо мотивированной обычнымъ въ восточныхъ сказкахъ увлеченіемъ во время охоты) не должна входить въ составъ всей былины (что и подтверждаетъ нашъ третій вариантъ). Подобное перенесеніе подвиговъ съ одного богатыря на другого вообще свойственно эпосу каждаго народа; здѣсь же оно получаетъ освѣщеніе въ крупной личности богатыря, затмившаго въ народномъ воображеніи славу героя „Шахъ-Намэ“, который въ нашемъ вариантѣ выведенъ самымъ обыденнымъ пехлеваномъ, падающимъ отъ перваго же удара юнаго супротивника, сына Бурзэ.

Въ другомъ вариантѣ, при тѣхъ же почти обстоятельствахъ, герой Ирана даже убѣгаетъ отъ поединка и съ плачемъ является во дворецъ Зала. Коротенькій рассказъ, начинающій собой цѣлую серію богатырей, перечисленныхъ выше, повѣствуетъ о позорномъ пораженіи Рустема отъ дѣва; послѣ этого онъ даетъ себѣ клятву болѣе не брать въ руки оружія, которое онъ бросаетъ подъ крѣпость. Все это свидѣтельствуетъ о значительной непопулярности его имени въ пограничной русской Арменіи (по крайней мѣрѣ, въ названной губ.), гдѣ оно вытѣснено другими богатырями.

Въ обычной своей славѣ Рустемъ является въ турецкой Арменіи, благодаря особенному распространенію его вариантовъ среди Курдовъ. Записанный мной со словъ Вардана Галустяна, переселенца изъ области Вана (деревни Чибихлѣ), вариантъ довольно подробно передаетъ эпизодъ борьбы Ирана съ Тураномъ, исходъ которой рѣшаетъ Рустемъ. Сказитель при этомъ сообщилъ, что на его родинѣ сказанія эти хорошо знакомы Бурдамъ, излагающимъ ихъ въ *стихотворной* формѣ, и что армянскіе рассказчики обыкновенно *переводятъ* ихъ на свой родной языкъ. Свидѣтельство это, какъ оно ни цѣнно, будучи почерпнуто изъ чистаго источника, однако оно еще не даетъ основанія для совершеннаго отрицанія Рустеміады въ армянскомъ народѣ. Фактъ немаловажный, что нѣкоторые герои Ирана, напр. Бѣжанъ, прямо перешли въ арм. эпосъ и породнились съ его богатырями (Бѣжанъ въ нѣкоторыхъ вариантахъ является *дядей* Давида) ¹⁾. Еще Моисей Хоренскій (V в. по Р. Х.) упоминаетъ о знаменитомъ иранскомъ героѣ, имѣющемъ силу „120 слоновъ“, сравнивая его съ (армянскимъ) богатыремъ Таркомъ. Естественно, имя его могло быть затѣмъ позабыто или замѣнено новыми героями, но богатырскій типъ его жилъ въ фантазіи народа и служилъ готовымъ образчикомъ для новыхъ его любимцевъ. Его благочестіе, нестяжательство, „вѣжество“, соединенныя съ непобѣдимой силой, должны были плѣнить симпатію не однихъ Персовъ, но и народовъ сосѣднихъ, болѣе или менѣе подверженныхъ ихъ культурѣ. На всемъ армянскомъ эпосѣ легко прослѣдить вліяніе иранскихъ сказаній:

¹⁾ Насколько мнѣ извѣстно, сказки о „Рустемъ-Залѣ“, довольно распространенны въ арм. народѣ, начинаются обыкновенно съ подвиговъ главнаго героя Ирана.

тѣ же богатырскіе приемы, тѣ же вооруженія, вырваніе съ корнемъ дерева, обычай пороть „груды бѣлыя“, разрывать „на двое“ врага; эпизоды: пребываніе въ подкогѣ, бои съ бѣлыми дѣвами, даже бой отца съ сыномъ и т. п.

Однако, имѣя въ виду широкое распространеніе персидскаго народнаго эпоса, легко впасть въ преувеличеніе. Какъ бы ни было могуче культурное взаимодействіе народовъ, но оно, при извѣстныхъ условіяхъ, не переходитъ далѣе опредѣленныхъ границъ. Каждый народъ творить по своему, у каждого своя, ему одному свойственная творческая жилка. Указанное персидское вліяніе въ общемъ не заходитъ далѣе внѣшнихъ подробностей или случайныхъ эпизодовъ, наслоившихся съ теченіемъ времени. Не слѣдуетъ забывать, что:

1. Армянскій народный эпосъ въ общей суммѣ есть преданія, прикрѣпленные къ извѣстной мѣстности.

2. Единящая ихъ идея—исторія Сасуна, его борьба съ прошлыми врагами.

3. Наконецъ, центральное лицо всего эпоса—Давидъ Сасунскій, носить въ себѣ столь оригинальныя черты, ненаходимыя въ персидскихъ пехлевангахъ; его образъ до того слился, съ народомъ, что за нимъ остается по справедливости слава армянскаго національнаго героя.

Уже изъ сказаннаго выше можно заключить, сколь цѣнны для изслѣдователя героическихъ преданій Востока въ частности Ирана, свидѣтельства армянской и курдской среды. ¹⁾ Источники эти, совершенно еще нетронутые, содержатъ въ себѣ весьма богатый, разнообразный матеріалъ. Здѣсь, въ странѣ отрѣзанной отъ цивилизаціи, гдѣ жизнь вѣками текла среди патріархальной простоты, въ жалкихъ деревушкахъ, едва чернѣющихъ въ тѣснинахъ горъ и на зеленыхъ коврахъ долинъ, до сихъ поръ еще свѣжа память о столь отдаленномъ, героическомъ прошломъ, о которомъ давно забыли другіе народы въ широкомъ круговоротѣ цивилизованной жизни.

¹⁾ Любопытно замѣтить, что многовѣковое сожителство обихъ народовъ тѣсно сблизило ихъ въ отношеніи языка и преданій: многія курдскія деревни говорятъ по-армянски, называютъ своихъ предковъ армянами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже признаютъ Христа.

Содержаніе сказаній объ иранскихъ герояхъ въ армянской средѣ.

Интересъ, представляемый сказаніями объ иранскихъ герояхъ для ближайшаго изученія русскаго и армянскаго богатырскаго эпоса, достаточно говорить за себя, чтобы мы отнеслись къ этимъ остаткамъ старины съ должнымъ вниманіемъ и оцѣнкой: тутъ разсыпаны параллели подвиговъ Ильи, Добрыни, Дуная и др. богатырей, также какъ Давида и Мхѣра арм. былинъ, иногда въ мельчайшихъ подробностяхъ. Въ виду этого далеко не лишнимъ считаю дать по возможности полную картину этихъ бродячихъ на Кавказѣ иранскихъ сказаній въ изложеніи.

I.

Сказитель *Григоръ Хачатрянъ* (изъ деревни Молла-Камаръ, Сурмалинск. уѣзда, Эрив. губ.)—мужчина лѣтъ подъ 40, по занятію—сельскій парикмахеръ. Репертуаръ его довольно богатъ и разнообразенъ; между прочимъ, имъ были рассказаны арм. богатырскій эпосъ въ законченномъ видѣ. О Рустамѣ и другихъ иранскихъ герояхъ онъ слышалъ отъ *Горгана*, изъ деревни Хоромъ (Александроп. уѣзда), который былъ по ремеслу кузнецомъ и въ свое время славился, какъ сказитель.

1. Р с т а м ь ¹⁾.

Рстамъ, сынъ Зала, бралъ дань со страны дѣвовъ. ²⁾ Однажды, заставъ спящимъ дѣва, богатырь влѣзаетъ ему на спину, чтобы переломить ее. Дѣвъ просыпается, ловитъ его рукой и бросаетъ себя подъ ноги. Рстамъ плачетъ, изъ глазъ кровь идетъ. Дѣвъ спрашиваетъ:—О чемъ ты плачешь?—А вѣдь жена-то моя беременна.

Дѣвъ, сжалившись, отпускаетъ пѣлвану домой, но подъ условіемъ, чтобы онъ сына своего (буде родится сынъ) прислалъ съ нимъ биться.

Рстамъ, вернувшись домой, со стыда бросаетъ палицу и арканъ подъ крѣпость и клянется болѣе не брать ихъ въ руки.

¹⁾ Я позволю себѣ удержать въ передачѣ народный выговоръ именъ персидскихъ пѣлвановъ.

²⁾ „Дѣвстун“ (страна дѣвовъ) весьма часто упоминается въ армянск. сказкахъ.

2. Фах'рамазъ.

Однажды сыновья богатыря, Фах'рамазъ и Бурзэ, затѣяли ссору изъ-за его палицы и аркана. Рстамъ, чтобы унять ихъ, предлагаетъ оружіе тому, кто поймаетъ его спущеннаго „сэйрихаза-ла“. 1) Фах'рамазъ три дня гонится за нимъ и не можетъ поймать; ночь застаётъ его въ лѣсу; завидѣвъ огонь, онъ идетъ къ нему; видитъ: одноглазый дэвъ сидитъ у костра, а надъ огнемъ варятся бараны, разрубленные на куски. Богатырь крадетъ незамѣтно кусокъ и ѣсть. Дэвъ, замѣтивъ, что недостаетъ куска, кричитъ:—Воръ, ты коваренъ! Иди садись, да ѣшь! 2)

Фах'рамазъ, подружившись съ дэвомъ, узнаетъ, что онъ бѣжалъ отъ рода Тагмурадъ Шаха и ждетъ не дождется, чтобы одинъ изъ нихъ попался ему въ руки. Тогда пехлеванъ открываетъ ему, будто онъ испыталъ силу его враговъ, и предлагаетъ ему руку „помѣриться силушкой“. Дэвъ какъ ни жметъ ее, супротивникъ „не шелохнется съ мѣста“. Когда же въ свою очередь богатырь зажалъ руку дѣва, у послѣдняго кровь пошла изъ пальцевъ.

— Я внукъ Тагмурадъ Шаха, дѣлай, что можешь!

Дэвъ молить простить ему. Герой, сжалившись, отпускаетъ его и вмѣстѣ съ нимъ ѣдетъ въ городъ. По дорогѣ вдругъ лошадь подъ нимъ падаетъ; оглянувшись, видитъ: дэвъ читаетъ какую-то волшебную книгу; въ досадѣ пехлеванъ убиваетъ его на мѣстѣ и, взваливъ на плечи сѣдло, идетъ въ городъ. Остановившись въ домѣ одной старухи, онъ на слѣдующее утро слышитъ, что въ городѣ ходитъ отъ царя глашатай и предлагаетъ царевну за того, кто убьетъ морского звѣря, каждый разъ топящаго царскій табунъ. Богатырь идетъ къ морю и ждетъ; къ полудню выходитъ изъ воды сѣрый конь и топить царскій табунъ. Тогда онъ отправляется къ царю и предлагаетъ свои услуги, потребовавъ „40-аршинный желѣзный арканъ“. Въ другой разъ идетъ онъ къ морю и ловитъ арканомъ буйнаго коня; но какое

1) Чудную газель.

2) Отголоски Одиссеевыхъ приключеній и доселѣ слышны во многихъ восточныхъ сказкахъ въ различныхъ вариацияхъ. Нѣтъ сомнѣнія, сказаніе о циклопахъ, морскихъ дивахъ и проч. были въ древности гораздо болѣе распространены и лишь художественному гению Грековъ удалось такъ чудно опозитивировать эти бродячіе сюжеты мифическаго Востока.

сѣдло ни сѣдлають, все не по немъ, лишь богатырское старое сѣдло пришлось по синиѣ морского коня.

Послѣ свадьбы съ царской дочерью, Фах'рамазъ вдругъ взгрустнулъ по пѣхлеванамъ Таг'мурадъ Шаха и тайкомъ сказалъ женѣ:

— Ты послѣ меня останешься не одна. На вотъ этотъ браслетъ: родится дочь, разбѣвай его на деньги, родится сынъ — надѣнь ему на руку. Я ѣду; имени моего не открывай: я — сынъ Рстама.

3. Теймуръ.

Прошло 9 мѣсяцевъ, и царевна родила сына. Назвала его Теймуромъ.

Въ городѣ Зала какъ-то Рстамъ побилъ сына своего *Аршака Еранемі*; ¹⁾ этотъ обидѣлся, пошелъ къ тестю Фах'рамаза и сказалъ:

— Дай мнѣ войско, и я тебѣ сѣдлаю данникомъ Таг'мурадъ Шаха.

Царь далъ ему войско и еще въ товарищи Теймура. Мать не покинула молодого героя и тоже пошла въ походъ. Лишь вступили въ предѣлы врага, разбили палатки и написали Рстаму грозный „ярлыкъ“: будь готовъ! бой нашъ не шуточный!

На утро Бурзѣ сѣлъ на коня, взялъ палицу и щитъ и выѣхалъ на „мѣйданъ“. Ему на встрѣчу вышелъ Теймуръ и сильно сталъ тѣснить. Бурзѣ, видя, что дѣло плохо, попросилъ отдыха на обѣдъ. Лишь отѣхалъ онъ, Теймуръ метнулъ палицу со всей силы, и пронеслась она надъ городомъ Зала. Царь вздохнулъ и сказалъ:

— Эйвахъ! айвахъ! (Увы, увь!) Это ударъ моего племени! Привели родъ мой со мною биться, мы пропадемъ!

Теймуръ снова возвращается на мѣйданъ, но противника болѣе не находитъ. На слѣдующее утро вызывается на бой Фах'рамазъ, но и онъ принужденъ отступить передъ молодымъ богаты-

¹⁾ Еранемі по-армянски=блаженный. Въ одномъ мѣстѣ сказитель назвалъ богатыря „Ераналь“, что уже значитъ на народн. яз. „генералъ“. Можно допустить, что славный герой послѣдней русско-турецкой войны, генералъ Аршакъ Тергюкасовъ, мѣстомъ дѣйствій котораго была именно Эрив. губ., уже носилъ въ цинкѣ народн. эпопей, вытѣснивъ какого нибудь богатыря старины. Такъ видоизмѣняются народныя сказанія.

ремь. Лишь онъ отъѣзжаетъ, Тэймуръ снова метаетъ палицу—и пролетѣла она надъ дворцомъ Зала. Царь горюетъ, узнавъ могучій ударъ своего рода.

На утро Тэймуръ опять идетъ на майданъ, но уже не находятъ никого. Некому болѣе биться, кромѣ стараго Рстама.

— Вотъ уже 20 лѣтъ палицу свою бросилъ я, говоритъ онъ.

Старикъ ѣдетъ на бой, но, почувствовавъ силу противника, просится домой, давъ слово вернуться опять, и горько плачетъ, слѣзая съ коня. Напрасно его ожидаетъ Тэймуръ и снова метаетъ палицу—и пролетаетъ она надъ дворцомъ Зала. Царь и Рстамъ, отчаявшись въ побѣдѣ, пишутъ „ярлыкъ“ Аршаку Еринели и проклинаютъ его. Богатырь раскаивается, беретъ свою палицу и арканъ и ѣдетъ къ Залу. Наутро съѣзжается онъ съ Тэймуромъ и ударомъ палицы сбрасываетъ его на землю. Слезъ съ коня, чтобы пороть „груди бѣлая“, но мать съ крикомъ прибѣгаетъ:

— Что ты дѣлаешь, Аршакъ! это твой племянникъ!

И показываетъ браслетъ. Аршакъ Еранели поднимаетъ его, пѣлуетъ въ щеки и приводитъ во дворецъ Зала, приговаривая:

— А вѣдь это сынъ Фахрамаза!

4. Бурзі.

а) Бурзі и Дѣвг.

Заль собираетъ пехлевановъ и говоритъ:

— Семь лѣтъ мы уже не получаемъ дани изъ „Дѣвстуна“.

Вызывается итти за данью Бурзі, но требуетъ себѣ въ товарищи родственника Бѣджо¹⁾; еще наказываетъ, лишь начнетъ конь его землю рыть, отпустить его тотчасъ, привязавъ къ спинѣ арканъ, чтобы подоспѣлъ на помощь²⁾.

И пошли въ путь Бурзі съ Бѣджо. Надъ оврагомъ заснулъ богатырь сномъ глубокимъ. Видитъ Бѣджо: два дѣва идутъ по оврагу и ведутъ плѣнную армянскую дѣвушку; замѣтивъ спящаго человѣка, они бросили арканъ и стали тянуть вязъ. Насилу спут-

¹⁾ Въ арм. богатырск. эпосѣ онъ является подъ именемъ „дяди Бѣджана“.

²⁾ Срв. обычное начало былинъ Владимірова цикла. Эпизодъ взиманія дани, какъ исходная точка развертки былиннаго сюжета, весьма распространенъ и въ арм. эпосѣ.

нику удалось разбудить Бурзі; схвативъ за арканъ, онъ вытащилъ обоихъ дэвовъ изъ оврага и разрубилъ имъ головы.

Ночь она провела въ домѣ отца дѣвушки, который показываетъ имъ путь къ городу дэвовъ Пнди-Поладу ¹⁾).

Богатырь съ товарищемъ останавливается въ домѣ царя дэвовъ и требуетъ дани.

— Буду съ тобой биться, безъ бою, безъ драки не отдамъ, — отвѣчаетъ дэвъ.

Конь богатырскій въ домѣ Зала сталъ рыть землю копытомъ. Ретамъ сказалъ:

— Бурзі въ бою, привяжите палицу да арканъ и выпустите коня!

Пехлеванъ садится на коня и начинаетъ бой. У дэва Пнди-Полада была красавица сестра; не надѣясь на свои силы, онъ посадилъ ее въ колѣсницу и привелъ на майданъ. Заглядѣлся Бурзі на нее — и дэвъ поразилъ его въ руку; богатырь погнался за нимъ до лѣсу и ранилъ его въ голову; дэвъ влѣзаетъ въ дупло гнилого дерева и исчезаетъ.

Конь мчитъ богатыря до самаго источника царя Александра въ странѣ Чешнагиръ; закипѣла рана на рукѣ героя, слѣзь онъ утолить жажду и въ обморокъ остылъ въ водѣ.

Сестра царя Александра, Сальви Хурэманъ, идетъ за водой; видитъ, вода красная, какъ крови! Разказавъ отцу о видѣнномъ, она возвращается съ нимъ къ источнику; здѣсь они находятъ лежащимъ въ водѣ какого-то великана. Царь хочетъ его убить, но благоразумная Сальви не пускаетъ, говоря:

— Онъ за тебя биться будетъ, когда съ тебя дань будутъ брать.

Вылѣчивъ богатыря, царь женить его на своей сестрѣ.

б) Бурзі и Мирджанэ'-Джазд.

У дэва Пнди-Полада была любовница, волшебница Мирджанэ-Джазд; и жила она съ 40 дѣвушками въ горахъ. Вспомнивъ однажды о любовникѣ, она съ подругами на „чудныхъ“ коняхъ несется въ городъ, но дэва не находитъ дома. Стала гадать; видитъ — сидитъ онъ въ щели дерева; помчалась она и привела дэва. Снова стала гадать:

— Кто бы такой могъ быть храбрѣ тебя?

¹⁾ Пентаполисъ?

Узнавъ, гдѣ побѣдитель, она понеслась на „чудныхъ“ („сэйри-баз“) коняхъ въ городъ царя Александра и ночью вошла въ комнату Бурзи. Богатырь, проснувшись, спрашиваетъ, кто она.

— До сего дня я была любовница дѣва Пинди-Полада, а теперь буду твоей ¹⁾.

Она даетъ ему съ мѣсяць сроку, чтобы разстаться съ невѣстой, и велитъ отдать назадъ Сальви¹⁾ обручальное кольцо. Проходить мѣсяць, и Джазд снова примчалась къ Бурзи, но его находятъ все еще на одномъ ложѣ съ невѣстой; разсердившись, она усыпила его, посадила на коня и понеслась къ дѣву Пинди-Поладу. Царь созвалъ людей на совѣтъ.

— Царь!—сказали они,—ежели мы убьемъ его, такъ гдѣ развѣ другихъ пехлевановъ у Тахмурадъ Шаха? Придутъ, сотрутъ насъ съ земли.

Дѣвъ велитъ Мирджанэ-Джази увезти богатыря домой. Волшебница привозитъ его къ невѣстѣ.

— Вотъ твой женихъ, говоритъ она, и снова удаляется въ горы.

в) *Бурзи въ подкопѣ.*

Царь Альванузмагъ проситъ руки сестры Александра. Сальви Хурэманъ извѣщаетъ Бурзи о согласіи брата на этотъ бракъ. Богатырь подстерегаетъ пословъ на дорогѣ, убиваетъ одного, а другому, взявъ царскаго посланія, передаетъ другой „ярлыкъ“: сколько ни есть у тебя силушки, веди всѣхъ на насъ!

Альванузмагъ собираетъ войско и идетъ на Александра. Бурзи побиваетъ половину враговъ, а другая обращается въ бѣгство. Видя, что силой не одолѣтъ богатыря, Альванузмагъ тайно уславливается съ Александромъ погубить его хитростью. На мѣйданѣ ночью вырыли ровъ въ 40 аршинъ глубиной и 40 шириной и покрыли сверху.

На слѣдующій день Бурзи снова выѣзжаетъ на бой. Лошадь, почуввавъ бѣду, отказывается итти впередъ, но, почувствовавъ стремена, она скачетъ черезъ ровъ и падаетъ внизъ съ богатыремъ ²⁾. Враги поймали его, завязали руки и бросили въ ка-

¹⁾ Срав. Добрыню и Марьянушку русск. былины. Впрочемъ тамъ, подъ вліяніемъ историческихъ событій, основное зерно сказанія, повидимому, сильно видоизмѣнилось.

²⁾ Срв. Поимку Ильи, Давида, Мхѣра.

менный ровъ на островѣ Чернаго моря, накрыли сверху жерновомъ и поставили караульными семь дэвовъ.

1) *Освобожденіе Бурзи.*

Ретаму ночью снится, будто Бурзи упалъ въ море, и рыбы собираются его проглотить. Утромъ взявъ Ретамъ съ собой Бэджо и пошелъ къ дэву Хоіо¹⁾.

— Скажи, гдѣ мой сынъ, и я тебѣ отдамъ цѣлую казну,—говорить онъ.

— Казны-то мнѣ не надо, а поклянись, что кричать болѣе не будешь²⁾.

Ретамъ поклялся. Хоіо взявъ въ руки парсетъ³⁾, положилъ въ мѣшокъ семь огромныхъ булыжниковъ и пустился въ путь, говоря:

— Сынъ твой на островѣ Чернаго моря; услышишь семь выстрѣловъ изъ парсета, знай, что всѣ семь дэвовъ убиты.

Дэвъ Хоіо идетъ по морю, убиваетъ изъ парсета караулившихъ дэвовъ и вытаскиваетъ Бурзи изъ ямы; взваливъ его на плечи, онъ по морю возвращается къ ожидавшему его Ретаму и передаетъ ему сына.

Бурзи въ отместку убиваетъ обоихъ коварныхъ царей, беретъ дань изъ „Дэвстунъ“ и съ Сальви Хурэманъ идетъ праздновать свою свадьбу въ городѣ Ретамъ Зала⁴⁾.

5. Г а т л ь Г а х р а м а н ь .

Въ „Дэвстунѣ“ стали думу-думать: украдемъ изъ рода Тагмурадъ Шаха малаго ребенка, вырастимъ его, будетъ онъ за насъ биться, мы побѣдимъ.

¹⁾ Въ другихъ вариантахъ онъ называется „Екдасти“, что по-персидски означаетъ „однорукий“.

²⁾ Родъ Зала отличался громовымъ голосомъ (см. другой вариантъ о Бурзи).

³⁾ Метательный снарядъ.

⁴⁾ Вариантъ этотъ, несмотря на нѣкоторую сжатость и недочеты въ сравненіи съ двумя обширными вариантами, мною записанными, въ главныхъ своихъ частяхъ совпадаетъ съ ними. Отсутствие имени Тхбурэ-Шерана (сына Бурэ), фигурирующаго въ названныхъ вариантахъ, повидимому, свидѣтельствуетъ въ пользу того, что сказаніе это съ курдскимъ названіемъ главнаго героя стоитъ особнякомъ, и лишь въ курдской средѣ, подъ влияніемъ мѣстныхъ сказаній, подверглось оно искусственному слиянію.

Два дѣва тайкомъ уносятъ однолѣтняго сына Рстама, Гатль Гахрамана ¹⁾. Когда минуло ему 8 лѣтъ, то бѣда пришла его сверстникамъ отъ его богатырскихъ шуточекъ: начнетъ играть— кому руку долой, кому ухо. Дѣвы рѣшили удалить его въ поле, гдѣ онъ пробылъ 4 года. Увидавъ однажды въ водѣ, что лицомъ онъ не походитъ на приставленныхъ къ нему дѣвовъ, онъ требуетъ открыть его происхожденіе. Подъ угрозой смерти дѣвы называютъ его дѣда; тогда богатырь велитъ одному изъ нихъ проводить его домой; дѣвъ заводитъ его въ лѣсъ и самъ исчезаетъ.

Гатль ведетъ „звѣриный“ образъ жизни: одѣвается въ кожу убитыхъ имъ звѣрей, спитъ на вѣтвяхъ деревьевъ и ѣдитъ на укропленномъ носорогѣ. Завидѣвъ однажды палатки, онъ верхомъ на носорогѣ направляется туда и привѣтствуетъ войско на языкѣ дѣвовъ. Испуганные его видомъ, люди Рстами-Зала приходятъ въ переполохъ; богатырь, думая, что собираются его убить, вырываетъ съ корнемъ дерево и перебиваетъ половину войска, а другая убѣгаетъ къ Рстаму и рассказываетъ объ ужасномъ чело-вѣкѣ-звѣрѣ. Дѣвъ Сархабъ, служившій у Рстама, объясняетъ, что незнакомецъ говорилъ съ ними на языкѣ дѣвовъ. Старый богатырь велитъ ему отправиться на слѣдующій день вмѣстѣ съ войскомъ. Снова показывается Гатль верхомъ на носорогѣ и привѣтствуетъ ихъ; дѣвъ Сархабъ отвѣчаетъ ему и, узнавъ, что онъ изъ рода Тагмурадъ Шаха, приводитъ его къ обрадованному отцу. Отецъ приставляетъ къ сыну учителей, чтобы научить его „армянскому языку“.

Гуляя по городу, богатырь замѣчаетъ, что на дорогѣ, ведущей къ Черной горѣ, его родные каждый разъ, сидя въ траурѣ, плачутъ. Однажды онъ спросилъ мать, о чемъ она плачетъ.

— Вотъ уже два года, какъ три моихъ сына пошли по этой дорогѣ и болѣе не вернулись,—говоритъ она.

Наутро съѣлъ Гатль на своего носорога и пустился въ путь.

¹⁾ Сказанія о похищеніи ребенка были распространены еще въ древней Арменіи. Историкъ Моисей Хоренскій передаетъ слѣдующую легенду о младенцѣ Артаваздѣ, сынѣ цзя Арташеса: „говорятъ, что при рожденіи его произошло съ нимъ несчастье... Объ этомъ самомъ поютъ пѣвцы такъ: „Дракониды украли младенца Артавазда и дѣва положили на его мѣсто“. (М. Хор. кн. II, гл. 61).

На дорогѣ поднялась ужасная буря, разметавшая камни кругомъ; носорогъ сталъ; богатырь слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ въ гору; видѣть: вращается волшебное колесо; хотѣлъ было онъ схватить его и остановить, но колесо отбросило его далеко на морской берегъ, израненнаго и полумертваго. Ночью явился ему ангелъ и сказалъ:—Гайль Гахраманъ! Утромъ одвнешься въ войлокъ и опять пойдешь на гору, бросишься на колесо съ правой стороны, схватишь за ось—она переломится, и появится солнце. Спустишься потомъ къ городу Мухадамъ; три сестры волшебницы обратили его жителей въ камень, а также твоихъ трехъ братьевъ. Подстережешь сестеръ у входа въ домъ, убьешь всѣхъ троишь и кровью ихъ польешь камни—тогда они оживутъ.

Богатырь, согласно велѣнію, ломаетъ ось у колеса: перестаетъ вѣтеръ и появляется свѣтъ. Затѣмъ спускается къ окаменѣлому городу, убиваетъ трехъ сестеръ чародѣекъ и заливаетъ ихъ кровью камни: оживаетъ весь городъ. Герой вмѣстѣ съ братьями ѣдетъ домой, гдѣ ихъ ожидаетъ великое празднество ¹⁾.

II.

Сказитель *Мурадъ Мхитарянъ* (изъ Абарана, деревни Чамирлу, Эрив. губ.)—пожилой мужчина лѣтъ подъ 50, по занятію земледѣлецъ; хорошо знакомъ съ сказаніями армянскаго и персидскаго эпоса, слышанными отъ отца Мхитара, переселенца изъ Алашгерта (Тур. Арменія), который былъ извѣстнымъ сказителемъ своего времени.

Разсказанный имъ обширный вариантъ о Бурзѣ ничѣмъ не отличается отъ выше-приведеннаго варианта Василія Арутюняна и составляетъ его точную копию; лишь въ началѣ сыновьями Рустама упоминаются четыре пехлевана: Фахъ-Фахрамазъ, Шахъ Тэбуръ, Хошъ Едасть и Бурза, какъ самый младшій. О самомъ Рустамѣ онъ помнитъ слѣдующее.

Р с т а м и З а л ь .

Однажды 15-лѣтній Рстами Заль, охотясь верхомъ, погнался за ланью и оставилъ далеко за собой предѣлы своей страны.

¹⁾ *Примѣчаніе.* Сводное сказаніе это, состоящее изъ двухъ частей, по своей сказочной оболочкѣ уже далеко отъ цикла иранскихъ преданій и несомнѣнно подверглось искусственному соединенію съ ними. По моимъ наблюденіямъ, такихъ сказовъ-былинъ, связанныхъ съ именами персидскихъ и армянскихъ богатырей, не мало среди армянскаго населенія Эрив. губ. и еще болѣе въ Ванской области (Тур. Арм.), гдѣ еще во всей свѣжести преданія старины.

При наступленіи ночи слѣзъ онъ съ коня и легъ подъ деревомъ отдохнуть. Проснувшись утромъ, видитъ издали „палаты бѣлокаменные“ и направляется туда. Огромный замокъ виситъ на дѣвяхъ; богатырь разламываетъ его и вѣзжаетъ во дворъ, гдѣ среди роскошнаго сада бьетъ фонтанъ; выкупавшись въ немъ, онъ легъ подъ деревомъ и заснулъ. Изъ окна его замѣчаетъ красавица Гюль-Парі и зоветъ его:

— Кто ты такой?—Я—Сасунецъ.—Мнѣ жаль тебя, уѣзжай, не то придетъ Красный дѣвъ, живого куска въ тобѣ не оставитъ.

Богатырь гордо отвѣчаетъ:

— Кто сюда пришелъ, тотъ Краснаго дѣва не боится.

Дѣвушка спускается къ нему и приводитъ къ себѣ наверхъ. Дѣвъ видитъ въ трубу, что кто-то, обнявшись съ Гюль-Парі, сидитъ на балконѣ его замка, и въ гнѣвъ, гремя, слѣзаетъ домой. Два дня бьются копьями богатырь съ дѣвомъ, но никто одолѣть не можетъ; тогда Рстамъ предлагаетъ рукопашную и побѣждаетъ дѣва. Взявъ съ собой дѣвушку и всю золотую казну, онъ ѣдетъ съ ней въ Сасунъ.

III.

Варданъ Галустянъ—старикъ 62 лѣтъ, но еще живой и съ богатой памятью. Въ Эчмидзинѣ (Эрив. губ.) онъ переселился изъ деревни Чибихлѹ (Ваяской обл.), гдѣ занимался земледѣіемъ, въ русской же Арменіи кормится поденной работой. Его учителемъ былъ Мухси Гюланъ, который трижды побывалъ въ Константинополѣ и нѣкоторое время былъ тамъ ашугомъ ¹⁾.

Разсказанная Варданомъ „былина“ представляетъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы Ирана съ Тураномъ, въ которой главнымъ героемъ выступаетъ Рстамъ.

Р ѳ с т а м ѣ.

1.

Кевъ Хосра былъ царемъ Ирана, Альвасіа—царемъ Турана. Разъ Кевъ Хосра въ собраніи своихъ вельможъ призахвасталъ своей властью царской, которой никто не смѣетъ перечить.

¹⁾ „Ашуги“—странствующие музыканты съ семиструннымъ инструментомъ „савъ“ (ладъ, лады), напоминающимъ отчасти мандолину. Репертуаръ ихъ состоитъ обыкновенно изъ сказокъ героическихкихъ („Керъ-Оглы“, „Шахъ-Исмаилъ“, „Шахъ-Абасъ“ и др.) и любовныхкихъ („Дѣкаръ-Мирза“, „Кирамъ“). Сказываются и поются онѣ на турецкомъ языкѣ.

Тюсъ Навзаръ ему замѣчаетъ, что въ присутствіи Рѣстама онъ бы не молвилъ этого слова. Царь въ гнѣвѣ велитъ надѣть цѣпи на шею дерзкаго вельможи и бросить его въ тюрьму, говоря:

— Посмотримъ, кто за тебя проситъ посмѣять.

Одинъ изъ пехлевановъ поскакалъ тотчасъ къ Рѣстаму и рассказалъ ему о случившемся. Богатырь велитъ ему передать царю, что онъ цѣлуетъ его руку и проситъ выпустить на волю Тюсъ-Навзара. Еще болѣе разгнѣвался властитель Ирана и бросилъ опальнаго въ подземелье.

Рѣстамъ, оскорбленный отказомъ, собираетъ совѣтъ и объявляетъ, что идетъ противъ царя. И выступило 80,000 пехлевановъ.

Иранъ раздѣлился на два лагеря.

2.

Царь Турана, Альвасіа, узнавъ, что у сосѣдей началась междоусобная война, собираетъ вельможъ на совѣтъ: Хмана, Пирана, Камюсѣ-Кяшана, Кхакхаз-Чини ¹⁾, Ачкаюса, Кхэлюпа, и спрашиваетъ ихъ мнѣнія: не лучше ли теперь разгромить Иранъ. Благоразумный Хманъ совѣтуетъ царю не вмѣшиваться въ чужія дѣла; противникъ его, Пиранъ, находитъ минуту весьма удобной, чтобы разомъ покончить съ врагомъ. Царь послушался послѣдняго и велѣлъ выступить въ походъ.

3.

Кевъ Хосра объявляетъ своимъ пехлеванамъ, что туранцы двинулись на нихъ. Нести войсковое знамя долженъ Пэтага.

— Царь! — говоритъ богатырь, — мать твоя вдова, отдашь ее за меня, понесу знамя.

Напрасно мать умоляетъ сына выпустить изъ подземелья Тюсъ-Навзара и примириться съ Рѣстамомъ: побѣда тогда будетъ несомнѣнно; но царь непреклоненъ, давши клятву никогда ему не простить. Послѣ свадьбы Пэтага беретъ знамя, и войско выступаетъ.

Три дня и три ночи происходитъ бой; ангелы спустились съ неба, чтобы видѣть схватку двухъ народовъ; „отъ ихъ ударовъ многіе подумали, что разрушился свѣтъ“. Послѣ трехъ дней побѣждалъ Пэтага со знаменемъ.

¹⁾ Т. е. изъ Китая (=Чинимачина арм. сказокъ).

На мѣйданѣ остался лишь Годарзъ ¹⁾ со своими; противъ него выступилъ Хманъ и бился съ нимъ три дня, но не могъ прогнать его съ мѣста. Тогда онъ предложилъ противнику принести войсковое знамя на мѣйданъ, и онъ оставитъ поле. Юноша Бахрамъ мчится къ царю Ирана и проситъ прислать знамя на мѣсто боя; царь снова велитъ Патага выступить впередъ; богатырь бросаетъ знамя на землю; Бахрамъ беретъ его самъ и идетъ на мѣйданъ. Тогда Хманъ очищаетъ поле и возвращается къ своему повелителю.

4.

Бахрамъ потерялъ лапту свою (для игры въ мячъ) и ночью ѣдетъ искать ее: „мя мое написано на ней, еще скажутъ, что я бѣжалъ съ мѣйдана“, говоритъ онъ брату Геву. Въ темнотѣ онъ натывается на раненнаго брата Рахъола, который умоляетъ взять его съ собой домой; но озабоченный своей честью богатырь ѣдетъ дальше и встрѣчаетъ другого брата, Рахъеба, и наконецъ третьяго, Эжира ²⁾, лежащими на землѣ. Эжиръ предостерегаетъ его, что Гюло съ 40 пехлеванами сидитъ въ засадѣ. Бахрамъ продолжаетъ путь и наконецъ находитъ свою лапту. Гюло съ товарищами нападаетъ на него, но богатыря одолѣть не могутъ. Пехлеванъ Кевшилъ восклицаетъ:

— Кто видѣлъ, чтобы 40 противъ одного, бились, и переходить на сторону Бахрама; юноша трижды беретъ клятву вѣрности съ него, но коварный Кевшилъ поражаетъ его съ тылу.

Гевъ садится на коня и ѣдетъ искать брата. Встрѣченные имъ по пути братья Рахъоль, Рахъебъ и Эжиръ рассказываютъ, что Бахрамъ проѣхалъ мимо. Богатырь ѣдетъ дальше; вдругъ онъ окруженъ 40 пехлеванами; Гевъ палицей сбрасываетъ на землю Гюло и снимаетъ съ него голову долой; остальные разбѣжались. Кевшилъ ищетъ защиты у царя Альвасіа, схватившись за его „шахтъ-раванъ“; разгнѣванный богатырь догоняетъ его и тащитъ его вмѣстѣ съ царемъ; насилу удалось вырвать властителя Турана изъ его рукъ. Убивъ предателя на трупѣ Бахрама, Гевъ сажаетъ на коня братьевъ и приводитъ ихъ въ лагерь.

¹⁾ По словамъ сказителя, дядя Рѣстама по матери.

²⁾ Всѣ четыре брата — сыновья Годарза.

5.

Кевъ-Хосра въ трудную минуту рѣшается выпустить Тюсъ-Навзара изъ подземелья, даетъ ему дорогое платье, лошадь, оружіе и посылаетъ къ Рѣстаму. Богатырь поклялся никогда не вступать во дворець царя.

— Лишь ради тебя и дяди моего Годарза пойду я на бой.

По его приказу, 80,000 пехлевановъ двинулись въ лагерь царя—и оба войска соединились.

6.

Царя Альвасіа извѣщаютъ, что въ лагерь враговъ двѣ „орды“ соединились въ одну; пестрѣютъ шатры: Енги, Пеленги, Хлюсманъ, Кесавуръ, Маграби, Шангари; передъ послѣднимъ стоитъ Рахша Балакъ, конь Рѣстама. Повелитель Турана снова собираетъ совѣтъ и спрашиваетъ у Хмана, чей бы былъ шатеръ Шангари.

— Я раньше говаривалъ тебѣ, что нѣтъ у тебя дѣла до Ирана: кто бы то былъ, какъ не Рѣстамъ.

Пиранъ снова успокаиваетъ царя, что, быть можетъ, то купецъ какой проѣздомъ изъ Багдада. Бхакхаэ-Чини хвастается, что у него есть пехлеванъ, который добудетъ голову богатыря.

На утро Кхэлюнъ садится на коня, ѣдетъ на Мѣйданъ и ударяетъ копьѣ о землю, грозно восклицая:

— Я требую Рѣстама на бой!

Богатырь не далъ себя ждать: надѣлъ на себя мечъ, повѣсилъ на Рахша щитъ, положилъ на плечо „палицу въ 366 литровъ“ и сѣлъ на коня.

— Осторожно выѣзжай на бой!—кричатъ ему раненые, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ.

Богатырь слѣзъ съ коня, привязалъ къ нему оружіе и отпустилъ его домой, а самъ пошелъ пѣшкомъ. Супротивникъ посмѣивается, видя его безоружнымъ:

— Положимъ, не было у тебя оружія, такъ что же царь твой не далъ тебѣ его, развѣ ты не слышалъ моего имени?

— Мой повелитель сказалъ: идешь ты на Кхэлюна, къ чему тебѣ оружіе, возьмешь у него,—отвѣчаетъ богатырь.

Туранскій пехлеванъ бросаетъ палицу — Рѣстамъ отскаки-

ваетъ въ сторону и натягиваетъ свой лукъ: стрѣла проиваетъ коня противника и, пролетѣвъ семичасовой путь, вонзается въ „тахтъ“ ¹⁾ Альвасіа.

— Теперь мы оба пѣшіе, — говоритъ Рѣстамъ.

Оба пехлевана вступаютъ въ рукопашную; Рѣстамъ ударяетъ противника о землю и съ его отрѣзанной головой возвращается въ лагерь.

7.

Властитель Турана спрашиваетъ:

— Піранъ! Кто бы пустилъ эту стрѣлу?—Кто знаетъ, шальной какой изъ Багдада стрѣляетъ сюда.—Хманъ! а ты что скажешь?— И прежде я вѣдь говаривалъ: нѣтъ у тебя дѣла до Ирана, кто бы то былъ, какъ не Рѣстамъ.

Піранъ общаетъ голову владѣтеля Шѣнгари.

На этотъ разъ выѣзжаетъ на мѣйданъ пехлеванъ Ачкапюсъ и громко вызываетъ Рѣстама на бой. Герой Ирана снова остается побѣдителемъ и возвращается назадъ съ головой противника.

Но не такъ легко было справиться ему съ сильнымъ богатыремъ, Камюсэ-Кяшаномъ; Рѣстамъ принужденъ бросить арканъ на противника, но перетянуть его не можетъ; тогда онъ бросаетъ конецъ веревки на шею Рахша и ѣдетъ въ лагерь, таща плѣнника за собой. Камюсэ-Кяшакъ силится бѣжать, богатырь ему замѣчаетъ:

— Я не убью тебя, мнѣ жаль тебя, но приведу домой, дома у меня 40 прислужницъ, онѣ мячами тебя до смерти побьютъ.

И притащилъ его къ шатрамъ. Высыпало 40 прислужницъ и мячами побили богатыря.

8.

Молодому фразаму ²⁾ надоѣло ждать очереди.

— Кто ни придетъ на мѣйданъ, всѣ съ тобой хотятъ биться, говоритъ онъ отцу. Теперь очередь моя, я поѣду.

И сѣлъ на коня. Сѣлъ также Рѣстамъ, Брзу, Годарзъ, Гевъ, Сіахошъ, Сіаіошъ, Мсюсанъ паша, багдадскій вали и Кевъ-Хосра. Тюсъ Навзаръ взялъ знамя—и двинулась орда.

¹⁾ Походный престолъ царя.

²⁾ Сынъ Рѣстама.

Бились три дня и три ночи. „Многіе подумали, что разрушился свѣтъ, а мудрые сказали, что то воюеть царь Ирана съ царемъ Турана“. Спустя три дня бѣжалъ Альвасіа со всѣмъ войскомъ. Рѣстамъ съ Кевъ-Хосра погнался за нимъ, взялъ семь городовъ и поставилъ въ Туранѣ „меньшого изъ Ирана“. ¹⁾

IV.

Сказитель *Василій Арутюнянцъ* (изъ деревни Такарли, Абаранъ, Эрив. губ.)—55 лѣтній старикъ, высокій, стройный, съ длинной, уже посѣдѣвшей бородой. По ремеслу, какъ всѣ вообще сказители, земледѣлецъ. Рассказываетъ довольно живо, безъ долгихъ остановокъ и нерѣдко съ одушевленіемъ. Будучи единственнымъ рассказчикомъ въ этой маленькой деревнѣ (всего 25 домовъ), ему довольно часто приходится „сказывать старшину“. Вариантъ о Бурзэ онъ слышалъ отъ крестьянина соседней деревни Карабулахаъ.

Б у р з э.

(Армянскій вариантъ).

Въ старое время городомъ Сасуномъ владѣлъ царь Залъ. Царь этотъ былъ такъ могучъ, что даже птицы и рыбы платили ему дань. У царя Зала былъ братъ, по имени Давидъ. ²⁾ Никто, кромѣ Давида, не могъ привозить дани изъ Полада-Дарбанда. ³⁾

У Давида былъ сынъ, по имени Бурзэ. Случилось, что Давидъ умеръ: Полада-Дарбандъ сталъ свободенъ отъ дани.

Однажды царь Залъ отправился въ цырульню побриться; онъ замѣтилъ Бурзэ, который гулялъ, держась за полу дяди Ована. Царь вздохнулъ глубоко, лишь завидѣлъ его. Бурзэ сказалъ:

— Царь! Зачѣмъ тебѣ вздыхать при моей жизни?

Царь сказалъ:—Сынъ мой, увидѣвъ тебя, я вспомнилъ о твоёмъ отцѣ! въ Полада-Дарбандѣ вѣдь 366 домовъ, а кромѣ отца твоего, никто не могъ привозить дани. И вотъ, при видѣ тебя, еще горче мнѣ стало.

¹⁾ Вариантъ этотъ о знаменитомъ иранскомъ героѣ, помимо внутренняго содержанія, по своей внешней формѣ представляетъ одинъ изъ лучшихъ образчиковъ народнаго творчества. По объясненію сказителя, Курды (отъ которыхъ онъ слышалъ) предаіе это мѣстами поютъ, мѣстами рассказываютъ въ стихотворной формѣ.

²⁾ Рассказчикъ, упоминая о Давидѣ и зычномъ Ованѣ, разуметь здѣсь двухъ извѣстныхъ богатырей армянскаго народнаго эпоса.

³⁾ *Поладъ* по-персидски означаетъ *сталь*, *дарбандъ*—*запертый*.

Бурзэ сказалъ:—Если такъ, я иду въ Полада-Дарбандъ за данью.

Царь сказалъ:—Сынъ мой, ты еще дитя, ты не можешь привезти дани.

Бурзэ сказалъ:—Царь, я долженъ итти, не то лопну.

Царь призвалъ дворецкаго:—Ступай! сказалъ ему, отопри дверь: палица Давида находится внутри (комнаты), отдай ее мальчику, посмотримъ, можетъ ли онъ двинуть ее съ мѣста?

А въ палицѣ-то вѣдь было 15 пудовъ стали. Когда палицу отдали мальчику, онъ ее поднялъ, словно яблочко румяное.

Царь Заль призвалъ корабельника Давида, такъ какъ между городомъ Сасуномъ и Полада-Дарбандомъ было океанъ-море.

Царь сказалъ ему:—корабельникъ! приготовься свезти Бурзэ въ Полада-Дарбандъ!

Откуда на мѣ повѣдать вѣсть?

— Изъ Полада-Дарбанда.

У царя Полада-Дарбанда былъ пехлеванъ-дэвъ. Этотъ дэвъ и день и ночь стоялъ на горѣ, смотрѣлъ на корабль и думалъ: пока этотъ корабль не двинулся къ Полада-Дарбанду, на свѣтѣ будетъ добро и миръ; а какъ только придетъ (сюла), начнется волненіе на свѣтѣ: онъ или разрушится или устроится.

Вдругъ увидѣлъ онъ: корабль двинулся съ мѣста и идетъ на Полада-Дарбандъ. Дэвъ сказалъ:—это идетъ одинъ изъ Сасунскихъ полоумныхъ. Дэвъ былъ сэхрибазъ¹⁾: онъ по морю пошелъ на встрѣчу. Корабельникъ сказалъ:—Бурзэ! Это идетъ пехлеванъ-дэвъ. Бурзэ отвѣтилъ:—Корабельникъ, направь корабль такъ, чтобы онъ прошелъ по срединѣ лба дэва. Если ты не такъ направишь, первый ударъ палицею угрожу тебѣ въ голову.

Такой страхъ объялъ корабельника, что пасть его разорвалась, и кровь ручьемъ пошла изъ нея. Онъ собралъ паруса, чтобы провести корабль черезъ средину лба дэва; коварный дэвъ бросился въ сторону. Бурзэ ударилъ палицей въ голову дэва и ранилъ ее; дэвъ потерялъ сознание. Бурзэ схватилъ рукою за ухо дэва, вытащилъ и бросилъ его на корабль. Поплыли и вышли изъ Полада Дарбанда.

¹⁾ Т. е. оборотень (также „молдунъ“).

Въ тѣ времена не было коварства. Дѣвъ разбилъ два бѣлыхъ чадра ¹⁾ на берегу моря: одинъ для себя, другой—для Бурзэ; разостлалъ шелковое одѣяло, тюфяки, подушки пуховыя, хорасанскій войлокъ; ²⁾ приготовилъ чайную настойку, кушанья, напитки, чибукъ ³⁾ Поѣли, попили, прилегли на подушки и заснули на три дня. А какъ минуло три дня, встали они, чтобы биться. Дѣвъ сказалъ:—Бурзэ! Будемъ наносить удары поочереды.—Ладно! Дѣвъ сказалъ:—Первая очередь твоя или моя? Бурзэ отвѣтилъ:—Уступаю очередь тебѣ, такъ какъ ты извѣстный пехлеванъ.

Вышли на майданъ ⁴⁾. Трижды дѣвъ палицею поражалъ Бурзэ, и трижды Бурзэ ловилъ палицу рукою. Такой гнѣвъ нашель на Бурзэ, что онъ закричалъ:—Держись! теперь очередь моя! И ударилъ дѣва палицей; отъ удара дѣвъ получилъ рану въ голову. Онъ вскочилъ съ мѣста, пырнулъ кинжаломъ въ Бурзэ и ранилъ его въ бокъ, дѣвъ убѣжалъ, Бурзэ бросился за нимъ, загналъ его въ Соганлугскій лѣсъ. Дѣвъ отъ боли сунулъ голову въ щель сгнившаго дерева, Бурзэ пронесся мимо, словно вѣтеръ. Семь дней, семь ночей онъ шелъ и достигъ страны царя Оцмандага; остановился у одного источника, напилъ его воды: рана его остыла, и онъ упалъ навзничь. Вода протекала подъ его животомъ.

Визирь, вакиль, ханъ, бегъ, муфти, султанъ царя Оцмандага идутъ на охоту. Видитъ визирь: идетъ вода, да съ кровью; сказалъ:—поѣдемъ быстрѣе, посмотримъ, что это за кровь идетъ вмѣстѣ съ водой? Поѣхали и видятъ: лежитъ навзничъ какой-то парень, а шириною то грудь въ добрую сажень. Визирь сказалъ:—поверните-ка его, посмотримъ, что это за человѣкъ!

И десять человѣкъ бросились на него, еле-еле перевернули на спину; визирь увидѣлъ, что онъ въ обморокъ и сказалъ:—подайте мой мѣшечекъ! Принесли мѣшечекъ; въ немъ была бутылка; а визирь былъ медикъ: онъ раскупорилъ ее, смазалъ лѣкарствомъ большой палецъ и приложилъ его къ ранѣ; тотчасъ Бурзэ пришелъ въ чувство, сѣлъ и закричалъ:—Дайте мою дань!

Когда онъ закричалъ: дайте мою дань, духъ отнялся у тѣхъ

1) Чадръ—авіатская палатка.

2) Хорасанъ—восточная область Персіи, и доселѣ славящаяся производствомъ ковровъ.

3) Трубка.

4) Место поединка.

ему дать отвѣтъ? Можешь-ли ты сосватать дочь мою за Бурзэ, чтобы онъ пожалѣлъ насъ и защитилъ, когда придетъ Катранъ пехлеванъ. Не то онъ оставитъ насъ и уйдетъ, а Катранъ придетъ и всѣхъ насъ перебьетъ.

Визирь отвѣтилъ:—Царь! Вотъ посмотримъ, могу-ли я сосватать.

А дочь царя за двѣ версты отъ города построила себѣ комнату и жила въ ней. Визирь отправился къ ней и сказалъ:—Царевна! встань, поставь передъ собою зеркало во весь ростъ, приведи въ порядокъ свои наряды, чтобы понравиться Бурзэ, когда приведу его сюда, и я выдамъ тебя за него.

Тотчасъ же изъ устъ царевны слюнки потекли; она встала и стояла передъ зеркаломъ съ утра до вечера, едва успѣла наряжаться; стала у дверей ожидать Бурзэ.

Визирь пошелъ и сказалъ Бурзэ:—Бурзэ! Идемъ! ты посмотришь царевну: понравится она тебѣ, я за тебя ее сосватаю.

Тотчасъ же Бурзэ и визирь отправились. Они были еще за двѣ версты (отъ царевны), какъ Бурзэ сказалъ:—Во-онъ она, царевна-то!—Она самая.—Вернись! я возьму ее. Вернулись въ городъ. Царь спросилъ:—Визирь! Что ты подѣлалъ, сосваталъ дочь или нѣтъ?—Царь, отвѣтилъ визирь, еще за двѣ версты онъ сказалъ: я возьму; не знаю, возьметъ или нѣтъ.

Бурзэ и Визирь сѣли на коней и поѣхали на охоту.

Откуда намъ повѣдать вѣсть?

— О Катранѣ пехлеванѣ.

Подвезли коляску, запряженную 25-ю лошадьми, 40 человекъ взялись за подмышки Катрана пехлевана, привели, посадили его въ коляску и пустились въ путь. Съ музыкой, угощеніемъ, царь съ визиремъ провожали до конца города. Царь сталъ просить:—Катранъ пехлеванъ! прошу взять дань за семь лѣтъ, съ нею дочь царскую и вернуться.

Царь отправился назадъ, а тотъ поѣхалъ. Много-ли, мало-ли, Богъ вѣдаетъ, достигъ города царя Оймандага.

Извѣстили царя Оймандага:—Что ты подѣлываешь! Катранъ пехлеванъ пришелъ, онъ насъ всѣхъ перебьетъ!

Царь изъ страха вышелъ навстрѣчу пехлевану, скрестилъ руки и взмолился:—Катранъ пехлеванъ! Ты вѣдь знаешь, что уже

сто лѣтъ, какъ я плачу вамъ дань, теперь появился въ городѣ моемъ какой-то (одинъ) пехлеванъ; это все онъ надѣлалъ, я же въ томъ не виноватъ.

Каѳранъ пехлеванъ разсердился, погрозилъ пальцемъ и сказалъ:—И тебя и твоего пехлевана превращу въ хорошихъ людей!

Тотчасъ же у царя задрожали колѣна,—ужь не убьетъ ли онъ его?

Сорокъ человекъ схватили подъ мышки Каѳрана пехлевана, подняли и повели его въ царскую комнату. Постелили шелковые тюфякъ, одѣяло, пуховыя подушки, хорасанскіе войлоки и усадили его. Каѳранъ пехлеванъ сказалъ:—Ну же, царь, приготовь дань!

Царь отвѣтилъ:—Прошу тебя, Каѳранъ пехлеванъ, потерпи, пока вернется визирь: ключи отъ казны у него; отдамъ твою дань, и ты повезешь.

Еще они разговаривали, какъ вдругъ раздался стукъ воротъ: пришелъ Бурзэ и сѣлъ на свое мѣсто. Каѳранъ пехлеванъ подумалъ: ужь не этотъ ли ихъ пехлеванъ, и сказалъ:—Ну же, царь, отдай дань!

Лишь услышалъ Бурзэ о дани, разсердился, усы его стали дыбомъ точно буйволыи рога, и онъ сказалъ:—Какую дань ты требуешь?

Тотъ отвѣтилъ:—Тебѣ что за дѣло?

Съ этими словами они бросились другъ на друга; въ комнатѣ не осталось ни стула, ни стекла, все переломали въ дракъ. Потомъ сильно осерчалъ Бурзэ и закричалъ—бревна комнаты такъ полетѣли, что ни единого золотника земли внизъ не упало. Каѳранъ пехлеванъ ослабѣлъ подъ мышкой Бурзэ; этотъ сталъ подъ него, ударилъ его о землю, отрѣзалъ голову и сердито вышелъ вонъ. Видитъ онъ: кучеръ убѣжалъ и стоитъ далеко отъ города. Бурзэ кликнулъ его: Поди ты сюда, собачій сынъ!

Кучеръ пріѣхалъ и остановился у дверей комнаты. Бурзэ схватилъ рукой за ногу Каѳрана пехлевана, бросилъ его въ коляску, приговаривая:—Вотъ это семилѣтняя дань!

Отрѣзанную голову также бросилъ, приговаривая:—А это царская дочь!

Кучеръ давай скакать въ свой городъ. Когда онъ пріѣхалъ, тотчасъ же царь Карадага вышелъ на встрѣчу Каѳрану пехле-

вану; съ сазомъ, даоломъ, зурной; видитъ: въ коляскѣ лежитъ трупъ пехлевана.—Это что такое?—спросилъ онъ у кучера.—А то, что онъ былъ побѣжденъ, и Бурзэ его убилъ.

Царь созвалъ визиря, вакиля, хана, бега, всѣхъ поразставилъ и спросилъ:—Царство наше разъ навсегда попало въ бѣду; до сихъ поръ все лишь за спиной Каѣрана пехлевана мы дѣлали.

Визири отвѣтили:—Царь, у тебя есть сила; собери твои войска, и идемъ на царя Оѣмандаѣа.

Откуда намъ повѣдать вѣсть?—

— Изъ Полада Дарбанда.

Царь Полада-Дарбанда подумалъ: вотъ уже сорокъ дней, какъ мой пехлеванъ дѣвъ не показывается. Созвалъ визирей и сказалъ:

— Гдѣ нашъ пехлеванъ дѣвъ? Случится, что одинъ изъ Сасунскихъ пехлевановъ придетъ, какой намъ дать отвѣтъ?

Всѣ поклялись:—Царь, здравствуй долго! мы не знаемъ о пехлеванъ-дѣвѣ.—А кто же знаетъ?—Мирджана Джазо ¹⁾.

Это была жена дѣва. Царь спросилъ:

— Мирджана Джазо, гдѣ нашъ пехлеванъ дѣвъ?

— Теперь только спрашиваешь о пехлеванъ дѣвѣ, отвѣтила она, во-онъ онъ въ Соганлугскомъ лѣсу голову продѣлъ въ щель гнилого дерева, голова его распухла и не выходитъ оттуда.

Царь отправилъ пятнадцать топорщиковъ, приказавъ:—Идите разрубите дерево, выньте голову пехлевана-дѣва и приведите его.

Пошли, разрубили дерево и привели дѣва. Царь спросилъ:—Пехлеванъ! Что это за бѣда съ тобой приключилась?—Изъ Сасуна пришелъ пехлеванъ,—сказалъ дѣвъ,—мы стали биться, онъ ударилъ и разсѣкъ мнѣ голову, я ранилъ его и давай бѣжать, а тотъ гнался за мной до Соганлугскаго лѣса. Отъ боли сунулъ я голову въ щель сгнившаго дерева, тотъ мимо пробѣжалъ; ужъ не знаю, тамъ ли онъ, или нѣтъ.—А кто же знаетъ, гдѣ онъ находится?—спросилъ царь. Царь! отвѣтили ему: Мирджана Джазо знаетъ.

Позвалъ царь Мирджана Джазо и спросилъ:—Мирджана Джазо, гдѣ Сасунскій пехлеванъ?—Спитъ во дворцѣ царя Оѣмандаѣа.

¹⁾ По словамъ рассказчика, жена дѣва была „сѣхрибавъ“ (колдунья) и по ногтямъ гадала.

Такъ какъ была ночь. Царь сказалъ:—Мирджана Джазо! Умрешь или жива будешь, а отъ тебя я сейчасъ же требую того пехлевана.

Мирджана Джазо хлопнула въ ладоши и полетѣла (она была „сэхрибаз“ и умѣла летать по воздуху). Спустилась въ комнату царя Оцмандага, и видитъ: Бурзэ спитъ, и кликнула:—Бурзэ!—Что, душа Мирджана Джазо?—Я пришла за тобой.—Уведешь меня, что подѣлать!—Поклянись на одномъ, чтобы я тебя не увела: полюбишь меня—не уведу, не полюбишь—такъ уведу.

Тотъ обманулъ, сказалъ: полюблю.

Тотчасъ же Мирджана Джазо вернулась и спустилась у дверей царскаго дворца; видитъ: столько народу собралось, что и не сосчитать; стоятъ палачи, тотъ говоритъ: я сниму голову, а этотъ: нѣтъ, я. Вдругъ видятъ: Мирджана Джазо ни съ чѣмъ вернулась и спустилась на землю.

Царь спросилъ:—гдѣ же Бурзэ?—Не могла его привести,—отвѣтила она.—Почему?—Сильный былъ человѣкъ, я не могла его одолѣть.

Пехлеванъ дэвъ пришелъ, сталъ передъ царемъ и сказалъ:—Царь! Мирджана Джазо обманываетъ; тотъ ей говорилъ: полюблю тебя, вотъ почему она его не привела.

А родъ ихъ (Бурзэ) любовниками не бываетъ. Царь рассердился на Мирджана Джазо, сказалъ:—Я не знаю, но умрешь или жива будешь, должна ты его привести.

Мирджана Джазо хлопнула въ ладоши и улетѣла. Пришла въ комнату царя Оцмандага, завернула соннаго Бурзэ въ тюфякъ, одѣяло, войлокъ и коверъ, взяла подмышку, принесла и положила среди майдана (площади) Полада-Дарбанда.

Бурзэ спалъ; невольно проснулся онъ и видитъ: онъ въ Полада-Дарбандѣ, и его окружаетъ такая толпа народу, что и не говори. Рассердился онъ и закричалъ:—Дайте мою дань!

Лишь онъ закричалъ: дайте мою дань, отъ его духа весь народъ посыпался въ море.

Тогда дэвъ сталъ просить:—Царь! вели его убрать!—Мирджана Джазо! сказалъ царь, бери его туда, откуда принесла!

Мирджана Джазо взяла его, понесла и положила во дворцѣ царя Оцмандага, а сама вернулась назадъ.

Откуда намъ повѣдать вѣсть?—

— О царѣ Карадага.

Царь Карадага собралъ большое войско, пришелъ и окружилъ городъ царя Оцмандага. Написалъ письмо царю: либо пришли сюда на бой твоего пехлевана, либо городъ твой я разрушу.

Царь позвалъ визиря и сказалъ:—Визирь! видишь ты эту многочисленную толпу, которая пришла съ нами воевать; мы же воевать не можемъ, какъ же быть?—Спроси Бурзэ, отвѣтилъ визирь, посмотри, что онъ скажетъ.

Визирь вышелъ и закричалъ:—Бурзэ, выйди-ка!—Что такое, визирь?—Видишь ты эту толпу?—Ай-ай-ай! Визирь, что это такое?—Эти люди пришли, чтобы и царя, и народъ, и тебя убить.—Визирь,—сказалъ Бурзэ,—ради самого Бога, выведи-ка мою лошадь.

Визирь вывелъ его лошадь, онъ сѣлъ, взялъ пятнадцати-пудовую палицу и сказалъ:—Визирь! проси Бога, чтобы они не убѣжали, пока не насыщусь, чтобы не сталъ я по нимъ тосковать.

И поскакалъ онъ въ войску, взѣхалъ на высокій пригорокъ и остановился тамъ; видить: звѣздамъ, камнямъ, кустамъ есть счетъ, а войску нѣтъ.

— Э!—сказалъ Бурзэ,—я лопну, если не закричу; такъ я крикну, чтобы успокоиться.

Лишь онъ закричалъ, двѣнадцать пригорковъ разрушилось и внизъ полетѣло вмѣстѣ съ камнями и кустами. Войско подумало, что съ неба и изъ земли люди на нихъ посыпались, начали рубить другъ друга. Всѣ были перебиты, остались лишь царь и визирь, и тѣ убѣжали.

Бурзэ вернулся въ городъ и сказалъ:—Визирь! это были тѣ люди, которые, по твоему, должны были насъ перебить?

Тотчасъ высыпали (изъ города) жители и видать: всѣ перебиты, никого нѣтъ въ живыхъ. Царь Карадага съ визиремъ прибѣжали въ городъ и, сколько ни было въ немъ мудрыхъ людей, всѣхъ собрали и привели (на совѣтъ): отъ руки-де одного человека городъ нашъ пропалъ.

Мудрые люди сказали:—Царь! Найди подкопщиковъ, и вели имъ опорожнить подъ пригоркомъ.

— Царь отправилъ нѣсколько подкопщиковъ; въ семь дней и ночей они опорожнили подъ пригоркомъ. Царь снова взялъ войско, пошелъ и окружилъ со всѣхъ сторонъ городъ царя Оцмандага.

Бурзэ навѣстили: еще пришли воевать съ нами. Бурзэ сълз на коня, поскакалъ на тотъ же пригорокъ, остановился тамъ и видить: звѣздамъ, камнямъ, кустамъ есть счетъ, а войску нѣтъ. Подумалъ самъ: дай-ка закричу, чтобы тѣло мое успокоилось, а не то лопну. Закричалъ разъ; пригорокъ разрушился, и Бурзэ, смѣшавшись съ землей, камнемъ и кустами, полетѣлъ внизъ головой. Крикнули: бросьте арканъ! Бросили арканы: сто аркановъ попало въ Бурзэ; крѣпко его связали по рукамъ и ногамъ, привели въ городъ царя Карадага и остановили на майданѣ: хотѣли снять съ него голову долой. Одинъ изъ визирей пришелъ и видить: это такой молодецъ, да не простого, а знатнаго рода.

— Царь, о чемъ ты думаешь?—спросилъ онь.—О чемъ же мнѣ думать, отвѣтилъ царь: такъ какъ этотъ пехлеванъ перебилъ насъ, то я сниму съ него голову долой. — Я вижу, — сказалъ визирь, — этотъ молодецъ не простого, но знатнаго рода; законъ нашъ запрещаетъ поднять оружіе на знатнаго челоуѣка. — А что же дѣлать намъ?—Выведи его за двѣ версты отъ города; тамъ есть у тебя подкопы, что во сто, что въ двѣсти „гязовъ“ ¹⁾, брось его въ одинъ изъ подкоповъ, положи сверху жерновъ и поставь караулить двухъ дѣвовъ; пусть онь тамъ останется навѣки.

Откуда намъ повѣдать вѣсть?—

— Изъ города Сасуна.

У царя Сасунскаго, Зала, была дочь.

Ночью ей приснилось, что ихъ пехлеванъ Бурзэ по груди стоитъ въ илѣ; проснувшись, видить, что то былъ сонъ. Подумала она про себя: имѣеть ли царь извѣстіе о нашемъ Бурзэ? на разсвѣтѣ найду спрошу.

Не прошло и часа, дѣвушка до того разсердилась, что отъ гнѣва чуть не лопнула. Тотчасъ же она зажгла огонь, направилась къ комнатѣ Зала и постучалась молоткомъ въ дверь. Царь спросилъ:—Кто это стучится въ дверь?—Это я, царь!—отвѣтила она.—Что ты, безпутная, не даешь намъ спать?—Царь, гдѣ тутъ спать, когда ночью мнѣ приснилось, что Бурзэ по самья подмышкн торчитъ въ илѣ. Сей же часъ привеси мнѣ извѣстіе, не то лопну въ сердцахъ.

¹⁾ Мѣра длины, кажется, равная 3 аршинамъ.

Царь, подумавъ, отвѣтилъ:—Отъ кого бы мнѣ спросить извѣстія въ полное время? Пойду-ка къ птицѣ Земрухту ¹⁾, она много гуляетъ по свѣту. А вѣдь птица Земрухтъ у Бѣлаго моря жила.

Тотчасъ же взялъ онъ съ собой Рустама, Дзэновъ Ована (Зычнаго Ивана) и отправился къ птицѣ Земрухту. Птица Земрухтъ завидѣла, что царь Заль идетъ къ ней, и отъ страха на двѣ версты вышла къ нему на встрѣчу.

— Царь Заль!—сказала она,—по доброму-ли дѣлу въ такое время приходишь? Царь отвѣтилъ:—Птица Земрухтъ, дай какую-либо вѣсть о нашемъ Бурзэ!—Царь Заль, хлѣбъ да вино, живь Господь ²⁾, что я не имѣю извѣстія о Бурзэ.—А кто же имѣеть?

— Лишь Хоіо Екдасти ³⁾ знаетъ о немъ, и никто другой. Хоіо же Екдасти вотъ уже семь лѣтъ удалился прочь отъ голоса вашего рода. Ступай къ Хоіо Екдасти!

Царь Заль собирался было уйти; она сказала:

— Ты такъ не иди, ступай приготовь поднось, положи на него яства что ни есть лучшія, дай Рустаму, и отправьтесь къ Хоіо!

Пошли приготовили поднось и отправились къ Хоіо Екдасти! Этотъ запримѣтилъ, что царь Заль съ братьями своими идетъ къ нему, началъ было бѣжать; царь Заль сказалъ: Хоіо Екдасти, хлѣбъ да вино, живь Господь! честить тебя я пришелъ.

И пошелъ, поставилъ поднось передъ Хоіо Екдасти. Съѣлъ онъ хлѣбъ, выпилъ вино и водку и спросилъ:—Царь Заль! добромъ-ли пожаловалъ?

Отвѣтилъ:—О нашемъ Бурзэ дай какое нибудь извѣстіе? — Подъ дворцомъ царя Карадага есть подкопъ, Бурзэ въ немъ сидитъ, а надъ нимъ жерновъ, да два дѣва въ караульщикахъ. Ступай же выведи!

Царь сказалъ:—Прошу тебя, пособишь бы молодцамъ! Отвѣ-

¹⁾ Знаменитая въ персидскомъ эпосѣ птица Симургъ появляется также во многихъ армянскихъ сказкахъ въ томъ же испуганномъ видѣ.

²⁾ Дословно: клянусь „хлѣбомъ въ вивѣ, сущимъ Господомъ“ (=хацивъ й гивинъ, теръ кенданинъ). Это выраженіе, принявшее, какъ это бываетъ при частыхъ повтореніяхъ въ народномъ эпосѣ, стихотворную форму, несомнѣнно перенесено изъ вариантовъ о Давидѣ Сасунскомъ, гдѣ оно неоднократно приводится, какъ чудодѣйственная молитва, дающая армянскому богатырю необыкновенную силу.

³⁾ Екдасти по-перс. значить: однурукій.

тилъ:—Царь, твоего хлѣба я ѣлъ, пособию, а только братья твои ¹⁾ пусть дадутъ клятву не кричать на дорогѣ: вотъ уже семь лѣтъ, какъ я отъ голоса вашего рода удалился прочь.

Рустамъ и Ованъ поклялись головой царя Зала, что де мы не закричимъ на дорогѣ. И пошли: Рустамъ, Ованъ, Хоіо Екдасти; дошли до города царя Карадага. Хоіо Екдасти сказалъ:—Видите-ли, братцы, тѣхъ двухъ дэвовъ: они караульщики вашего брата. Можете ли принести каждый по булыжнику?

Каждый изъ нихъ поднялъ и принесъ по булыжнику въ три пуда. За спиной у Хоіо былъ парсеть ²⁾; вложилъ онъ туда булыжникъ въ три пуда, размахнулся и метнулъ: раздробилъ на мѣстѣ одного дэва. Вложилъ онъ другой булыжникъ—и другого дэва убилъ.

— Стойте здѣсь,—крикнулъ онъ,—а я пойду.

Пошелъ, сталъ надъ подкопомъ, схватилъ онъ рукой жерновъ и закричалъ. Бурзэ!—Что, душа Хоіо Екдасти?—Я вытащу тебя изъ ямы.—Вытащишь, такъ ладно!—Поклянись головой царя Зала, что не закричишь.—И триста такихъ Хоіо Екдасти, какъ ты, издохнуть, а все же я закричу, лишь выйду отсюда.

— И оставилъ Хоіо Екдасти и убѣжалъ. Пошелъ къ Рустаму и Овану и сказалъ:

— Братцы, а онъ закричитъ, не подѣлаешь съ нимъ ничего. Оглянитесь-ка кругомъ, не добудете-ли гдѣ одѣяла и тюфякъ.

Поискали, нашли. Сказалъ:—Заверните мнѣ голову, чтобы крикъ его не дошелъ до ушей моихъ.

Завязали голову Хоіо Екдасти, и онъ пошелъ, сталъ надъ ямой, схватилъ за руку Бурзэ, вытащилъ вонъ. Бурзэ сѣлъ на краю ямы; осмотрѣлся, видитъ—городъ царя Карадага. Позвалъ Рустама, Ована и сказалъ:—Стало насъ четверо, обступите городъ и рубите!

Обступили городъ и начали рубить.

Извѣстили царя Карадага: Бурзэ де вышелъ изъ ямы, трое людей поспѣли къ нему—родственники или чужіе—знать не знаемъ;

¹⁾ По всей вѣроятности, здѣсь память наизмѣнила разсказчику: во всѣхъ другихъ вариантахъ, записанныхъ мной, Рустемъ является смяомъ, а не братомъ Зала.

²⁾ Метательный снарядъ.

а пришли они, рубя городъ. Знаешь средство какое—употрѣби, а не то и насъ перебьютъ.

Царь призвалъ того визиря, который не далъ отрубить голову Бурзэ и сказалъ:—Визирь! если что можешь одѣлать—дѣлай, не то—кончено дѣло!

Визирь пошелъ на встрѣчу Бурзэ и поспѣлъ тогда, когда Бурзэ, весь въ поту, рубилъ народъ. Лишь пришелъ, сталъ онъ проситься.

— Визирь!—сказалъ Бурзэ,—не кто другой, а ты долженъ былъ притти мнѣ на встрѣчу! Заповѣдью одной, не двумя, дарую вамъ жизнь, пойдешь скажешь царю вашему, чтобы онъ написалъ „габалу“, ¹⁾ да двѣнадцать свѣтниковъ ²⁾ чтобы подписались, да царь чтобы печать наложилъ: пока де свѣтъ стоитъ, будемъ данниками царя Оймандага.

Тотъ же часъ заготовили габалу, дали. Тѣ взяли ее и отправились въ городъ царя Оймандага. Уже дошли было, Хопо Екдасти и сказалъ:—Вы, ребята, братья царя Зала, у васъ есть всякое добро, имущество, а я бездомный ³⁾ бѣднякъ. Давайте на габалу мнѣ, пойду прежде васъ передамъ царю, чтобы царь чѣмъ-нибудь наградилъ меня.

Дали габалу Хопо Екдасти, и сказали:—На, ступай!

Отправился; видитъ: какая-то дѣвушка съ кувшиномъ въ рукѣ идетъ къ фонтану за водой; поразглядѣлъ, видитъ: это такая дѣвушка, что солнцу скажетъ: не ты взойди, взойду я; свѣтится, ни дать, ни взять, огонь; пьетъ-ли воду,—глотокъ за глоткомъ по горлу видать; не пить бы, не ѣсть, семь дней, семь ночей глядѣть бы на красоту, на ростъ этой дѣвушки.

И подумалъ Хопо Екдасти:—Лучше этого царь что мнѣ дастъ?

Схвативъ дѣвушку подъ мышку, бросилъ къ себѣ на задокъ, уснакалъ.

Смотритъ Бурзэ: Хопо Екдасти увозить царскую дочь, погнался за нимъ, ударилъ разъ палицей: прилѣпилъ Хопо Екдасти съ царской дочерью такъ къ камню, что ходи онъ семь дней, не могъ бы отличить, что это вещь другая.

1) Условіе, договоръ.

2) Т. е. свѣтниковъ царя (членовъ „свѣода“).

3) Въ оригиналѣ: степнякъ, въ см. не имѣющій дома.

Взяли габалу и пошли. Принесли, дали ее царю Оцмандага. Прочиталъ царь: ему же данникомъ сталъ царь Карадага.

Сказалъ:—Приведите дочь, дадимъ въ пэшкэшъ (подарокъ) Бурзэ!

Бурзэ сказалъ:—Дѣвушку я прилѣпилъ къ камню.

Сѣли за пирь—пить, ѣсть, веселиться.

2. Т х б у р з - Ш з р а н ь.

Царь Полада-Дарбанда собралъ войско, пошелъ на Сасунъ, чтобы воевать съ царемъ Заломъ.

У царя Зала былъ сынъ, по имени Фахкэ-Фахрамазъ. Пошелъ и сталъ проситься у сына: врагъ де окружилъ городъ. Фахкэ-Фахрамазъ сѣлъ на коня, Заль на другого, и поѣхали, чтобъ сразиться съ войскомъ.

Бурзэ вышелъ изъ города царя Оцмандага и направился къ Сасуну. Лишь только онъ вышелъ оттуда, тотчасъ же услышалъ звукъ палицы; догадался, что то была палица Фахкэ-Фахрамаза.

— Братцы!—сказалъ онъ,—поторопитесь, на нашъ-то вѣдь городъ нагрянулъ врагъ!

И пошли. Пришли, видятъ: царь Заль и Фахкэ-Фахрамазъ бьются съ огромнымъ войскомъ. Бурзэ, лишь поспѣлъ туда, ударилъ палицей въ войско: ни одинъ не спасся, всѣ полегли.

Царь Заль увидѣлъ, что Бурзэ поспѣлъ на помощь, самъ собственной рукой поднесъ и бросилъ на плечи Бурзэ сдѣланное изъ мѣха бархэ барбарани ¹⁾ и сказалъ:

— Достоинъ ты царствовать, а я уже состарѣлся.

Фахкэ-Фахрамазъ обидѣлся, ускакалъ искать по міру: гдѣ-де только я найду какого парня-воришку, на мѣсячномъ жалованьи приведу воевать съ твоимъ городомъ.

Бурзэ на чужбинѣ.

Спустя семь дней, Бурзэ сѣлъ на коня, поѣхалъ охотиться. Видитъ: какая-то лань впереди него пробѣжала; пустилъ коня въ догонку. Семь дней и семь ночей онъ скакалъ, поймалъ лань, взялъ въ охапку. И видитъ онъ: это такая страна, что отъ самаго рож-

¹⁾ По объясненію сказителя „посте (сдѣланное изъ мѣха) бархэ барбарани“ считается у Курдовъ знакомъ власти и носится на правомъ плечѣ.

денія не видывалъ такой. Хотѣлъ итти впередъ, видитъ: по дорогѣ идетъ какой-то дѣвъ, одна губа доходитъ до неба, другая— до земли. Въ то время, какъ онъ замыкаетъ пасть (собств. ударяетъ ихъ другъ о дружку), изъ нея снопами валится огонь.

— Здравствуй, тварь земная ¹⁾!—сказалъ онъ:—откуда ты?—Изъ города Сасуна.—Знаешь Бурзэ?—Какъ не знать!—Чѣмъ ты испыталъ его?—Когда я упирался ногой о его ногу и бралъ его за оба уха, онъ меня подымалъ и отбрасывалъ.—Такъ иди ступи на мою ногу и схватись за оба мои уха, и посмотри, могу ли я тебя отбросить.

Ступилъ на ногу, схватилъ за уши и зажалъ: нога сломалась, ушла въ землю, оба уха съ корнемъ выпли вонъ. И заоралъ дѣвъ, закричалъ:—Аманъ! пусти!—Какое тутъ „пусти“, когда я и есть Бурзэ!—Аманъ, Бурзэ, отпусти!

Выпустилъ. Лишь выпустилъ, дѣвъ сталъ писать что-то, и лошадь у Бурзэ пала. Бурзэ ударилъ палицей по головѣ дѣва, дѣвъ издохъ.

Взялъ сѣдло на плечи и побрелъ пѣшкомъ. Встрѣтился ему незнакомый городъ. Видитъ: какая-то старушка сидитъ на порогѣ и вяжетъ.

— Матушка,—сказалъ онъ,—буду я тебѣ сыномъ. Какое занятіе есть здѣсь, чтобы мнѣ тебя содержать?

Старуха отвѣтила:—сынъ мой, можешь ли быть хорошимъ борцомъ?—А есть-ли борцы?—Ступай къ дверямъ царя, сядь на „бинакдашъ“, ²⁾ сейчасъ же поймутъ, что ты—борецъ, и приведутъ тебѣ борца.

Пошелъ, сѣлъ на тотъ бинакдашъ. Визяри царскіе видятъ: сидитъ кто-то на бинакдашѣ, и сказали:—Ступайте, ведите нашего борца, пусть поборются.

Пошли, привели борца и сказали:—а знаешь-ли, новый борецъ, у насъ условіе положено: если нашъ борецъ ударитъ тебя о землю, то безъ разговора шею тебѣ отсѣчетъ.

Сказалъ:—я не боюсь, ведите, схватимся!

¹⁾ Обычный зиптеть всѣхъ людей, который имъ даютъ дѣвы во всѣхъ восточныхъ сказкахъ.

²⁾ Бинакдашъ—посольскій стулъ у царскихъ воротъ; въ другихъ сказкахъ на этотъ стулъ садятся сваты, тѣмъ извѣщая царя о цѣлѣ своего прихода.

Два борца схватились. Бурзэ ударилъ о землю царскаго борца, прижалъ колѣни на грудь: полопались пуговицы, разлетѣлись; видить: пара грудей бѣлыхъ повскочили вонъ.

А былъ этотъ борець царская дочь; положила она про себя: какого мужчину ударю о землю, тому голову долой; (тому шею разрѣжу) а кто меня свалитъ на землю, за того выйду я замужъ.

Когда Бурзэ повалилъ ее на землю, царь прибѣжалъ, крича:— не убивай моего борца, пощади ради себя!

Сейчасъ же привели дѣхоль, зурну, ¹⁾ повели, посватали Бурзэ и дочь царскую. Бурзэ и поупрямился: я не пойду никуда, а пойду лишь къ старушкѣ матушкѣ.

Семь дней оставался въ домѣ старухи и сказалъ:—Царевна! есть-ли въ табунѣ твоего отца лошадь, которая бы меня носила?

Отвѣтила:—По пятницамъ изъ моря выходитъ огненный конь-самецъ, перебивая отцовскій табунъ гонить его во дворъ и самъ назадъ уходитъ.

Въ пятницу пошелъ и поймалъ лошадь, сѣлъ и прѣхалъ къ двери старухина дома.

— Матушка! Царевна!—сказалъ онъ,—прошайте, уѣзжаю.

Царская дочь сказала:—А я?... Сказалъ:—Тебя я не возьму.

И поѣхалъ въ Сасунъ.

Прошло девять мѣсяцевъ, девять часовъ, девять минутъ, дочь царская родила мальчика, сына отъ самого Бурзэ.

Всѣ собрались, чтобъ окрестить мальчика. Царевна и сказала:— Никто другой, я сама окрещу.

И назвала сына *Тѣбурэ-Шѣранъ*.

Бой отца съ сыномъ.

Когда стало Тѣбурэ-Шѣрану два года, ходилъ онъ играть въ бабки; хваталъ рукой за уши мальчиковъ, зажималъ и забрасывалъ: туловище летѣло, а ухо оставалось.

Прошло нѣкоторое время, и Тѣбурэ-Шѣранъ сталъ пятнадцатилѣтнимъ парнемъ. Видитъ однажды: близъ города стоитъ чадръ

¹⁾ Восточные инструменты, игрою на которыхъ сопровождается всякое веселіе и танцы. „Дѣхоль“ или „Давуль“—родъ барабана, въ нижнюю поверхность котораго ударяютъ тоненькой палочкой, а въ верхнюю—болѣе солидной. „Зурна“—конусообразная дудка, издающая пронзительные звуки.

(палатка) за чадромъ. Пошелъ и спросилъ:—Что это за палатки?

Отвѣтили:—Мы—конные Фахкэ Фахрамаза; молчи! услышь, такъ всё внутренности твои выбьетъ ¹⁾).

Сказалъ:—А которая палатка Фахкэ-Фахрамаза?

Отвѣтили—вотъ эта большая палатка его.

Пошелъ, сталъ у дверей палатки и сказалъ:—Фахкэ-Фахрамазъ, или какъ тебя тамъ, выходи!

Фахкэ-Фахрамазъ вышелъ.

Тхбурэ-Шэранъ сказалъ:—иди запиши меня въ конные.

Отвѣтилъ:—пройди подъ моимъ мечомъ, и запишу тебя въ конные.

Сказалъ:—погоди, прѣйду верхомъ, а то, пожалуй, не запишешь.

И пошелъ домой рассказалъ матери: пришелъ какой-то человекъ, говорить: пройди подъ моимъ мечомъ, чтобы я взялъ тебя въ конные.

Мать сказала:—Сынъ мой! Ступай принеси мнѣ мужское платье!

Мать переодѣлась, стало двое конныхъ; ускакали они, остановились передъ палаткой Фахрамаза и сказали:—Запиши насъ въ конные, не то—палатку на тебя обрушимъ!

Видитъ Фахкэ-Фахрамазъ, что съ ними не подѣлаешь ничего, подумалъ: погоди, я ихъ заманю къ Бурзэ, пусть онъ съ ними справится.

Сѣли на коней и поѣхали въ городъ Сасунъ. Фахкэ-Фахрамазъ написалъ „ярлыкъ“ царю Залу:—либо выходи на бой, либо городъ твой разрушу.

Заль позвалъ Рустама:—ступай, сказалъ, дѣлай, что можешь, вернись назадъ!

Рустамъ сѣлъ на коня, уѣхалъ. Фахкэ-Фахрамазъ сказалъ:—Тхбурэ Шэранъ, вотъ онъ ѣдетъ, выходи на бой!

Тхбурэ Шэранъ сѣлъ на коня, выѣхалъ на встрѣчу и сказалъ:—стой, не дальше! И бросилъ палицу. Рустамъ упалъ лицомъ на землю, вскочилъ и убѣжалъ въ городъ.

Царь Заль спросилъ:—ты зачѣмъ, братъ, вернулся?

Отвѣтилъ:—Царь!—жить тебѣ долго!—есть между нихъ моло-

1) Обычная угроза на Востока.

дѣцъ, какъ бросить палицу; такъ сейчасъ подумаешь, что это палица Бурзэ.

Сказалъ:—Подите, зовите Бурзэ сюда!

Когда пришелъ Бурзэ, царь сказалъ:—Бурзэ!—Что, государь?—Когда ты побывалъ на чужбинѣ, мѣсяць-два провелъ, ужъ не посватался-ли ты?

Сказалъ:—Царь! семь дней я побылъ съ дочерью одного царя.—Такъ ступай же самъ отвѣчай, хотя бы тебѣ изъ кожи выгѣзть ¹⁾.

Выѣхалъ на встрѣчу. Тѣхурэ Шэранъ сѣлъ на коня, взявъ палицу, бросилъ въ Бурзэ.—Бери!—сказалъ,—я бросилъ тебѣ палицу.

Сейчасъ же, какъ только онъ бросилъ, Бурзэ поймалъ палицу. И самъ онъ бросилъ. Тѣхурэ Шэранъ упалъ между ногъ коня. Слѣзъ Бурзэ, чтобы отрубить голову сыну; мать узнала его, закричала:—да это нашъ сынъ, что ты дѣлаешь!

Отецъ и мать поразговорились, сынъ между тѣмъ пришелъ въ себя, спросилъ:—матушка, кто это?—Отецъ твой, лао ²⁾.

Царская дочь сказала:—кто тебѣ этотъ человекъ?

Сказалъ:—это сынъ дяди моего.

Сказала:—а зачѣмъ же съ вами воюеть?

Отвѣтилъ:—потому что Заль мнѣ передалъ царство, онъ и мститъ мнѣ.

Сказала:—а въ чемъ ваше царство?—Въ „постѣ брхэ барбарани“.

Сняла она съ плечъ Бурзэ и бросила на плечи Факхэ Фахрамаза. Стало едино стадо, единъ пастырь.

Перебили всѣхъ всадниковъ и пошли въ городъ Сасунъ. Тутъ только царь Заль съ визирями, вакилями, дхоломъ, зурной, угощеніемъ повелъ и сосваталъ Бурзэ.

Они достигли своего счастья,
А вамъ достигъ своего ³⁾.

¹⁾ Въ подлинникѣ дословно: хотя бы вышла твоя жизнь (душа) изъ тебя.

²⁾ Лао по-гурдски означаетъ „сынъ“.

³⁾ Обычныя заключительныя слова армянскихъ сказокъ.

V.

Р у с т а м ь .

(Курдскій варіантъ) ¹⁾.

Заль былъ сынъ Дала, Рустамъ—сынъ Зала, Фарамуръзъ—сынъ Рустама.

Однажды Заль позвалъ Рустама. Рустамъ пришелъ; онъ былъ еще малъ. Заль пожалѣлъ мальчика, сказалъ (про себя): „этотъ мальчикъ еще малъ“, и отослалъ его назадъ. Прошло нѣкоторое время, Заль опять (его) позвалъ. Рустамъ спросилъ:—зачѣмъ ты меня зовешь?—Жалѣю тебя сказать (причину); вотъ *Кяфръ* ²⁾ *Салмианъ Сидиръ* пришелъ и вызываетъ тебя на бой.—Я пойду на бой съ нимъ: сготовь мнѣ желѣзную булаву въ 40 литровъ ³⁾.

Тотъ пошелъ, сготовилъ, принесъ. Рустамъ сказалъ: легка она.—Если легка, то у твоего дѣда есть булава, возьми (ее) и принеси!

Пошелъ принесъ. — Хороша, — сказалъ онъ, — только все же легка.

Ударилъ въ крѣпость своего отца, крѣпость разрушилъ. Заль спросилъ: что это за шумъ я слышу? Слава Богу! Мой сынъ замѣстилъ дѣда своего, да гораздъ еще болѣе сталъ.

Рустамъ сказалъ отцу:—что теперь отъ меня желаешь?—Мое желаніе (таково): да будетъ съ тобой Богъ! иди! Салмианъ Сидиръ пришелъ и вызываетъ тебя на бой.

Рустамъ отправился въ мѣйданъ ⁴⁾, поздоровался и сказалъ:

— Зачѣмъ ты меня зовешь?—Ты кто такой?—Я Рустамъ.—Сынъ Зала?—Да. Зачѣмъ меня зовешь?—Есть дѣвушка (по имени) Пярдаэши ⁵⁾; уже семь лѣтъ сердце мое ея желаетъ, (но) она не выходитъ за меня. Идемъ я и ты на бой съ ней, насильно ее приведемъ!—Идемъ!

Рустама послалъ впередъ: по одиночѣвъ должны биться. Пярдаэши пришла. Она и Рустамъ ударили (булавами) другъ друга,

¹⁾ Варіантъ этотъ записанъ со словъ Пира (духовнаго главы) Како въ сивдскомъ селеніи Карвансараѣ, Сурмалинскаго уѣзда Эрив. губ. 24 апр. 1899 г.

²⁾ Кяфръ, по объясненію Пира Како, значитъ „дѣвъ“.

³⁾ Литръ равенъ 12 фунтамъ.

⁴⁾ Мѣсто богатырскихъ схватокъ.

⁵⁾ Произношеніе этого имени: Пярдаэши.

бились до вечера, не побѣдилъ никто: Рустамъ можетъ ее осилить, но не хочетъ, и дѣвушка тоже жалѣетъ ударить его. Подождали слѣдующаго дня. И на слѣдующій день бились до вечера, не побѣдили другъ друга. На третій день Рустамъ ударилъ булавою въ крѣпость дѣвушки, разрушилъ ее, (потомъ) схватилъ ее за плечо и перебросилъ на передокъ (сѣдла).

— Дѣвушка спросила:—Ты кто такой?

Сказалъ (тотъ):—я Рустамъ, сынъ Зала. Сказала (она):—я знала что ты Рустамъ, потому пожалѣла нанести тебѣ ударъ. Ты мнѣ нравишься, нравлюсь ли и я тебѣ, чтобы тебѣ на мнѣ жениться?

Понравилась другъ другу, пришли къ Салмиану. Рустамъ привелъ ее, передалъ Салмиану (и) сказалъ: на, возьми твою желанную!

Дѣвушка сказала:—я пришла ради Рустама, твоего же лица я не видала. Ступай прочь, а не то—ударю булавою, положу на мѣстѣ.

Рустамъ привелъ ее къ себѣ домой. Отецъ спросилъ:—Салмианъ Сидиръ зачѣмъ звалъ тебя?—Ради этой дѣвушки звалъ меня.—Зачѣмъ же ты не отдалъ ему дѣвушку?—Дѣвушкѣ онъ не понравился, понравился я.—Ты мнѣ не сынъ! Иди прочь съ глазъ моихъ!

Салмианъ ушелъ, привелъ съ собой огромное войско и окружилъ крѣпость Зала со всѣхъ сторонъ. Въѣстъ съ Салмианомъ пришелъ и братъ дѣвушки *Касимъ*; имѣлъ онъ одну руку; всѣхъ сильнѣе былъ Касимъ. Семь лѣтъ это войско крѣпость кругомъ облегало. Залъ сражался, но не могъ съ нимъ сладить. Залъ отправилъ *Бэжамъ*—онъ былъ сынъ сестры Рустама—за Рустамомъ. Тотъ пришелъ въ крѣпость Рустама. Рустамъ сказалъ:—зачѣмъ ты пришелъ!—Ты не вѣдаешь развѣ: Салмианъ привелъ столько войска, что намъ не въ мочь стало. Вотъ уже семь лѣтъ, перебили у насъ весь народъ.—Я не пойду.

Пардаэши сказала:—мой братъ (то же) пришелъ, онъ очень могучъ, съ нимъ нельзя биться. Иди на бой!

И Рустамъ, и жена, и Фарамурзъ, сынъ ихъ, пришли въ городъ Зала. Фарамурзъ, увидѣвъ войско, сказалъ отцу:—Бабо (отецъ)! Что это за войско?—Лао (сынъ)! Это войско Салмиана;

онъ ради матери твоей пришелъ воевать съ твоимъ дѣдомъ.—
Бабо, тебѣ нечего дѣлать, на бой этотъ пойду я.—Лао! ты еще
дита, жаль тебя, ты не можешь биться.—Валла (ей-ей) я дол-
женъ итти!

Мать сказала:—онъ мой сынъ, пусть себѣ идетъ и будетъ
убить!

Пошелъ Фарамурзъ, сталъ на мѣйданѣ и сказалъ:—кто си-
ленъ, тотъ пусть идетъ на бой!

Дядя Касимъ вышелъ на мѣйданъ; три дня и три ночи бились
они, ни тотъ ни другой не побѣдилъ.

Салмианъ сказалъ:—Касимъ, что это значить? Вотъ уже три
дня ты выходишь на бой и не можешь поймать и привести его сюда.

Тотъ отвѣчалъ:—какъ мнѣ его привести, когда онъ храбрѣе
и ловчѣе меня?

У Касима былъ сынъ (по имени) *Али Бѣджанъ*. Онъ сказалъ:—
утромъ пойду я.

Али утромъ отправился, схватилъ Фарамурза, перебросилъ
его на передокъ (сѣдла) и увезъ. Когда онъ привезъ его, кровь
въ дядѣ заговорила, пожалѣвъ убить его и сказалъ сыну:—этотъ
мальчикъ очень силенъ, береги его для насъ!

Рустамъ, увидя, что увезли его сына, схватилъ свою булаву;
Залъ съ одной стороны, Рустамъ—съ другой напали на войско
Салмиана, обратили его въ бѣство, а Фарамурза и Али Бѣджана
привели живьемъ. Семь дней и семь ночей играли свадьбу Рустама,
повеселились и отпустили Али Бѣджана съ подарками.

Б. Халатянцъ.

Эчмиадзинъ, 1899.

Объясненіе знаковь:

ä—открытое широкое *a*

ö—французское *eu*

ı—смягченное *i*

x̣—*h*

ḳ, ṇ, ṭ—придыхательн. *k*, *n*, *t* (*kh*, *ph*, *th*).

С М Ъ С Ъ.

Этнологическія замѣтки.

I.

Бѣжецкій условный языкъ.

Въ «Русскомъ Зрителѣ, журналѣ исторіи, археологіи, словесности и сравнительныхъ костюмовъ» за 1828 годъ (часть IV, № XIII и XIV, стр. 183), напечатана небольшая статейка: «Изъ письма къ С. В. Т. Нѣчто о городѣ Бѣжецкѣ», подписанная «Б....въ». Краткій историческій и этнографическій очеркъ заканчивается свѣдѣніями объ условномъ языкѣ бѣжецкихъ торгашей.

«У Бѣжецкихъ торгашей есть какое-то странное нарѣчіе, которое они употребляютъ при торговлѣ: напр., *обзамъ его*, т. е. обвѣсь его; а молодцы, увидя дѣвушекъ, смотрящихъ на нихъ или идущихъ, говорятъ: *збранюга*—*зехай*—*карыши хряютъ*—братъ, смотри, дѣвки идутъ; также иногда спрашиваютъ другъ друга, у тебя *ель ракиша*—есть у тебя деньги? Рубль называютъ *тебрь*, полтину *ложига*, четверть рубля—*уголь*, гривенникъ—*марошникъ*, гривену—*марка*, штофъ—*штибель*, полштофъ—*полштибель*, вино—*тарнуха* и проч.

Вообще же говорятъ не совсѣмъ правильно: напр., пойдемъ за грибами; пироги съ грибами; нами нужно; что вы не ходите къ нами, и пр.»

II.

Причитанія матери «уноши князя Ростислава».

Въ моей брошюрѣ «Нѣсколько дагадокъ и соображеній по поводу Слова о полку Игоревѣ» (М., 1900, изъ сборника въ честь В. Ф. Миллера) сказано: «древній лѣтописецъ съ отвращеніемъ упоминалъ о Ростиславѣ, который утопилъ конюха и за это былъ наказанъ безвременной смертью».

«Древній лѣтописецъ» здѣсь—случайный *larpus calami*: конечно, рѣчь шла о Печерскомъ патерикѣ. Ошибка навела насъ на любопытное сопоставленіе. Подъ 1093 годомъ Ипатьевская лѣтопись рассказываетъ: «и налегша на Володимера, і бысть брань люта; и побѣже Володимеръ с Ростиславомъ и вои его. И прибѣгоша к рѣцѣ Стугнѣ, и въ бродѣ Ве-

Володимѣрь с Ростиславомъ; и нача утопати Ростиславъ передъ очима Володимѣровима; и хотѣ подхватити брата своего, и мало не втону самъ; и тако утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимѣрь же пребредъ рѣку с малою дружины, мнози же падоша отъ полка его, и боярѣ его тутъ падоша; і пришедь на оную сторону Диѣпра, плакася по братѣ своему и по дружини своей; иде Чернѣгову печаленъ велими. Святополкъ же убѣже въ Треполь и затворися ту, і бѣ до вечера, и в ту ночь приде Бывеу... Ростислава же иславше обрѣтоша и в рѣцѣ; и вземше и принесоша и Бывеу, і плакася по немъ мати его, і всі люде плакаша по немъ повелігу, уности его ради; и собращася епископы і попчѣ і чернорисцѣ, и пѣсни обычныя пѣвше, и положиша и въ церкви святоѣ Софѣѣ, у отца своего».

Почти то же, съ незначительными различіями, говорить и Лаврентьевская лѣтопись.

Иное освѣщеніе всему этому событію придаетъ Патерикъ (Яковлевъ, Памятники рус. лит. XII и XIII в., СПб., 1872, стр. СXXXIX—СXL).

«Нѣкакова вещь монастырская приключися князю Ростиславу. От паденія животнаго осквернену быти (съсуду), и сего ради сій преподобный Григорій сииде къ Диѣпру по воду; въ той же часъ присиѣ князь Ростиславъ Всеволодовичъ, хотя ити в Печерскій монастырь молитвы ради и благословенія, бѣ бо иды противу (ратнымъ) Половцемъ с братомъ своимъ Владимѣромъ. Видѣвше же отроци его старца сего начаша ругати суца и нача глаголати имъ: о чада, егда бѣ (треби) умиленіе имѣти и мнози молитвы искати отъ всѣхъ, тогда же вы паче зло творите, яже Богови не угодна суть, но плачетесь своєю погибели, и каются своихъ съгрѣшеній, да поне отраду примите въ страшный день, уже бо вы постиже судъ, яко вси вы въ водѣ умрете и съ княземъ вашимъ. Князь же, страха Божіа не имѣя, ни на сердцѣ себѣ положи сего преподобнаго словесъ, имѣ въ его пустошъ глаголюща, яже пророчествоваше о немъ, рече: мнѣ повѣдаеши смерть от воды, умѣюще бродити посредѣ ея; и тогда разгнѣвався князь повелѣ связати ему руки и нози и камень на выи его (объсечь) и въврещи въ воду и тако потопленъ бысть. Искавше его братіа два дни и не обрѣтоша, въ 4-й же день придоша в келіа его, хотяще взяти оставшая его, и се мертвый обрѣтеса в кѣліи связанъ и камень на (выи его); ризы же его и еще бяху мокры, лице же баше свѣтло, самъ же акы живъ, и не обретеса, кто принесый его, но и келіи (заключене суци). (Но слава о семъ Господу Богу, творящему дивныя чудеса своихъ ради угодникъ). Братіа же изнесше тѣло его и положиша в печерѣ честно, иже и за многа лѣта пребысть цѣло и нетлѣнно. Ростиславъ же нещечева вины о грѣсѣ и не иде въ монастырь отъ ярости, не въскотѣ благословенія и удалися от него, възлюбил клятву и приде ему. Владимѣрь же приде въ монастырь молитвы ради, и бывшимъ имъ у Треполя, и полкомъ снемшимся, побѣдоша князи наши от лица противныхъ. Владимѣрь преѣха рѣку, молитвъ ради святыхъ и благословенія, Ростиславъ же утопе съ всѣми вои своими, по словеси

блаженнаго Григорія: ниже судомъ судите, судится вамъ, и въ нюже мѣру мѣрите, възмѣрится вамъ».

Такова оцѣнка событія съ монастырской точки зрѣнія, дошедшая въ позднѣйшей записи и, конечно, значительно идеализованная.

Эта версія не упоминаетъ ни о матери Ростислава, ни объ ея плачѣ, которые выдвигаются на первый планъ лѣтописью и «Словомъ о полку Игоревѣ». Последнее совпаденіе, по нашему мнѣнію, очень знаменательно. Независимо другъ отъ друга два разновременныхъ источника даютъ идеализованный образъ Ростислава и упоминаютъ о плачѣ его матери— конечно, потому, что этотъ плачъ оставилъ глубокій слѣдъ въ народной памяти. По всей вѣроятности, это было прижитаніе, связанное съ опредѣленнымъ именемъ и сдѣлавшееся извѣстнымъ— благодаря самому трагическому факту или художественнымъ достоинствамъ самой причеты. Мы имѣемъ аналогичный примѣръ въ пѣснѣ Есенія Борисовны Годуновой.

Лѣтопись занесла на свои страницы сотни упоминаній о смерти крупныхъ общественныхъ дѣятелей. Она скупа на мелкія бытовые подробности и если упоминаетъ всетаки о томъ, что надъ мертвецомъ «карилы», плакали, то дѣлаетъ это рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, — когда вызванный смертью плачъ самъ по себѣ сдѣлался крупнымъ фактомъ общественной жизни.

Вл. Калашъ.

Русскій Семикъ.

Съ четверга седьмой недѣли послѣ Пасхи, суевѣрный народъ выполняетъ нѣкоторые обряды въ старину справлялъ такъ наз. «Семикъ». Отъ сложившихся въ суевѣрномъ народѣ понятій, что съ четверга означенной недѣли выходятъ изъ воды русалки, живутъ на сушѣ, бѣгаютъ по ржамъ и щекоцуютъ понавшихся имъ дѣвушекъ, семикъ называется «русальной» недѣлей.

Отправление Семика, несомнѣнно, имѣетъ основой языческое воззрѣніе людей на природу и представляетъ теперь бранные остатки языческаго культа, какъ это отчасти доказывается аналогическими обычаями древняго до-христіанскаго міра и свидѣтельствами историковъ, описывавшихъ бытъ народа. Въ обрядахъ русальной седмицкой недѣли относятся слѣдующіе обычай:

Задушныя поминки. Это— поминованіе усопшихъ на могилахъ. Этотъ обычай введенъ при распространеніи христіанства въ Россіи, именно для противодействія языческимъ обрядамъ; св. церковь хотѣла противополжить языческому Семику христіанское погребеніе странниковъ, чувственному веселію—мысль о смерти. Но народъ нашъ, отвоясь съ искреннимъ усердіемъ къ новому обычаю, тутъ же по привычкѣ впадалъ въ старое, чувственное. Въ старину родственники усопшихъ разбивали красныя яйца, призывая при этомъ обрядъ русалокъ, которымъ оставляли въ жертву

часть блиновъ, приносимыхъ для поминовенія, или же приносили на кладбище вино, которое, по окончаніи поминовенія, выливали на могилы, съ пѣніемъ обрядовыхъ пѣсней. Наблюдавшій этотъ обычай діаконъ Левъ Калойскій находитъ его происхожденіе у языческихъ народовъ, и, характеризуя состояніе Руси, говоритъ: «русскіе, слѣдуя языческимъ обрядамъ грековъ, совершали жертвы и возліянія въ честь усопшихъ». Въѣсть съ этимъ, въ старину, дѣлали поминовеніе убогихъ на убогихъ домахъ, или божедомкахъ, скудельникахъ, жалыникахъ. Въ такіе дома свозились покойники, люди или несчастно умершіе, удушенники, утопленники, или найденные въ окрестностяхъ. Для нихъ зажиточные рыли могилы, давали саваны и хоронили на свой счетъ и даже, по приѣзду язычниковъ, нанимали «жалыниковъ», плакальщицъ. Противъ такихъ языческихъ обрядовъ, въ царствованіе Іоанна Грознаго, Стоглавый соборъ говорилъ: «въ Троицкую субботу... по селамъ и погостамъ сходятся мужи и жены на жалыникахъ и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаніемъ, и егда учнутъ скоморохи и гудцы и прегудницы играючи, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати, и въ ладоши бити и пѣсни сатанинскія пѣти». Въ виду такого развращенія нравовъ, Стоглавымъ соборомъ было предписано священникамъ, чтобы они, по всемъ городамъ и селамъ, своими поученіями и наставленіями, отклоняли своихъ духовныхъ дѣтей отъ языческихъ обрядовъ. Но такъ какъ тогда свѣтъ культуры едва замѣтно пробивался въ Русь и былъ ею враждебно изгоняемъ, а сами священники того времени (по свидѣтельству Стоглава) были неученые, «грамотъ мало умѣли», учились у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше и учиться было негдѣ, и потому не были способны разсѣять мракъ суевѣрія, то прежнія понятія, суевѣрные обычаи и грубость прорвались и въ слѣдующія поколѣнія, и, точно могучей волной, охватили народъ устарѣлымъ мракомъ языческихъ обрядностей. Остатки прежняго «жалынья» и вытѣя до сихъ поръ еще можно видѣть въ причитаньяхъ, отправляемыхъ на могилахъ деревенскими женщинами съ воплемъ на распѣвъ. Такого рода причитанія собраны въ сборникѣ г. Барсова, гдѣ есть причитанія вдовы по умершемъ мужѣ, дочери по отцѣ, по родномъ братѣ, по убитомъ громомъ - молніею, плачь о старостѣ, писарѣ, объ отцѣ духовномъ.

Завиваніе вѣнковъ. Обрядъ завиванія вѣнковъ съ древнихъ временъ извѣстенъ во всей Россіи. Назадъ тому нѣсколько десятковъ лѣтъ обрядъ этотъ совершался не только по деревнямъ, но и по городамъ и даже въ столицахъ, какъ напр. въ Москвѣ. Въ концѣ 18 вѣка, въ Семикѣ, вся Москва представляла зрѣлище разгульнаго народнаго праздника. Почти въ каждомъ дворѣ, въ видѣ куши, обставлялся березками столъ съ яичницей и драчевой, вездѣ раздавались семицкія пѣсни, по улицамъ толпы народа, въ вѣнкахъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и березовыхъ вѣтвей, носили березку, украшенную лентами и разноцвѣтными лоскутьями (Снегир. III, 101—102). Поселяне въ Семикѣ идутъ въ ближайшій лѣсъ, поютъ обрядовыя пѣсни, завиваютъ вѣнки, срубаютъ молодое березовое дерево, одѣваютъ его въ пестрое женское платье и съ торжествомъ приносятъ его въ село. Дерево

это, называющееся въ нашемъ народѣ гостейкою, до Троицына дня оставляютъ въ домѣ, избранномъ съ общаго согласія. Въ пятницу и субботу предъ Троицей навѣщаютъ гостейку, и при этомъ повторяютъ седмицкія обрядовыя пѣсни, а на самый Троицынъ день выносятъ ее къ рѣкѣ и бросаютъ въ воду съ гаданіемъ: потонетъ вѣнокъ или пѣтъ? При этомъ наблюдаютъ: на одномъ ли онъ мѣстѣ остановится, или поплыветъ въ сторону? Чей вѣнокъ плыветъ впереди и чѣй остается позади? И по этимъ признакамъ дѣлаютъ то или другое заключеніе. Подруги бросаютъ свои вѣнки вмѣстѣ. Бывали примѣры, говоритъ г. Сахаровъ, что матери не отдавали своихъ дочерей за тѣхъ жениховъ, у которыхъ седмицкіе вѣнки тонуть въ водѣ, думая, что такіе суженые скоро умираютъ или сливаются съ кругомъ. Ленты, которыми перевязывались вѣнки, бабушками сохранялись всю жизнь, а при бракѣ этими лентами у новобрачныхъ связывали вѣнчальныя свѣчи. Молодежь, отправляясь въ лѣсъ, или рощу, пѣла: «Благослови Троица, Богородица! Намъ въ лѣсъ пойти, намъ вѣнки завивать. Ай, Дядо, ой Лядо! Мы цвѣтовъ нарвемъ и вѣнокъ навьемъ. Ай, Дядо, ой Лядо!»..

Проводы русалокъ. Отъ языческихъ народовъ, благоговѣвшихъ къ водѣ и создавшихъ вѣрованіе, что рѣки (русла ихъ) населены различными существами, и что водою завѣдуетъ особое божество, *рычныя нимфы*, — у русскихъ, бывшихъ прежде язычниками, удержалось понятіе о рѣчныхъ существахъ подъ именемъ «русалокъ», русоволосыхъ дѣвицъ, господствующихъ въ рѣкахъ. Вслѣдствіе вѣры въ существованіе русалокъ, въ прежнія времена русскіе приносили жертвы рѣкамъ, болотамъ и колодцамъ, гдѣ предполагалось ихъ пребываніе; теперь же по народному повѣрью, въ теченіе дней, пачиная отъ Семика до Петрова дня, т. е. въ лучшую часть года, когда все цвѣтеть, русалки, будто бы странствуютъ на берегахъ рѣкъ въ близъ-лежащихъ лѣсахъ и рощахъ, качаются на вѣтвяхъ деревьевъ, или разматываютъ пряжу, похищенную у тѣхъ поселянокъ, которыя ложатся спать безъ молитвы. По народному повѣрью эти русалки обладаютъ вѣчной красотой, и входятъ въ любовь съ нѣкоторыми мужчинами, поэтому суевѣрные опасаются Троицкой субботы, когда русалки, бѣгая по ржамъ, хлопаютъ въ ладоши и расцѣвываютъ: «бухъ! бухъ! соломный духъ! мене маты породыла, не хрещену положила», — въ эту субботу, по понятію суевѣровъ, будто бы русалки, защекотавъ мужчинъ, уносятъ ихъ въ свои жилища, гдѣ они оживаютъ и дѣлаются ихъ мужьями; окруженные невообразною роскошью, они начинаютъ тамъ новую жизнь, непонятную для живущихъ на землѣ, но бываютъ ограничены только желаніемъ хоть на мгновеніе оставить водное царство. Въ виду такой опасности, трусливые мужчины наканунѣ Троицкой субботы запасаются различными травами для предохраненія себя отъ обаянія русалокъ, чтобы не сдѣлаться жителями водяного царства. Нѣкоторые думаютъ, что русалки это души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія. Другіе увѣряютъ, что каждая утопленница можетъ обратиться въ русалку, если покойница похожа была на нее при жизни. Но большинство вѣрствующихъ считаетъ ихъ нечистыми духами или просто дѣвольскимъ навожденіемъ. Въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ въ Троицкую субботу дѣлають проводы русалокъ. Съ вечера поселяне собираются на поляхъ и поють пѣсни, съ наступленіемъ же ночи они бѣгаютъ по полямъ съ помелами, машутъ ими по воздуху и кричатъ: «догоняй! догоняй!» Только послѣ этого считаютъ безопасно купаться въ рѣкѣ, а до прогнанія русалокъ купаніе въ рѣкахъ признается опаснымъ, ибо тогда купаются сами русалки и всякаго неосторожнаго защекочивають до смерти.

Изъ сдѣланнаго краткаго очерка семицкаго праздника достаточно объясняется его настоящій смыслъ. Существенныя принадлежности этого праздника составляютъ: рощи, лѣса, вѣтки, березки и др., которыя указываютъ на языческій характеръ этого народнаго праздника. Лѣса, рощи или дубравы искони служили у насъ священными мѣстами, подъ покровомъ ихъ совершались завѣтные таинственные обряды языческаго богослуженія. Между деревьями завѣтныхъ рощъ нѣкоторые пользовались въ народѣ особеннымъ уваженіемъ, почитались за священные; къ числу этихъ деревьевъ относятся: бѣлая береза и липа, которыя постоянно упоминаются въ семицкихъ обрядовыхъ пѣсняхъ и играютъ главную роль въ самыхъ обрядахъ праздника. Употребленіе на этомъ праздникѣ вѣнковъ изъ березовыхъ вѣтвей также указываетъ на религіозное чествованіе березы и на языческій богослужебный обрядъ, совершавшійся въ этотъ праздникъ. Такимъ образомъ современное намъ семицкое празднество съ его обрядами представляетъ остатокъ грубыхъ древне-языческихъ вѣрованій и богослуженія нашихъ предковъ-язычниковъ; въ немъ до послѣдняго времени почти безъ всякой перемены сохранились тѣ формы, въ какихъ празднество это совершалось у насъ въ языческую старину.

А. И.

Сказна о Касьянѣ 1).

Ѣдетъ Николай чудотворецъ по полю на конѣ; сѣдло у него серебромъ оковано, а стремена золотыя, и видитъ,—пашеть мужикъ землю на своей кобылѣ.—Богъ помощь!—говорить.—Спасибо, отче Никола! куда путь держишь?—А ѣду къ Господу Богу,—молитвы челоуѣковъ везу.—Отче Никола!—взмолился мужикъ,—когда пріѣдешь ты къ Богу, попроси ты за меня у Бога: есть, молю, такой мужикъ Касьянъ несчастный: что ни работаетъ, а все ему въ прокъ не идетъ; сдѣлай милость, пожалѣй ребятъ малыхъ, вѣдь ихъ у меня семеро!—Ладно,—говорить Никола,—доложу о тебѣ Богу. Прощай, Касьянъ!—Нѣтъ, отче Никола, ты, какъ пріѣдешь къ Богу, такъ за другими дѣлами и позабудешь обо мнѣ горемычномъ. А ты лучше вотъ что: оставь мнѣ для покою хоть одно стремя; назадъ поѣдешь, я тебѣ и отдамъ его.—А какъ же я-то объ

1) Записана Е. В. Бялынымъ со словъ крестьянина Валдайскаго уѣзда, Новгородской губерніи.

одномъ стремени поѣду?—Ничего, я вотъ тебѣ сдѣлаю стремя изъ прутьевъ да лычкомъ перевяжу.—Ну, ладно, говоритъ Никола,—будь по твоему.—Приладилъ Касьянъ прутяное стремя, Никола отдалъ ему золотое и поѣхалъ дальше. Пріѣхалъ къ Богу, доложилъ обо всемъ, что и какъ на землѣ, не забылъ и о Касьянѣ и пустился въ обратный путь. Ѣдетъ опять тѣмъ же полемъ, гдѣ повстрѣчалъ Касьяна, а тотъ все пашетъ. Ну что, отче, доложилъ обо мнѣ Богу?—спрашиваетъ Касьянъ.—Какъ же, доложилъ,—отвѣчаетъ Никола.—Чтожь онъ сказалъ?—А сказалъ Богъ: кого обманешь, твое и будетъ. Ну, а теперь давай-ка мнѣ стремя, да поѣду я дальше.—Какое стремя?—Какъ какое? Да золотое, что я тебѣ оставилъ.—Что ты, отче Никола, Христось съ тобой! Да ты мнѣ никакого стремени и не оставилъ.—Какъ не оставилъ? да ты же самъ выпросилъ его у меня въ залогъ, чтобы я не забылъ замолвить о тебѣ у Бога.—Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю,—заперся Касьянъ. Дѣлать нечего, поѣхалъ Чудотворецъ дальше объ одномъ стремени, а Касьянъ, какъ только Никола заѣхалъ въ лѣсъ, поскорѣ поставилъ кобылу на дворъ, захватилъ золотое стремя и поѣхалъ въ городъ. Бѣжитъ Касьянъ городомъ и видитъ: идетъ баринъ, на глазъ богатый, изъ себя такой осанистый. Касьянъ къ нему и говоритъ:—Баринъ, а баринъ, купите сѣдельце!—а самъ показываетъ одно стремя.—Какое сѣдло? да вѣдь у тебя одно только стремя!—Помилюйте, баринъ, стремя у меня на показъ, а сѣдло я дома оставилъ, чтобы не таскать, а то оно больно грузное; вѣдь все серебромъ оковано, а стремени золотыя; а какъ только вы купите, я прилажу и это стремя и мигомъ вамъ предоставлю это сѣдло.—Соблазнился баринъ, тутъ же отсчиталъ Касьяну триста рублей, а тотъ обѣщалъ ему къ вечеру доставить сѣдло, да и былъ таковъ. Пришелъ онъ въ деревню и началъ обманомъ промышлять, да добра наживать.

Попала разъ Касьянова корова къ барину въ потраву, загнали ее и держитъ баринъ ее на дворѣ вмѣстѣ со своими коровами, а у Касьяна ребята съ голоду плачутъ. Пошелъ Касьянъ къ барину и говоритъ ему:—Ваша милость, отпустите мою корову, пожалуйте дѣтей малыхъ, не дайте имъ голодной смертью помереть! Ну виноватъ ли я, баринъ, что ваши коровы позвали мою Буренку къ себѣ въ гости, а она и попала къ вамъ въ потраву.—Дуракъ,—говоритъ баринъ,—гдѣ это видано или слыхано, чтобы скотина разговаривала и скотину же къ себѣ въ гости звала?—Гдѣ же, баринъ,—говоритъ Касьянъ,—вашей барской милости знать, чтобъ скотина разговаривала и къ себѣ въ гости звала; вѣдь вы на глупую корову и смотрѣть-то путемъ не станете, а ужъ мы, мужики сиволапые, про то вѣрно знаемъ.—Если ты не врешь, то пусть твоя корова моихъ зоветъ къ себѣ въ гости, и если ей удастся звать моихъ коровъ къ тебѣ на дворъ, то онѣ твоими и будутъ.—Сказано-сдѣлано. Касьянъ говоритъ своей коровѣ: Ну теперь ты, Буренка, зови барскихъ коровушекъ къ себѣ въ гости!—Какъ только открыли дворъ, Касьянова корова, вырвавшись съ чужого двора, какъ припустила домой, а барскія коровы всѣ за ней, да прямо на Касьяновъ дворъ. Извѣстно, сиюха-

лись, пока стояли ииѣтъ. Жаль барину коровъ, а дѣлать нечего, пришлось отдать Касьяну, такое ужъ слово дано.

Поѣхалъ Касьянъ въ дальній городъ за какой-то нуждой, проѣзжаетъ мимо барскаго села и видитъ,—ходить передъ довами на бѣломъ дворѣ знатная свинья съ девятнадцатью поросятами, а барыня сидитъ подъ окошкомъ и лубуется на поросятъ. Касьянъ сейчасъ поставилъ лошадей на задворки, спросилъ, кто господа; ему сказали, что барыня простенькая, а барина дома нѣтъ. Пошелъ Касьянъ на бѣлый дворъ, стоитъ и все вглядывается. Барыня смотритъ на него и дивится, чего мужикъ стоитъ да все вглядывается. Ихняя сестра, извѣстно, любопытна. Велила позвать мужика и спрашиваетъ его:—Чего ты, мужичекъ, отоишь да вглядываешься?—Какъ же ииѣ, петушка барыня, твоей милости не вглядаться! Какъ твоя то свинья нестрая моей свиньѣ мать крестная, а моя то свинья сегодня иисвинива, такъ отпусти ты свою къ моей погостить и съ поросятами.—Барыня спросила взяла да и отпустила. Касьянъ поклялся свиней въ телѣгу и поѣхалъ. Немного спустя пріѣхалъ баринъ, а дворня ему и рассказала, что какой-то мужикъ выпросилъ у барыни свинью и съ поросятами погостить къ себѣ. Баринъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, велѣлъ заложить въ тарантасъ тройку самолучшихъ жеребцовъ и пустился къ погоню за мужикомъ. Касьянъ ѣдетъ и слышитъ колокольчики и бубенцы, свернулъ лошадь въ лѣсъ, а самъ напакостилъ, прикрылъ пакость шапкой и сидитъ у дороги, придерживая шапку рукой. Вдругъ подъѣзжаетъ баринъ и спрашиваетъ:—Не везъ ли мужикъ свиней по дорогѣ?—Везъ.—Куда же онъ поѣхалъ.—Да по дорогѣ. По какой дорогѣ? Куда ииѣ за нимъ ѣхать?—Да вотъ по этой; только ты, баринъ, его не догонишь, собьешься,—потому повертокъ много; а я бы догналъ его, потому у меня приѣта такая есть, да только ииѣ нельзя.—А что ты тутъ дѣлаешь?—Да вотъ товарищи дачъ ловить, а я ее караулю.—Такъ поѣзжай ты, а я за тебя покараулю.—Ладно,—говоритъ Касьянъ,—только ты шапку отъ земли не подымай, а то птюшка-то улетитъ.—Не упушу, поѣзжай скорѣе!—Касьянъ сѣлъ въ тарантасъ и погналъ лошадей, а баринъ сидитъ и караулитъ. Проходитъ часъ, другой. Касьяна все нѣтъ; баринъ беспокоится, а самого любопытство разбираетъ, какая птица подъ шапкой сидитъ; что-то она и не шевелится.—А ну-ка я пріотворю да сразу и схвачу. Неужто улетитъ?—Приподнял шапку, да какъ разомъ хватить вучу-то пакости! Тутъ баринъ понялъ, какъ мужикъ надулъ его; рассердился, а дѣлать нечего, побрелъ пѣшкомъ восвоюся. Касьянъ захватилъ телѣгу со свиньями, отвезъ въ городъ да все тамъ и продалъ.

И долго такъ промышлялъ Касьянъ, всего-то и не припомнишь, что онъ сотворилъ. А Николай Чудотворецъ по землѣ разъѣзжаетъ и добро и зло за людьми примѣчаетъ и обо всемъ Господу Богу доноситъ, что и какъ на землѣ. Наѣхалъ онъ опять на село, гдѣ Касьянъ живетъ, а тамъ только и разговоры, что Касьянъ неправдой живетъ. Пріѣхалъ Никола къ Богу, обо всемъ доложилъ и говоритъ:—Ииѣздила я всю землю, а такого грѣшника, какъ Касьянъ, не видала. Я за него у тебя просила, а онъ и меня, Чудотворца, за добро обманулъ: золотое стремя

утамъ. Выслушавъ Господь, разгнѣвался на Касьяна и положилъ судъ свой праведный: Праздновать Николѣ за его добродѣтель два дня въ году, а Касьяну праздновать за грѣхи его разъ черезъ три въ четвертый годъ.

Помѣщая эту сказку въ видѣ дополненія къ моей замѣткѣ „Еще повѣрья о св. Касьянѣ“ («Эт. Обзор.» кн. XXII), укажу еще на одинъ печатный вариантъ легенды о Касьянѣ, не упомянутый въ моей замѣткѣ, это—легенда, помѣщенная въ статьѣ А. Н. Трунова «Понятія крестьянъ Орловской губерніи о природѣ физической и духовной». (Записки И. Р. Г. О. по отдѣленію этногр., т. II, стр. 33—34).

Н. Мендельсонъ.

НѢКОТОРЫЯ ДАННЫЯ ПО ВѢРОВАНИЯМЪ АРМЯНЪ ЕЛИЗАВЕТПОЛЬСКОЙ ГУБ. ¹⁾.

I. Небо, свѣтила, явленія природы.

Небо есть въ видѣ свода замерзшая вода; его основаніе держится на поверхности воды. Оно стоитъ очень далеко отъ земли, но зимою немного приближается къ ней. За видимымъ небомъ есть еще другія небеса; всѣхъ небесъ семь.

Между небесными тѣлами *солнце* и *луна*—дѣти Пресвятой Дѣвы Маріи, Матери Божьей, *солнце*—дочь ея, а *луна*—сынъ.

Двигаться около земли ночью, въ болѣе опасное время, предназначено *лунѣ*, какъ мужчигѣ, а днемъ, въ болѣе безопасное время, *солнцу*, какъ женскому полу.

Кромѣ того, *солнце*, какъ существо застѣчивое, вооружено пучкомъ иглокъ (лучи), которыми оно колетъ глаза тѣмъ, которые осмѣливаются смотрѣть на него. *Солнце* и *луна* при движеніи около земли держатся въ воздухѣ.

Послѣ заката, какъ *солнце*, такъ и *луна* уходятъ въ объятія своей матери. При заходѣ *солнце* приближается къ своей матери и въ это время, радуясь ея близости, краснѣетъ. Тогда же оно, какъ и при восходѣ, стоитъ и къ намъ близко, и повтому кажется болѣе яркимъ. Такъ какъ восходъ *солнца* бываетъ сейчасъ же по выходѣ изъ горячихъ объятій своей матери, то потому оно тогда красное. По тѣмъ же причинамъ и *луна* при восходѣ и заходѣ кажется болѣе яркою и красною.

По *падению звѣздъ* можно узнать, что на землѣ кто нибудь умеръ, потому что каждый человекъ имѣетъ на небѣ свою звѣзду, которая и

¹⁾ Записаны въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1891 года въ видѣ отвѣтовъ на изданные Этнографич. Отдѣломъ „Вопросные пункты“ со словъ пожилого крестьянина сел. Чайкева, Елизаветпольскаго уѣзда, той же губерніи, Ованеса Мусаслова, и проверены по показанію другихъ *Аст.*

падаетъ съ его кончиною. При появленіи человѣка на землю, на небѣ является и его звѣзда.

Радуя—это знакъ благополучія даннаго года. Она имѣетъ силу превращать проходящаго подъ нею мальчика въ дѣвочку, а дѣвочку въ мальчика.

Млечный путь есть слѣдъ самана; его называютъ: «Саманнаго вора. путь». Происхожденіе его слѣдующее: у одного человѣка голодали верблюды; но ему никто не хотѣлъ дать самана; поставленный такимъ образомъ въ крайность, онъ укралъ у своего сосѣда саманъ; но дорогою онъ былъ застигнутъ ураганомъ и вмѣстѣ съ саманомъ взятъ на небо; саманъ разнесся по небу и присталъ къ нему въ видѣ той бѣлой дороги, которая и теперь существуетъ.

Богъ иногда на своей колесницѣ обозрѣваетъ небо; отъ страха въ это время всѣ живущіе на небѣ плачутъ; отъ стуконъ колесницы происходятъ *громъ*, и отъ слезъ плачущихъ образуется *дождь*. Еще громъ и дождь происходятъ изъ ссоры Іисуса Христа съ Магометанскимъ пророкомъ Аліемъ (будто Іисусъ Христосъ съ Аліемъ вмѣстѣ посѣяли пшеницу, но всю пшеницу по сборѣ Аліи захватилъ въ свои руки, а Іисусъ Христосъ на это претендуетъ¹⁾). Иногда по небу плаваютъ рыба, а слѣдъ представляетъ *молнію*. Молнія, по повелѣнію Бога, грѣшныхъ людей убиваетъ. Чтобы дождь предохранить отъ молніи, въ четырехъ углахъ его кладутъ сталь, которая и отводитъ молнію.

Во время грозы черти прячутся подъ землю. Если первый громъ случается около половины марта, то онъ говоритъ о предстоящемъ хорошемъ урожаѣ.

II. Д у х и.

Всѣмъ *духамъ*, населяющимъ лѣса, поля, воды, дома и проч., можно дать одинъ видъ: всѣ части тѣла тѣ же, что и у человѣка; сверхъ этого они имѣютъ рога и хвостъ; ростъ 1—2 фута; волоса по росту, желтаго или чернаго цвѣта. *Лѣшіе* иногда прохожихъ сбиваютъ съ пути; такой заблудившійся человѣкъ только тогда освобождается изъ рукъ духовъ, когда приходитъ въ сознаніе о своемъ заблужденіи и три раза крестится. Другой разъ лѣшіе, заблудивъ прохожихъ, заводятъ ихъ на свою свадьбу. Изъ разсказовъ такихъ заблудившихся видно, что на свадьбѣ у лѣшнихъ совершаются тѣ же обряды, что и у крестьянъ: вѣнчаніе, танцы, стрѣльба, сборъ денегъ и проч. Но у нихъ роскоши больше, чѣмъ у крестьянъ. Если заблудившійся безъ оружія, безъ стали, то духи заставляютъ его все дѣлать: рубить дрова, таскать воду, танцовать и проч. Въ случаѣ отказа, духи бьютъ его, отчего тотъ болѣетъ неизлѣчимою болѣзнію.

Такъ какъ сталь обезсиливаетъ духовъ, то поэтому они лишены возможности владѣть иголкою и шить себѣ платья. Для свадьбы

¹⁾ Относительно грома свѣдѣнія собралъ преподаватель Закона Божія Арх. испов. Чайкендскаго земскаго училища Вячеславъ Даніиловичъ Теръ-Барагамовъ.

они гѣзуютъ въ самыя богатые сундуки людей и выбираютъ себѣ необходимое вѣнчальное платье, и, совершивъ свадьбу, обратно глэдуть на мѣсто.

Для свадьбы же духи уводятъ изъ конюшенъ красныхъ быковъ, закалываютъ, мясо съѣдаютъ, а кости, сложивъ какъ слѣдуетъ, обтягиваютъ щкурою и вдуваютъ въ нихъ жизнь и опять обратно приводятъ въ конюшню. Потому-то красные быки большею частью являются худыми. Тамъ же порядкомъ уводятъ изъ конюшенъ коней, только не для ѣды, а для ѣзды.

Водяные становятся могущественными и вредоносными по ночамъ. Поэтому если явится экстренная нужда въ водѣ ночью, слѣдуетъ идти за нею не одному, но компанією, и забирать воду не прежде, чѣмъ перекрестившись три раза, произнеся имя св. Троицы.

Домовыхъ въ каждомъ домѣ столько, сколько душъ въ немъ. Съ ними слѣдуетъ обращаться осторожно, чтобы не огорчать ихъ. Напр., слѣдуетъ помойную (отъ рукъ, ногъ, посуды) воду оставлять въ какойнибудь посудѣ до утра и тогда выбрасывать, а не ночью,—потому что если эту воду выбросить ночью, то капли воды могутъ попасть въ домового; отъ этого домовый сердится и виновника избиваетъ; отъ избіенія, какъ и другихъ духовъ, заболѣваютъ неизлѣчимою болѣзнію.

Назначеніе духовъ вообще охранять клады.

Когда теряютъ какуюнибудь вещь и тотчасъ же начинаютъ искать и не находятъ, то говорятъ, что на нее духъ съѣлъ.

Такия же представленія о духахъ существуютъ и между крестьянами сел. Варташень, Нухинскаго уѣзда, Елизаветпольской губерніи.

Привожу рассказы, о духахъ, собранные мною, въ селеніи Варташень со словъ пожилыхъ крестьянъ.

1. О солнцѣ и лунѣ ¹⁾.

Жила-была старуха съ единственнымъ сыномъ и невѣсткою. Старуха не любила невѣстку свою за то, что она рождала все дѣвочки; послѣ шестыхъ родовъ, при седьмыхъ, въ ожиданіи, что и теперь родитъ дѣвочку, старуха велѣла своему сыну прогнать изъ дома невѣстку. Сынъ, сколько ни любилъ свою жену, но не смѣлъ противорѣчить своей матери. Взялъ онъ свою жену съ самою младшею дочерью, вывелъ далеко за село, а самъ воротился домой. Беременная мать съ дочерью шли до сумерокъ. На ночь онѣ расположились на равнинѣ подъ однимъ кустомъ. Такъ какъ ночь была не изъ теплыхъ и вдали свѣтила огонечекъ, то дѣвочка, оставивъ свою мать подъ кустомъ, сама направилась къ свѣту за огнемъ. На разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ свѣта она остановилась и видитъ: сидятъ три человѣка—одинъ поддерживаетъ свѣчу, другой пишетъ, а третій диктуетъ слѣдующее: «подъ кустомъ такая-то женщина (имя матери прислушивающейся дѣвочки) родила мальчика, котораго во

¹⁾ Отъ крестьянъ-удиинъ сел. Варташень.

время его свадьбы смертельно ужалить змѣя; а змѣя эта выползетъ изъ свадебнаго башмака». Дѣвочка, догадавшись, что рѣчь идетъ о матери и новорожденномъ ея сынѣ, и что эти люди не простые, а опредѣлители судебъ человѣческихъ, подошла къ нимъ и неотвязно стала просить ихъ о перемѣнѣ такой ужасной судьбы брата. «Что разъ опредѣлено, больше его нарушить нельзя. А научить, какъ спасти его, научимъ. Ты до свадьбы брата замужъ не выходи; и во время свадьбы, когда твой братъ будетъ переодеваться въ вѣнчальное платье, то платья подавай ты сама, встряхивая по одному въ краснонакаленную печь. Змѣя выпадетъ въ печь и лопнетъ съ такимъ трескомъ, что земля, дома, деревья будутъ дрожать. Тогда твой братъ пристанетъ къ тебѣ и будетъ сильно настаивать, чтобы ты открыла ему причину треска; но ты старайся не открывать, въ противномъ случаѣ ты превратишься въ камень, и гнѣтъ тебя потомъ будетъ весьма тяжело. На всякій случай мы сообщаемъ тебѣ и средство. Въ случаѣ, если ты не утерпишь и откроешь брату причину треска, то предварительно сообщи ему, чтобы онъ, послѣ твоего окаменѣнія, отправился въ домъ солнца и луны къ матери ихъ и принесть бы помойную отъ рукъ и лица ихъ воду; если окропить тебя, окаменѣвшую, этою водою, то ты оживешь».

Она, съ радостью и тоскою въ груди, возвратилась къ своей матери, уже разрѣшившейся отъ бремени сыномъ, целовала ребенка взятою тряпкою; эту ночь онъ все-какъ провели подъ кустомъ и на другой день утромъ отправились домой, надѣясь, что ради новорожденного ребенка старуха приметъ въ свой домъ изгнанную невестку. Дѣйствительно, радость старухи и ея сына была безпредѣльная—ничего и говорить, что приемъ былъ весьма ласковый и праздничный. По возможности старуха старалась воспитать новорожденного въ пуху, въ довольствѣ. Самъ младенецъ росъ не по днямъ, а по часамъ, черезъ мѣсяцъ казался уже годовымъ мальчикомъ; гѣтъ въ 15 сдѣлался зрѣлымъ мужчиною. Тогда же приготовились сыграть его свадьбу. Вѣнчальное платье подавала благодѣтельница сестра, находящаяся еще въ дѣвахъ, согласно завѣту въ ночь великаго событія—рожденія брата, предварительно встряхивая въ краснонакаленную печь. Изъ башмака выпала въ печь змѣя и лопнула съ такимъ трескомъ, что задрожали земля, деревья, дома. Шумъ прошелъ—все успокоилось, но не успокоилось любопытство новобрачнаго жениха. Онъ пристаётъ къ сестрѣ и проситъ ее открыть причину такого происшествія. Сестра выставляла все доводы, что нельзя открыть, что въ противномъ случаѣ ей грозитъ большая бѣда, окаменѣніе и проч., но ничего не помогло. «Я прииму все мѣры для избѣжанія опасности, не останюсь даже если надо будетъ жертвовать и собою для этого, но только отъкрой мнѣ, милая сестра, тайну»,—такъ умолялъ братъ сестру. Любовь къ брату была не такая, чтобы можно было огорчить его чѣмъ-нибудь и быть въ такихъ случаяхъ твердою.

Указавъ на средство для оживленія, она открыла тайну треска, рассказала со всюю подробностью исторію его рожденія, и сейчасъ по окончаніи разсказа она превратилась въ камень.

Братъ, не придавшій серьезнаго значенія угрозамъ сестры о превращеніи въ камень, на дѣлѣ убѣдился, что сестра говорила правду, рвалъ на себѣ волосы, плакалъ, рыдалъ, тосковалъ, но напрасно. Сестра превратилась въ камень, братъ же далъ слово не жадѣть жизни своей для подаенія помощи; онъ отправился, не медля, не обвинявшись даже, въ путь въ домъ солнца и луны. Онъ шелъ очень долго, такъ долго, что у него волосы посѣдѣли. Наконецъ онъ посреди необозримой пустыни достигъ одного дома. Заходить онъ въ домъ и видитъ одну женщину, въ преклонныхъ лѣтахъ съ добрымъ выраженіемъ лица. Она хлопнула въ ладоши и спросила:

— «Что за существо ты, какъ ты осмѣлился заглянуть не только въ эту пустыню, но даже зайти въ домъ солнца и луны; вѣдь они сейчасъ придутъ обѣдать и непремѣнно растерзаютъ тебя».

— А что же мнѣ дѣлать, вотъ, такъ и такъ, случилось несчастье и я пришелъ за водою, чтобы спасти окаменѣвшую свою сестру.

— «Я мать солнца и луны; вотъ я для твоего спасенія превращу тебя въ метлу, а послѣ ухода моихъ дѣтей опять оживу и дамъ тебѣ желаемую воду».

Она своимъ дуновеніемъ превратила его въ метлу и поставила въ уголъ. Пришли братъ съ сестрою—луна и солнце. Зашедши въ комнату они заявили, что человѣкъ пахнетъ, но, осмотрѣвши вкругомъ и ничего не найдши, скоро успокоились. Они побѣдали, умыли руки и лицо и опять ушли изъ дому. Частью этой помойной воды мать облила метлу и оживила пришельца совсѣмъ молодымъ парнемъ, а остальную помойную воду дала въ руки парню и, благословивъ, отпустила въ путь. Пока достигъ своего дома, онъ снова посѣдѣлъ. Дома окропилъ сестру принесенною водою и оживилъ ее: изъ нея вышла такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Братъ оставшіяся каплями чудотворной воды окропилъ и себя, и помолодѣлъ, и похорошѣлъ. У родныхъ тоска теперь уступила мѣсто радости, ликованію. Они сыграли обоимъ, брату и сестрѣ, свадьбу одну за другою въ продолженіе 14 дней. Послѣ всѣ они продолжали жить счастливо въ искренней любви другъ у друга, а я воротился домой.

2. Бабка на родинахъ у мѣшихъ.

«Это было ночью, рассказываетъ старуха-повитуха. Я была въ постели и дремала. Слышу—зовутъ меня; я иду на зовъ; на мѣстѣ, откуда раздавался зовъ, ничего не было, но немного подальше слышу тотъ же зовъ, иду за нимъ; наконецъ дошло до того, что я зашла въ лѣсъ и перешла воду (разъ переходятъ воду ночью, уже нельзя сообразить о томъ, что духи обманываютъ). Наконецъ я очутилась у беременной лѣшей. Пристали ко мнѣ духи и говорятъ:—«если родится мальчикъ, ты будешь награждена очень щедро; если же родится дѣвочка, то ты будешь задушена».

Къ несчастью родилась дѣвочка. Но я не унывала: изъ воску искус-

ственнымъ образомъ пополнила недостатокъ, чтобы дѣвочка казалась мальчишкой. Дѣшніе новорожденную дѣвочку приняли за мальчика и наполнили полу моей рубашки (въ с. Варташенѣ женщины носятъ длинныя рубашки) червонцами въ награду. Дорогою вижу, что въ полѣ не червонцы, а чешуи отъ лука; все разбросала по дорогѣ, осталось до дому лишь нѣсколько штукъ и что же: эти червонцы дома оказались настоящими червонцами.

3. Свадьба тшихъ.

Одинъ охотникъ отправился въ лѣсъ за дичью. Онъ искалъ дичи до глубокой ночи, и, ничего не нашедши, повернулъ домой. По дорогѣ слышитъ звуки барабана и зурны. Идетъ онъ по направленію къ звукамъ и видитъ свадьбу лѣшихъ. Держа ружье на караулѣ, охотникъ выбираетъ себѣ мѣсто не подальше отъ нихъ и сидитъ, наблюдая за ходомъ свадьбы. На свадьбѣ по очереди танцовали всѣ лѣшіе.

Во время танцевъ на одной лѣшей охотникъ замѣтилъ платье; очень похожее на платье своей жены. Охотникъ потихоньку своимъ кинжаломъ прорѣзалъ полу платья. Послѣ танцевъ сѣли за свадебный столъ пировать; подавали всевозможныя кушанья, между прочимъ подавали и охотнику со всѣхъ блюдъ и пловъ съ ребромъ быка. Охотникъ все принималъ, но не ѣлъ. Послѣ пира лѣшіе пристали къ охотнику и просятъ назадъ бычачье ребро. Но охотникъ не далъ имъ ребра. Поэтому, когда складывали всѣ кости и ребра для оживленія зарѣзаннаго быка, вмѣсто названнаго ребра вставили вѣтку изъ орѣховаго дерева. Послѣ оживленія быка, свидѣтелямъ чего былъ и самъ охотникъ, послѣдній выстрѣлилъ изъ ружья и все исчезло. Пришедши домой, охотникъ по платью своей жены убѣдился, что все видѣнное на самомъ дѣлѣ совершилось. Такъ же убѣжденно онъ объявилъ хозяину быка о вставкѣ вмѣсто одного ребра орѣховой вѣтки. На основаніи этого объявленія зарѣзали быка и въ дѣйствительности нашли обдѣланную по формѣ ребра вѣтку.

Учитель Чайкендскаго 2-классн. земск. уч-ща.

Оед. Ив. Дмейрановъ.

Х а н ц е г у а ш е.

(Общественное моленіе объ урожаѣ у кабардинцевъ).

Во время большихъ засухъ у кабардинцевъ существуетъ обычай устраивать общественныя жертвоприношенія. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: Въ день Джумы (Пятницы) все мужское населеніе аула (женщины приносятъ жертву отдѣльно) стекается на аульную площадь у мечети. Обсудивши и порѣшивши назначить жертвоприношеніе, приводятъ жертвенное животное, обыкновенно быка или корову, и все со-

бравшееся общество трогается и идет за ауль. Тамъ они вбиваютъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ колъ и привязываютъ жертвенное животное, а сами идутъ дѣлать омовеніе рукъ, ногъ и лица; послѣ чего разстилаютъ бурки на травѣ и въ нѣсколько длинныхъ рядовъ садятся на колѣни лицомъ къ югу. Впередѣ всѣхъ становится мулла съ кораномъ въ рукѣ и говоритъ народу проповѣдь, въ которой объясняетъ, что бездождіе послано Богомъ въ наказаніе за людскіе грѣхи, и что поэтому необходимо покаяніе и молитва къ Нему. По окончаніи проповѣди, мулла, какъ и всѣ, становится лицомъ къ югу и провозглашаетъ народу сдѣлать во имя Бога два земныхъ поклона. Послѣ этого нѣсколько соотъ вмѣстѣ съ муллою поютъ хвалебный Богу гимнь. Затѣмъ всѣ, держа руки вверхъ, просятъ Бога о ниспосланіи на землю дождя. Послѣ молитвы всѣ встаютъ, убираютъ свои бурки и становятся вокругъ жертвеннаго животного. Мулла съ молитвой омачиваетъ водою морду, ноги и спину животному, котораго тотчасъ рѣжутъ и мясо раздѣляютъ присутствующимъ по куску на каждое семейство. Дома мясо это варятъ и раздаютъ всѣмъ отъ мала до велика въ семействѣ за ужиномъ, причемъ произносятся старшимъ въ семьѣ молитва о прощеніи грѣховъ и ниспосланіи дождя; остальные отвѣчаютъ: «Аминь, Аллахъ!».

Женщины съ своей стороны устраиваютъ жертвоприношеніе, но нѣсколько иначе. Лишь только мужчины уйдутъ изъ аула, собираются въ какомъ-нибудь домѣ нѣсколько женщинъ и дѣвушекъ. Онѣ берутъ обыкновенную деревянную лопату (ханце). Поперекъ ручки этой лопаты онѣ крѣпко привязываютъ недлинную палку, обертываютъ тряпками и на все это надѣваютъ полный женскій костюмъ. Полученное такимъ образомъ подобіе женской фигуры называется «Ханцегуаше», что значитъ княгиня или госпожа лопата. Ее ведутъ медленнымъ шагомъ, какъ бы женщину, подъ руки двѣ выбранныя для этого дѣвушки. Остальныя слѣдуютъ за ними, припѣвая: «Боже, во Имя Твое мы водимъ ханце-гуаше, пошли намъ дождя!» Вся эта процессія медленно идетъ по аулу и заходить во дворы. Въ каждомъ дворѣ хозяйка встрѣчаетъ ханцегуаше съ ведромъ воды въ одной рукѣ и съ деревянной чашкой въ другой. Зачерпнувши въ чашку воды и подойдя на нѣсколько шаговъ къ Ханцегуаше, которое при этомъ нѣсколько наклоняютъ, она брызгаетъ на нее водою, приговаривая: «Боже, прими благосклонно!» — Мало-по-малу къ шествію присоединяются разодѣтыя по праздничному аульскія дѣвушки и дѣти обоаго пола. Всѣ они идутъ на площадь, останавливаются и рассылаютъ нѣсколькихъ дѣвушекъ къ молодымъ женщинамъ, которыя сходятся въ сопровожденіи и болѣе видныхъ, уже пожилыхъ женщинъ. Когда всѣ соберутся, отправляютъ единственнаго находящагося между ними заранѣе выбраннаго парня за жертвеннымъ бараномъ (женщины приносятъ въ жертву только барановъ и домашнихъ птицъ), и съ нимъ уже идутъ всѣ на рѣку. Придя на берегъ рѣки, барана рѣжутъ; Ханцегуаше ставятъ стойкомъ; раскладываютъ огонь и варятъ въ одномъ котлѣ пасту ¹⁾,

¹⁾ Пшеница, крутая каша, употребляемая у кабардинцевъ вмѣсто хлѣба.

а въ другомъ барана. Всѣ разсаживаются по берегу. Одна изъ женщинъ и парень дѣлятъ пасту и свареную баранину и раздаютъ по кусочку того и другого всѣмъ присутствующимъ, которые и съѣдаютъ, произнося: «Боже, прими нашу жертву!»

Послѣ этого всѣ поднимаются и поочередно, зачерпнувъ воды, брызгаютъ на Ханцегуаше. Затѣмъ всѣ подходятъ къ рѣкѣ, и старухи омывають лицо и головы. Дѣвушки же, скинувъ съ себя все, кромѣ рубашки, бросаются къ молодымъ женщинамъ, недавно вышедшимъ замужъ или имѣющимъ одного только ребенка, тащатъ ихъ въ воду одѣтыми и при общемъ смѣхѣ, окунаютъ ихъ по нѣскольку разъ. Иногда дѣвушки, разыгравшись, тянутъ въ воду и старухъ. Выкупавъ такимъ образомъ всѣхъ и выкупавшись вдоволь сами, мокрыя, веселыя и довольныя, берутъ Ханцегуаше и всей гурьбой идутъ на аульную площадь. Здѣсь выкапываютъ небольшую ямочку, становятся въ нее Ханцегуаше и, горюшенько укрѣпивъ стойкомъ, посылаютъ за немногими оставшимися въ аулѣ молодыми парнями. Явившіеся привѣтствуютъ ихъ словами: «Да приметъ Богъ жертву вашу благосклонно!» Всѣ становятся въ кружокъ, и подъ музыку призваннаго скрипача начинается лезгинка кругомъ стоящей посреди круга Ханцегуаше. Сперва танцуютъ только дѣвушки, затѣмъ и женщины и наконецъ даже и старухи, которыя для такого торжественнаго случая обязаны протанцовать, кто какъ можетъ. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока не утомятъ парней въ концѣ. Къ вечеру всѣ утихаютъ. Изъ рѣки дѣвчата приносятъ нѣсколько ведеръ воды и выливаютъ на Ханцегуаше семь ведеръ. Остальною же водою, въ заключеніе, съ большимъ шумомъ и смѣхомъ обливаютъ утомившихся парней. Проговоривъ: «О, Боже, прими нашу жертву!» всѣ расходятся по домамъ, оставивъ Ханцегуаше на площади для того, чтобы мужчины, возвращаясь вечеромъ домой съ своего жертвоприношенія, могли удостовѣриться, что и онѣ не сидѣли даромъ. Въ полночь, когда все успокоится, приходитъ одинъ изъ участвовавшихъ въ женскомъ празднествѣ парней, выдергиваетъ Ханцегуаше и уноситъ къ себѣ домой. Если въ тотъ же день пойдетъ дождь, то женщины съ гордостью заявляютъ, что Богомъ принята ихъ жертва.

День такого жертвоприношенія считается настолько священнымъ, что не слышано не только о какой-либо покражѣ, но даже и объ увозѣ невѣсть въ этотъ день, хотя оустѣвшіій и едва охраняемый аулъ представляеть для этого всѣ удобства.

Талибъ Кашемевъ

Л. Н. Майковъ.

(Неврологъ).

7-го апрѣля въ Петербургѣ скончался Вице-президентъ Императорской Академіи Наукъ Леонидъ Николаевичъ Майковъ, 61 года (род. 1839 г.). Покойный прошелъ выдающійся путь общественнаго служенія, сводившагося въ концѣ концовъ къ интересамъ науки, интересамъ, имѣвшимъ, между прочимъ, большое значеніе и для этнографіи.

Смыслъ извѣстнаго въ свое время художника Николая Аполлоновича Майкова, Л. Н. по университетскому образованію былъ филологомъ, а по первой своей крупной работѣ («О былинахъ Владимірова цикла» — магистерская диссертация 1863 г.) ученымъ этнографомъ. Его общественное служеніе началось въ министерствѣ финансовъ, причемъ скоро, въ 1864 г., онъ перешелъ въ центрально-статистическій комитетъ. Въ работахъ комитета Л. Н. принималъ дѣятельное участіе, а также и въ международныхъ статистическихъ съѣздахъ до 1882 г. Интересъ къ статистикѣ долженъ обнаружить извѣстное трезвое, реальное направленіе ума, что, дѣйствительно, характерно для всѣхъ ученыхъ работъ Л. Н.-ча. Дальнѣйшій служебный путь Л. Н. Майкова уже меньше касался животрепещущихъ вопросовъ государственной жизни, а относился больше къ области чисто-научной. А именно, съ 1882 г. онъ — помощникъ директора Публичной Библіотеки и съ 1893 г. по день смерти — вице-президентъ Академіи наукъ. То и другое положеніе дало ему возможность съ особенной пользой послужить русской наукѣ.

Научно-литературная дѣятельность Л. Н.-ча обширна какъ по участію его въ различныхъ изданіяхъ и ученыхъ учрежденіяхъ, такъ и по разнообразію тѣхъ вопросовъ науки, къ которымъ относится эта дѣятельность.

Самостоятельные труды покойнаго, помимо упомянутой диссертации, были посвящены древней и новой русской литературѣ и исторіи русской журналистики, русскихъ суевѣрій и т. п. («Очерки по исторіи русской литературы XVII и XVIII в.» Спб. 1889, 1893. «Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ», 1890—1891. «Пушкинъ. Биографическіе матеріалы и историко-литературныя очерки» Спб. 1899 и др. ¹⁾).

Особенно тщательнымъ и полнымъ увлеченія проявилъ себя Л. Н. въ своихъ работахъ редакторскихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя приобрѣли цѣнность почти ученыхъ изслѣдованій. Въ 70—80-хъ гг. Л. Н. редактировалъ нѣкоторыя изданія Этнографическаго отдѣленія Географическаго

¹⁾ См. Энциклоп. словарь, изд. Брокгаузъ и Ефронъ.

Общества (между прочимъ—пять томовъ «Записокъ по отдѣленію этнографіи»); въ 1868—82 гг. онъ былъ помощникомъ редактора, и въ 1882—90 гг. редакторомъ «Журнала Мин. Нар. Просв.»; въ 1889 г. вышло редактированное имъ, при участіи Саитова, собраніе сочиненій Батюшкова, съ біографіей поэта; трудъ этотъ былъ принятъ въ печати очень сочувственно; въ 1891 г. Л. Н. редактировалъ собраніе критическихъ сочиненій своего брата В. Н. Майкова, причѣмъ и здѣсь дѣлъ самостоятельную характеристику редактируемому матеріалу. Наконецъ, въ послѣднее время Л. Н. съ особеннымъ рвеніемъ отдался редактированію и изданію сочиненій А. С. Пушкина, 1-й томъ которыхъ вышелъ къ 100-лѣтнему юбилею дня рожденія поэта. Пріемъ въ читающей публикѣ этого труда, уже равношедшагося въ продажѣ, всѣмъ еще памятенъ по свѣжимъ впечатлѣніямъ.

Въ ученой дѣятельности Л. Н. Майкова интересно отмѣтить, что, будучи магистромъ уже въ 1863 году, Л. Н. не былъ университетскимъ дѣятелемъ, и сразу пошелъ по самостоятельному ученому пути, который однако уже въ 1889 г. далъ ему званіе академика. Кромѣ того, его ученые заслуги были оценены и Географическимъ обществомъ, въ которомъ онъ 14 лѣтъ былъ предсѣдателемъ Отдѣленія Этнографіи (1872—1886). Наконецъ, хотя Л. Н. по самому званію вице-президента состоялъ предсѣдателемъ фонда императора Николая II для вспоможенія писателямъ и ученымъ, однако и здѣсь его дѣятельность была настолько тѣсно и жизненно слита съ интересами этого учрежденія, что встрѣчала со всѣхъ сторонъ одну только заслуженную благодарность.

По характеру своей ученой дѣятельности, Л. Н. Майковъ былъ изслѣдователь-бытописатель, т.-е. въ своемъ родѣ ученый-этнографъ, который выясненіе бытовой и вообще реальной обстановки изслѣдуемаго предмета ставилъ однимъ изъ первыхъ условій почти въ каждой своей работѣ. Укажемъ прежде всего на его диссертацию «о былинахъ Владимірова цикла». Здѣсь, и при томъ въ эпоху господства мифологическихъ теорій, проведена историческая точка зрѣнія на происхожденіе русскихъ былинъ, при чемъ для выясненія историко-бытовой обстановки авторъ сопоставлялъ лѣтописныя и другія извѣстія.

Далѣе, если обратить вниманіе на тѣ очерки Л. Н.-ча, которые касались народной словесности, древней и новой русской литературы, ярко бросается въ глаза характерная особенность ихъ—значительное преобладаніе бытовой стороны трактуемаго предмета: это—біографіи, характеристики личностей или общества, отдѣльныя бытовые явленія и т. п. Таковы очерки: «Симеонъ Полоцкій», «Къ характеристикѣ Ломоносова, какъ ученаго», «Вас. Ив. Майковъ», «В. А. Чупятвъ», «Театральная публика во времена Сумарокова», «Замѣтки француза о Москвѣ въ 1774 году», «Любовное посланіе XVII вѣка», «Исторія о матросѣ Василіи и повѣсть о Долгоруиѣ» и т. д. Многія изъ подобныхъ темъ служатъ и сейчасъ предметомъ работъ этнографическихъ.

Эта склонность реально-направленнаго ума не къ отвлеченной идее предмета, а къ дѣйствительному его положенію, этотъ выработавшійся

навыкъ «бытописать», возстановляя картину по литературнымъ обломкамъ, завалывшимся въ пыли обрывкамъ, умирающимъ въ глуши фамильныхъ очаговъ преданіямъ и воспоминаніямъ—дали русской наукѣ въ лицѣ Л. Н. Майкова незамѣнимаго редактора академическаго изданія сочиненій Пушкина. На этотъ кропотливый трудъ уже начинали смотрѣть какъ на вѣнецъ высшей славы неутомимаго дѣятеля; но едва успѣлъ выйти I-ый томъ и упомянутые «матеріалы» и «черчки», какъ прервалась жизнь, прервался и трудъ. Многое изъ подготовленнаго Л. Н-чемъ для дальнѣйшихъ томовъ сочиненій Пушкина, конечно, увидить свѣтъ; но многое, чего не сохранилось въ бумагахъ покойнаго, особенно тѣ замѣтки, которыя должны были носить характеръ историко-литературныхъ очерковъ, умерло вмѣстѣ съ ихъ авторомъ. По воспоминаваніямъ изъ личныхъ бесѣдъ съ Л. Н-чемъ, можно сообщить, что онъ предполагалъ дать обширныя замѣтки къ тѣмъ фактамъ изъ жизни и сочиненій Пушкина, гдѣ поэтъ обнаруживалъ значительный интересъ къ народной массѣ. Такъ, между прочимъ, эти замѣтки имѣли въ виду «Повѣсти Бѣлкина», «Капитанскую дочку», «Исторію Пугачевского бунта», «Пѣсни Стеньки Разина» и др. Покойный имѣлъ въ виду для этого обширный фактическій матеріалъ, дававшій цѣлую картину тогдашняго отношенія известной части интеллигенціи къ народу.

Говоря о Пушкинѣ, кстати замѣтимъ, что Л. Н., вообще благосклонно и съ интересомъ относившійся къ изслѣдованіямъ языка, особенно чутко былъ къ тому реальному направленію въ этой наукѣ, которое сказалося въ новѣйшемъ диалектологическомъ изученіи отдѣльныхъ говоровъ русскаго языка. Въ разговорѣ о Пушкинѣ онъ свои мысли о языкѣ сочиненій поэта сопоставлялъ съ мыслями собесѣдника о диалектологическомъ изученіи русскаго языка вообще, при чемъ видимо склонялся на сторону такого реального направленія.

Такимъ образомъ, сочиненія Пушкина должны были предстать предъ свѣтомъ во всей своей реальной полнотѣ, со всемъ своимъ реальнымъ смысломъ. Но это не значить, чтобы Л. Н. не составилъ себѣ известныхъ личныхъ понятій о предметѣ, «еще не доказанныхъ фактически», а также не создалъ себѣ известныхъ симпатій къ предмету. Все это было въ немъ въ высшей мѣрѣ, все это и побуждало къ работѣ; но разъ онъ начиналъ работать, личное чувство, недоказанная мысль уже не руководила имъ. Эта драгоценная объективность, при всемъ увлеченіи предметомъ—рѣдкая черта ученаго; если прибавить сюда известную опытность и самостоятельно-выработанные приемы работы, то не трудно сказать, что со смертью Л. Н. Майкова начатое дѣло не можетъ быть окончено, а только лишь додѣлано.

Такъ много изучавшій другихъ, покойный Л. Н. Майковъ достоинъ теперь и самаго тщательнаго изученія, какъ личность, самобытно прошедшая трудный путь жизни, среди крупныхъ явленій русской дѣйствительности, и пролившая на этотъ путь много свѣта. Онъ заслужилъ навсегда благодарную память.

Вл. Б.

12*

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. *Изданіе Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXVI. Тифлисъ. 1899.*

«Сборникъ», издаваемый Кавказскимъ учебнымъ округомъ, сталъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія Кавказа не только въ этнографическомъ отношеніи, но также со стороны экономической, исторической и лингвистической. Матеріалы, печатаемые въ «Сборникѣ», начинаютъ приобретать интересъ и для русской исторіи и словесности, выходящая изъ спеціальнаго круга вопросовъ кавказовѣдѣнія. Такъ, въ настоящемъ выпускѣ мы находимъ статью г. Джанашивили подъ заглавіемъ: «Извѣстія грузинскихъ лѣтописей и историковъ о Херсонисѣ, Готѣи, Осетіи, Хазаріи, Дидоетіи и Россіи», составляющую продолженіе работы того же автора, помѣщенной въ XXII выпускѣ. «Повѣсти» о царяхъ хазарскихъ Джимшерѣ, Хсеро и Мзечабукѣ относятся къ циклу историческихъ поэмъ XII вѣка, выросшихъ на грузинской почвѣ, подъ вліяніемъ иранскаго эпоса (См. *Хакановъ*, *Очерки по исторіи груз. словесности*, вып. II. М. 1897). «Повѣсти» эти являются прототипомъ кавказскаго былиннаго эпоса; въ нихъ можно отыскать черты, разбѣивныя по грузинскимъ сказаніямъ Амранова цикла, по сказаніямъ осетинъ, черкесовъ, чеченцевъ, горскихъ и закавказскихъ татаръ: та же борьба съ дэвами-вартами или чудовищами, опустошающими всю страну и залегающими у верховьевъ рѣкъ; тѣ же сказочныя проявленія богатырской удали, и тотъ же рыцарскій культъ женщины. Поэмы отличаются цвѣтстыми слогами, разукрашеннымъ блесками восточной поэзіи. Поэтическія сравненія, въ соединеніи съ гиперболическими образами, разбросаны щедро рукою: бой богатырей сравнивается со столкновеніемъ двухъ горъ; лязгъ оружія уподобляется раскатамъ грома; красота женщины превосходитъ чарующій блескъ луны и свѣтлѣе яркихъ лучей солнца; волны считаются сотнями тысячъ, а подарки, раздаваемые въ несмѣтномъ количествѣ, цѣлыми сотнями коней съ золотой сбруей, цѣлыми вьюками драгоценныхъ камней и златотканной парчи. Религіозный элементъ отсутствуетъ, такъ что нельзя сказать, относятся ли поэмы къ міру христіанскому или мусульманскому. Статья г. Демма посвящена вопросу «Настоящее имя святой просвѣтительницы Грузіи». Авторъ на основаніи недавно найденнаго коптскаго текста имя Нины, просвѣтительницы Грузіи, установленное вѣковой традиціей, замѣняетъ Θεογονοιστή. Коптскій текстъ,

представляющій рядъ отрывковъ, плохо сохранившихся и не вполне убѣдительно дешифрованныхъ, съ комментаріями почтеннаго автора, едва ли послужитъ основаніемъ славить Θεогносту вмѣсто Нины. Статья извѣстнаго грузинолога, проф. университета въ Грацѣ Гуго Шухарта «О географіи и статистикѣ картвельскихъ (южно-кавказскихъ) языковъ» переведена съ нѣмецкаго языка и затрогиваетъ рядъ весьма важныхъ и любопытныхъ вопросовъ. Въ первомъ же отдѣлѣ относится статья г. Сагаридзе «Обычаи и вѣрованія въ Имеретіи». Во второй отдѣлѣ вошли: «Талышинскія легенды и повѣрья», г. Теймуръ-Бена Байрамъ-Алибекова; «Татарская народная словесность въ Закавказьѣ (преданія о Баку, Шамиль, Насръ-Эддинъ др.)» «Изъ области суевѣрій и устной словесности терекскихъ казаковъ» г. Е. Баранова и «Нѣсколько грузинскихъ легендъ и сказаній» г. М. Шатберова. Третій отдѣлъ посвященъ «Адмыскимъ пословицамъ, загадкамъ, повѣрьямъ и пр.», г. Тамбиева, раздѣленнымъ по группамъ, сообразно съ содержаніемъ ихъ. Въ этотъ же отдѣлъ вошли: «Нѣкоторыя особенности живого говора гор. Кіска, Бубанской области» г. Харламова и статья покойнаго грузинолога Н. И. Гулака: «О нѣствѣ, занимаемомъ грузинскимъ языкомъ въ семьѣ индо-европейскихъ языковъ». Авторъ ищетъ основанія и приводитъ факты, устанавливающіе родство грузинскаго языка съ индо-европейскою группою. Но вопросъ едва ли можно считать разрѣшеннымъ, въ виду вызываемыхъ возраженій съ тѣхъ сторонъ, которыя авторомъ не затронуты.

А. Хахановъ.

В. Маргаритовъ. Камчатка и ея обитатели (Записки Приамурскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества. Т. V. Вып. I). Хабаровскъ. 1899 г.

Книга г. Маргаритова написана не столько по личнымъ наблюденіямъ, сколько на основаніи литературныхъ данныхъ и въ тому же авторъ этихъ литературныхъ данныхъ не исчерпалъ хотя бы съ приблизительною полнотою. Иностранною литературой (въ томъ числѣ и книгой Штеллера) онъ совсѣмъ не воспользовался, да и выборъ русскихъ источниковъ оставляетъ желать многого. Не говоря про отдѣльные пропуски, можно указать на то, что г. Маргаритовъ совершенно оставилъ въ сторонѣ, напримѣръ, всѣ работы, посвященныя описанію коряковъ, хотя бы и не живущихъ въ Камчаткѣ, а занимающихъ соседніе съ нею округа. Разъ говорить о корякахъ, такъ этой литературы игнорировать совсѣмъ невозможно, такъ какъ она является безусловно необходимымъ дополненіемъ къ тѣмъ скуднымъ и отрывочнымъ указаніямъ, которыя существуютъ въ литературѣ относительно камчатскихъ коряковъ. Въ виду этого книга г. Маргаритова не можетъ претендовать на большое научное значеніе, хотя кое какія отдѣльныя указанія въ ней иногда бываютъ не лишены нѣкотораго интереса и для специалиста. Для болѣе же широкаго круга читателей, не преслѣдующихъ какихъ нибудь специальныхъ цѣлей, а просто желающихъ вообще познакомиться съ этой любопытной страной и ея немнѣе любопытнымъ населеніемъ, настоящая книга будетъ несомнѣнно

полезна. Написана она обстоятельно и толково, читается легко и снабжена множеством иллюстрацій, хотя въкоторыя изъ нихъ, къ сожалѣнію, не вполне удачны. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, нельзя быть очень строгимъ, т. к. книга издана въ провинціи и тамъ же были исполнены рисунки.

А. Максимова.

Записки Западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка XXVI. Омскъ. 1899 г.

Чуть не всю книжку занимаетъ большая статья г-жи М. Швецовою «Поляки Змиѣногорскаго округа». «Поляками» въ данной мѣстности называются русскіе старообрѣты, жившіе раньше въ Польшѣ и переселившіеся въ 60 гг. прошлаго столѣтія на западныя предгорья Алтая. Это названіе настолько пришло къ нимъ, что даже сами старообрѣты именуютъ себя такъ въ отличіе отъ кореннаго сибирскаго населенія. Часть раскольниковъ поселилась здѣсь повидимому добровольно, воспользовавшись манифестами 1762 и 1763 гг., приглашавшими старообрядцевъ вернуться въ Россію и отводившими имъ землю для водворенія, но большинство было переселено насильно послѣ извѣстнаго разгрома Вѣтки. Первое время «поляки» жили на Алтаѣ въ качествѣ государственныхъ крестьянъ, но въ 1779 г. ихъ положеніе сильно измѣнилось, т. к. они были приписаны къ заводамъ и оставались таковыми вплоть до самаго 1861 г. Въ настоящее время они живутъ въ 5 волостяхъ Змиѣногорскаго округа и занимаютъ 21 селеніе; число ихъ въ 18 селеніяхъ, о которыхъ сообщаетъ цифровыя данныя г-жа Швецова, доходитъ до 27,000 слишкомъ. Мѣстность, занимаемая ими, не вполне однородна; сѣверная часть ея носитъ степной характеръ, и преобладающими занятіями являются здѣсь земледѣліе и скотоводство; въ болѣе южной, гористой части роль земледѣлія падаетъ, и главнымъ занятіемъ послѣ скотоводства служитъ пчеловодство. Не вполне однородной массой являются и сами «поляки», и г-жа Швецова отмѣчаетъ существованіе среди нихъ двухъ типовъ, различающихся какъ по внѣшнему виду, такъ и по говору. Объясняется это различіе, по мнѣнію автора, тѣмъ, что раскольники выселились въ Польшу изъ разныхъ мѣстъ: и изъ Великой, и изъ Малой Россіи. Свои первоначальныя особенности они не утратили въ Польшѣ, сохранили ихъ и въ Сибири.

Хотя значительное большинство «поляковъ» и осталось вѣрно расколу, не они не принадлежатъ всѣ къ одной сектѣ. Здѣсь встрѣчаются и единовѣрцы, и бѣглоповцы, и безповцы различныхъ толковъ, а въ послѣднее время появилась секта «самодуровцевъ», приближающаяся отчасти къ духоборчеству. Въ большинствѣ случаевъ «поляки»-старообрядцы удержали только внѣшнюю, обрядовую сторону своихъ ученій; но какъ ни какъ они все же до извѣстной степени сторонятся окружающихъ православныхъ, а это обстоятельство, въ связи съ ихъ обособленностью, не мало способствовало тому, что они удержали очень много изъ стараго и не слились съ другими сибиряками. Изученіе такой народности

представляет большой интерес для этнографов, и работа г-жи Швецовой займет почтенное место въ литературѣ, посвященной описанію русскаго населенія Сибири. Хотя знакомство автора съ «поляками» и ограничивалось всего двух-мѣсячнымъ срокомъ, но, не смотря на краткость времени, ей удалось собрать довольно подробныя свѣдѣнія и представить обстоятельное и всестороннее описаніе «поляковъ». Въ статьѣ приложено довольно много свадебныхъ хороводныхъ и т. п. пѣсенъ, собранныхъ какъ самою г-жею Швецовой, такъ и еще однимъ лицомъ.

Бромъ упомянутой работы въ настоящей книгѣ помѣщены еще двѣ небольшія статьи: «Начальная школа въ Акмолинской области» М. Булжинова и «Матерьялы для климатологій Западной Сибири Стенного Брая» П. Брейтгама.

А. Максимовъ.

КАВКАЗСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

(Продолженіе 1).

Циסקари (груз. журн. „Заря“ подъ ред. кн. Г. Эрнстова). 1853, I—IV. С. С Орбелиани. Путешествіе по Европѣ, — V. Похвальное слово, *Варлаама* ц. Ираклію. — VI. *Ею же* Привѣтствіе въ день Рождества Хр. — 1855 II. Груз. народныя поговорки. Ш. Анекдоты. — Образцы писемъ груз. царей. — 1857. (Подъ ред. И. Кереселдзе). 1858 (Ред. онъ же). I—III. Письма о разныхъ вопросахъ *Молакбе*. — II, III, XI. Постановленіе Ираклія II о воинской повинности („Мори-че“). — IV. Реп. на ром. Рчеулова „Лимоны вдовы“. *Кн. А. Вах. Орбелиани*. — 1859, I. Письма Ираклія II изъ Персіи. — Ш. Письмо Вахтанга VI къ франц. послу. — IV. Красавица и 12 вѣсидевъ. Древнее сказаніе *З. Хитарова*. — IX. Вѣдлй обзоръ 12 кв. „Заря“ за 1858 г. *Вердзенова*. Отв. Л. Ардазіани. — XI. Крѣпостное право въ Грузіи. *Кн. А. Орбелиани*. — XII. Сурамская крѣпость. пов. *Д. Чонкадзе*. — 1860. Продолженіе повѣсти *Чонкадзе*. — I, II. Вардбулбузіани ц. *Теймураза*. — I. Соломонъ II Имеритинскій (занятія, увеселенія). — III. „Шани-Паравани“, напис. въ Рачѣ во время изгнанія. — VI. Описаніе Кутанса *Кн. З. Эрнстова*. — Объ армянахъ. Архим. *А. Теръ-Казаріанца*. — VII. Сравненіе весны съ осенью, цар. *Теймураза*. — IX. Разрушеніе Трои, цар. *Теймураза*. — „Луна-тикъ“, ром. *Рчеулова*. — XI. „Ануза Ратонивили“, ром. *Рчеулова*. Хаджи-Абрекъ Лермонтова, перев. *И. Чавчавадзе*. — XV. Сказанія о колдуньяхъ и вѣронойей башнѣ *Ѡ. Мачаваріани*. — 1861 I. С. И. Меджгануашвили. *Лева Ардазіани*. — Разборъ „Ануза Ратонивили“, кн. *Нины Эрнстовой*. II. „Салакбо Пурцели“. *Молакбе*. IV Отзывъ о перев. поэмы Козлова кн. Рев. Шалв. Эрнстовымъ. *Князя И. Чавчавадзе*. VI, VII. Отзывъ на ст. И. Чавчавадзе. Рев. Эрнстова, Варв. Джорджадзе, I. Бараташвили. С. *Александрова-Мезіева*. VI. Слово на погребеніе *Кн. М. Эрнстовой*. С. *Хаканова*. — IX—XII. Изъ путешествія по Кахетин. *Ив. Кереселдзе*, X—XII. „Кацвіа—Мпкемса“. *Д. Гурамшвили*. — 1862 I, II. Царь Ираклія II. *Кн. Омана Херхеулидзе*. — II. Происхожденіе арагвскихъ Эрнставовъ. — III. Женитба, ком. *Д. Кипіани*. — IV. „Сумасшедшая“, пов. *Рчеулова*. — IV—VI. Мученическая кончина цар. Кетеваны. *Цар. Теймураза*. — V—VII. Царевна Тамара. Ром. *Рчеулова*. — VIII—IX. Царствованіе Георгія IX. Царевича *Теймураза*. — 1863, I. Руставели и его жена (легенда). *А. Пурцеладзе*. — Отзывъ о повѣсти *Чонкадзе*, *Керели Бека*. — Завѣщаніе ц. Давида III. — II. Соборъ при Давидѣ III. — III. Обзоръ журн. „Груз. Вѣстн.“ *Керели Бека*. — VII—VIII. Все пріобрѣтается трудомъ (полит. вкон.) *Л. Ардазіани*. — X. Вардзіа Т. *Мачаваріани*. — XII. Персидская повѣсть *Ив. Балахова*. 1864, I. Перс. поэзія. *Ею же*. — III. „Кавказскій плѣнникъ“ Пушкина, пер. Сол. Гургенидзе. — V. Груз. пѣніе *Дав. Мачаваріани* и *Фил. Карбелова*. — VI—VIII. Колхидъ съ римскаго владычества до вторженія шаха Касра. *И. Мосидзе*. — IX—XI. „Маскарадъ“ Лермонтова, пер. *Гр. Цинхмидзеарова*. X. Событія по поводу освобожденія крестьянъ въ Грузіи. — 1865 II. Литературный обзоръ *А. Цагарели*. — III. О груз. спектаклѣ. *Ею же*. — III, X. Груз. писатели *Мюммели*. — V. Разборъ нѣкоторыхъ груз. надписей. *Госселани*. — 1866 2). II. Историческій обзоръ сношеній Грузіи съ Рос-

1) См. Этн. Обзор., кн. XL—XLI.

2) Недостаетъ № № 1 и 3.

сией. *Ив. Бер.*—V. Исторія музыки *Юркевича.*—X. Матеріалы для исторіи Грузин.—1867, I. О груз. литературѣ *А. Пурцаладзе.*—IV, V. Матеріалы для исторіи Грузин. *Броссе.* VII. Мцхетъ (Описаніе праздника). IX, X. Последнее время груз. царей *Л. Бараташвили.*—X. „Калмасоба“, цар. Иоанна. 1868, I—V. „Калмасоба“, ц. Иоанна.—I—VI. Оконченая церковь въ Горы. *А. Гарсеванова.*—I—VIII. Ц. Георгій XIII. *Леон. Бараташвили.* IX. Матеріалы для ист. Грузин *Броссе.*—X. Письмо цар. Николая къ ц. Алексію Михайловичу.—XII. Иоаннъ Григ. Грузинскій. *Па. Тосселиани.* 1869 ¹⁾. I—V. Присоединеніе Грузин къ Россіи. *Л. Бараташвили.*—II. Ц. Георгій XII. *Па. Тосселиани.*—V. Вардзис, *Ив. Кереселидзе.*—VI. Грамота ц. Имеретин Баграта IV къ ц. Алексію Михайловичу 1669 г.—VII—VIII. Документы касающіеся ц. Арчила, Александра и др. X. Похороны царевны Февлы Иракліевны.—1870 ²⁾ III, IV. Самцхе-Саатабаго. *И. Кереселидзе.*—VII, IX. „Геристаоба“, праздникъ грузинъ и осетинъ. *К. Бердзенова.*—1871 I. Слово въ день кончины кн. Нины Эрстовой. *С. Хаханова.*—Постановка пьесы „Затменіе солнца“.—II—IV. Путешествіе въ Іерусалимъ.—V. Кури (предмѣстье Тбилиса). Его прежнее и теперешнее положеніе. *І. Елизаова.*—XII. Завѣщаніе XVIII в., *Осиповым.* 1872 ³⁾ I, IV, X, XII. „Завѣщаніе“ *Осиповым.*—II. Кёръ-оглы и его дѣянія.—1873, I. Относительно „Общества любителей кавказской археологій“ *Д. Баградзе.*—II. Самтаврскій монастырь. *Ив. Кереселидзе.* 1874 I. Тбилис. классическая гимназія (истор. очеркъ). *Ив. Кереселидзе.*—III, IV. Констанцій Контарини (итальян. путешественникъ).—IX. Путешествіе по Сванетіи. *Г. Ц.*—1875, I, II. Жизнь Магомета *Ив. Кереселидзе.*

Составилъ А. Хахановъ.

1) Недостають № № 11—12.
2) Недостають № № 11—12.
3) Недостають № № 5 и 7.

В о п р о с ы .

1. Не знаетъ ли кто, или не имѣетъ ли рукописныхъ народныхъ разсказовъ о томъ, что въ старину убивали стариковъ, — какъ и почему прекратился этотъ обычай? Интереснѣе (потому что они менѣе представлены въ печати) варианты великорусскіе, бѣлорусскіе, польскіе и, конечно, инородческіе.

2. Въ какихъ мѣстахъ извѣстны разсказы о существовавшемъ въ старыя времена обычаѣ сѣчь подростковъ на только что проведенной межѣ для того, чтобы она сдѣлалась имъ памятной, и чтобы она, въ случаѣ надобности, могли явиться впоследствии свидѣтелями („памятковый прочуханъ“)? Не существуетъ ли сходныхъ съ этимъ обычаевъ: драть свидѣтелей за уши, давать имъ пощечины и пр.?

3. Гдѣ и въ какой формѣ практикуется или практиковалось поруганіе труповъ должниковъ, умершихъ, не заплативши долга?

4. Не имѣетъ ли кто рукописныхъ разсказовъ о гордомъ царѣ, вмѣсто котораго нѣсколько лѣтъ правилъ ангелъ? Менѣе всего извѣстны малорусскіе, польскіе и бѣлорусскіе варианты.

5. Извѣстенъ ли въ Малороссіи, Великороссіи или Бѣлороссіи обрядъ проводовъ Киселя или Жура во время поста или вообще обрядовъ, въ которыхъ онъ игралъ бы главную роль?

6. Не имѣетъ ли кто малорусскихъ пѣсень о Журилѣ (Чурилѣ, Цюрилѣ), еще не напечатанныхъ?

7. Въ какихъ мѣстахъ Малороссіи, Бѣлоруссіи, Галичины и Буковины употребляется „плѣнь“ въ значеніи урожая и „ксеня“ въ значеніи игуменьи?

8. Какіе и гдѣ извѣстны разсказы объ Ильѣ пророкѣ, какъ сидѣть и кровосмѣсительѣ или убійцѣ своихъ родителей?

9. Дѣйствительно ли существовала малорусская лубочная картина, на которой былъ изображенъ Илья Муромецъ, защищающій Переяславъ отъ Половцевъ, и о которой упоминаетъ Котляревскій въ своей „Энеидѣ“?

10. Какія преданія о Соловьѣ-разбойникѣ извѣстны въ Карачевскомъ и Брянскомъ уѣздахъ Орловской губ.? Не соединяется ли имя Соловья съ т. н. „Кривымъ лѣсомъ“, р. Смородиной и пр.? Что извѣстно о чудесномъ садѣ Соловья, куда каждый могъ войти невозбранно, но не могъ выйти оттуда и двинуться съ мѣста, если бралъ тамъ что-нибудь? Послѣднее (*брянское*) преданіе извѣстно мнѣ въ самыхъ общихъ чертахъ: желательна была бы подробная записъ.

В. Калашъ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ XIV ТОМЪ

„Трудоеъ Этнографическаго Отдѣла“,

СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ЧЕСТЬ Вс. Оед. Миллера,

изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ,

подъ ред. *Н. А. Янчука.*

(Москва, 1900 г. Стр. XXII—368 4°. Цѣна 3 руб.).

СОДЕРЖАНІЕ:

Отъ редакціи.—В. М. Михайловскій. Краткій очеркъ научной дѣятельности В. О. Миллера. (Съ портретомъ). Библиографическій перечень печатныхъ трудовъ В. О. Миллера.—Т. И. Ланге и Ф. Л. Триллинъ. Богатырь перегоняетъ солнце. Болгарская колядекая пѣсня въ датскомъ и нѣмецкомъ переводѣ.—А. Е. Грузинскій. Приходъ кобзря въ село. Изъ поэмы Шевченка: „Черныця Марьяна“.—А. А. Шама-товъ. Начальный Кіевскій лѣтописный сводъ и его источники.—О. Г. Мищенко. Къ вопросу о бытѣ Геродотовскихъ будиновъ.—А. С. Хахановъ. Нѣкоторыя черты строя и культуры древней Грузіи, по даннымъ археологій и этнографіи.—Бар. Р. Р. Штанельбергъ. Главныя черты въ народной религіи осетинъ.—Л. З. Мсеріанецъ. Къ Боспорской ономастикѣ. (Собственное имя Σωραχος).—В. К. Поржезинскій. Нѣсколько страницъ изъ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія.—М. Н. Сперанскій. Одно изъ примѣненій закона переживанія старины въ исторіи русской литературы.—Е. О. Будде. Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по великорусской диалектологіи.—Б. М. Халатянцъ. Общій очеркъ армянскаго богатырскаго эпоса.—Н. Н. Харузинъ. „Знамеца“ у мордвы въ XVI и XVII вв. (Съ 168 снимками).—М. А. Динаревъ, Апокрифы, собранные въ Кубанской области.—А. Н. Малинна. Апокрифы, записанные въ Волынской губерніи.—А. И. Кирпичниковъ. Богородица въ народной поэзіи. (Отрывки и замѣтки).—Х. И. Нучукъ-Ісаниесовъ. Армянскій апокрифъ: Посланіе судьи Пилата къ Тиверію Кесарю. (По рукописи

XVII вѣка).—Г. А. Халатицъ. Объ Авгарѣ, царѣ Эдесскомъ, по Моисею Хоренскому.—А. Д. Григорьевъ. Къ вопросу о происхожденіи и редакціяхъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.—М. О. Аттая. Повѣсть о мудромъ Хикарѣ и племянникѣ его Надапѣ. (Переводъ съ арабскаго).—С. О. Долговъ. Стихъ о Чудной Царицѣ.—С. Н. Шамбинаго. Древнерусское жилище по былинамъ.—А. В. Марковъ. Бѣломорская былина о походѣ новгородцевъ въ Югру въ XIV вѣкѣ.—Ю. И. Полива. Одинъ русскій анекдотъ и его западный источникъ.—Н. О. Суицовъ. Повѣсть о томъ, какъ чортъ разсорилъ супруговъ. (Литературная родня разсказа А. П. Стороженка: „Се тана баба, шо чортъ їй чоботы на маховыхъ вылахъ отдававъ“).—А. И. Мариевичъ. Очеркъ сказокъ, обращающихся среди одесскаго простонародія.—В. А. Гордлевскій. Обзоръ турецкихъ сказокъ по сборнику Буноша.—А. Е. Крымскій. По поводу сюжета сказки Буноша № 94, послужившаго темою перваго ученаго труда В. О. Миллера.—А. Н. Горстерь. Къ литературной исторіи „Тысячи и одной ночи“. Съ дополненіями и приложеніемъ указателя литературы, А. Е. Крымскаго.—Г. А. Мурносъ. О рѣчахъ, приписываемыхъ халифу Али.—Г. В. Чирновъ. Два любопытныхъ арабскихъ документа. (Къ исторіи внутренняго быта восточныхъ христіанъ). С. П. Олферьевъ. Изъ области древнеарабской лирической поэзіи.—С. Н. Тэръ-Саргсянцъ. Хачатуръ Абовянъ, какъ этнографъ. (Къ исторіи армянской этнографіи).—В. Н. Добровольскій. О нѣкоторыхъ архаическихъ обычаяхъ, переживаемыхъ народомъ въ Смоленской губерніи.—М. В. Довнаръ-Запольскій. Ритуальное значеніе коровайнаго обряда у бѣлоруссовъ.—П. В. Ивановъ. Вовкулаки. (Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія крестьянъ-малоруссовъ).—А. Е. Крымскій. О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на Енне и Инне. Р. О. Брандтъ. Нѣсколько мелочей. (1. Перецъ.—2. Всь, зсье, вса.—3. Человѣкъ.—4. Акцентныя крохи).—Мирза-Дмафаръ. Объ искусственномъ образованіи парныхъ словъ (Weinwörter).—П. Н. Милуковъ. Что такое „море Вирянское“ и „городъ Леденецъ“? (Справка къ вопросу о времени и мѣстѣ происхожденія былины о Соловѣй Будимировичѣ).—В. В. Каллашъ. Нѣсколько догадокъ и соображеній по поводу „Слова о Полку Игоревѣ“.—Н. А. Яичукъ. Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ

Сборникъ Бѣломорскихъ былинъ,

собранныхъ лѣтомъ 1899 года гг. *А. В. Марковымъ* и *А. Д. Григорьевымъ*.

Сборникъ будетъ объемомъ до 40 печатн. листовъ. 80.

